

смена

№ 11 июнь 1978

Мы—
молодые
хозяева
земли

ЛЕНИН! ПАРТИЯ! КОМСОМОЛ!

Товарищи делегаты! Уважаемые гости съезда!

От имени Центрального Комитета КПСС, от имени всех членов нашей ленинской партии горячо приветствуя участников нашего самого высокого комсомольского собрания и в вашем лице—всех комсомольцев, всю советскую молодежь! (Аплодисменты).

58 лет тому назад, выступая на III съезде совсем еще молодого тогда комсомола, Владимир Ильич Ленин в качестве главного выделил вопрос о том, «...чему мы должны учить и как должна учиться молодежь, если она действительно хочет оправдать звание коммунистической молодежи, и как подготовить ее к тому, чтобы она сумела достроить и довершить то, что мы начали» (ПСС, т. 41, стр. 301).

Эта ленинская постановка вопроса сохранила и сегодня всю свою актуальность. Чему мы должны учить молодежь и как она должна учиться (конечно, не только в школьном, но в более широком смысле—в смысле науки жизни), чтобы стать достойной строительницей коммунизма,—это и теперь главное в работе комсомола и в партийном руководстве этой работой.

В целом коммунисты старшего поколения могут, я думаю, быть довольны советской молодежью наших дней. Она растет коммунистически убежденной, глубоко преданной делу партии, делу великого Ленина. (Аплодисменты). Миллионы юношей и девушек показывают образцы мужества, стойкости, верности идеалам Октября. С большим энтузиазмом они работают всюду, где

Речь товарища А. на XVIII съ

проходит фронт коммунистического строительства, активно борются за выполнение напряженных планов развития страны. Во всякое дело они вносят свой особый романтический порыв и, я бы сказал, молодую окрыленность. За все это спасибо комсомолу, спасибо всем молодым людям Советской страны! (Продолжительные аплодисменты).

Пусть и впредь в ваших сердцах горит чистый огонь патриотизма, живет благородное чувство личной ответственности за порученное дело, за все, что происходит в стране. (Аплодисменты).

XXV съезд партии утвердил обширную программу на пятилетку и на дальнейшую перспективу. Она подчинена одной цели: чтобы советский народ жил еще

МОСКВА. КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ СЪЕЗДОВ. ДЕЛЕГАТЫ ХХV СЪЕЗДА ВЛКСМ С ГЛУБOKIM ВНИМАНИЕM ВЫСЛУШАЛИ ЯРКЮ, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО МАСШТАБНЮЮ И АКТУАЛЬНЮЮ ПО СВОИМ ВЫВОДАМ И ПОЛОЖЕНИЯМ РЕЧЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ПК КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ТОВАРИЩА ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА.

И. БРЕЖНЕВА взле ВЛКСМ

лучше, полнокровнее, счастливее, чтобы мы еще увереннее продвигались вперед к нашей светлой цели—коммунизму. Многое из намеченного партией успешно реализуется в ходе пятилетки, но многое еще предстоит сделать, в том числе, конечно, и вам—молодежи.

I.

Одна из важнейших примет сегодняшнего дня нашей Родины—борьба за эффективность и качество. Это—не временная кампания. Это—курс партии, взятый, как говорится, всерьез и надолго. В этом не только ключевая задача

текущей пятилетки, но и определяющий фактор нашего экономического и социального развития на многие годы вперед. В этом, если хотите, и программа воспитания целого поколения советских людей.

Наша страна располагает колоссальными природными богатствами. Усилиями нескольких поколений у нас создан мощный экономический потенциал как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Мы вырастили и подготовили многочисленные образованные, квалифицированные кадры, обеспечили людям неплохие жизненные условия.

Теперь, как никогда, важно умело, разумно, по-хозяйски использовать все эти богатейшие ресурсы, поставить их как следует на службу народу, извлечь из них максимальную пользу.

Разумеется, эффективность и качество—понятия очень широкие. Они включают в себя и такие основополагающие элементы, как наиболее рациональное размещение производительных сил, совершенствование общегосударственного планирования, комплексный подход к решению крупных экономических проблем. В этом отношении партия, в том числе на декабрьском Пленуме ЦК прошлого года, поставила четкие задачи перед нашими государственными органами, включая Госплан и соответствующие министерства. Но очень многое зависит от каждого предприятия, каждого цеха и каждой бригады, каждого трудящегося.

Что это значит?

Наша обложка:
Вера ПИЛЬЩИКОВА —
электромонтер
с Нурекской ГЭС,
делегат
XVIII съезда ВЛКСМ.
Фото Сергея ВЕТРОВА.

- 1 РЕЧЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС,**
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА НА XVIII СЪЕЗДЕ ВЛКСМ.
- 5 «НА ТРУД И ПОДВИГ».** Репортаж о XVIII съезде комсомола.
- 8 Анатолий ИВАНОВ,** лауреат Государственной премии РСФСР имени Горького. «ВЕЛИКАЯ ЗЕМЛЯ».
- 9 Рассказ Алексея КУШХАУНОВА**
«ЗАВТРА ВЫЛЕТАЮ. ВСТРЕЧАЙ...».
- 12 «ЗВЕЗДЫ С ЛАДОНЕЙ АНИВЫ».**
Фotoочерк Владимира МАТРОСОВА и Альберта ЛЕХМУСА.
- 14 ПОСВЯЩАЕТСЯ 60-ЛЕТИЮ ВЛКСМ.**
КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО»
- 15 КОНКУРС ИНТЕРЕСНОГО ПИСЬМА.**
«ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ — ЧУВСТВО ПРИЧАСТНОСТИ
К ОБЩЕЙ БОРЬБЕ».
- 16 «400 ТЫСЯЧ СИТУАЦИЙ».**
Беседа с первым секретарем Душанбинского городского комитета КП Таджикистана Гульджахон БОБОСАДЫКОВОЙ и первым секретарем ЦК ЛКСМ Таджикистана Абдулжабором САТОРОВЫМ.
- 20 «ДОМ ДЛЯ ВСЕХ».** Фоторепортаж Юрия ЛУШИНА.
- 22 НАВСТРЕЧУ XI ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ.**
Борис ГЕРМАНОВ. «ПОД ПРИЦЕЛОМ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ».
- 24 ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.**
«СЕМЬ ШАГОВ ЗА ГОРИЗОНТ».
- 26 АВТОБИОГРАФИИ.**
Арам ХАЧАТУРЯН, народный артист СССР.
«МУЗЫКУ НАДО ПИСАТЬ СЕРДЦЕМ».
- 28 Повесть Артура ХЕЙЛИ и Джона КАСТЛА**
«ПОСАДОЧНАЯ ПОЛОСА 08».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. В. СЕМЕНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантуров. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Это значит — работать не просто дисциплинированно и прилежно, а работать на совесть, умело, результативно, работать красиво, чтобы и другие тебя уважали за твой труд, и сам бы ты себя уважал.

Это значит — рационально организовать труд на каждом участке, обеспечить надежную систему поощрения за устойчивое, хорошее качество продукции и дальнейшее ее улучшение.

Это значит — сделать бережливое отношение к материальным ценностям, принадлежащим народу, первым законом жизни и труда советских людей; настойчиво изыскивать все новые и новые способы устранять непроизводительные расходы.

Это значит — создать в трудовых коллективах такую морально-психологическую атмосферу, при которой каждый будет считать своим естественным долгом — и иметь возможность — работать максимально продуктивно, с наибольшей отдачей; такую атмосферу, при которой положение подырей, прогульщиков, бракоделов, расхитителей общественного имущества станет действительно нетерпимым.

Таковы задачи, товарищи. Партия поставила их со всей четкостью и настойчивостью. Миллионы трудящихся одобрили призыв партии и откликнулись на него своими делами.

Из сообщений печати вы, наверное, знаете, какая широкая, планомерная и кропотливая работа в этом направлении ведется на предприятиях Москвы и Ленинграда, Минска и Львова, Урала и Кузбасса, Ташкента и Караганды, во многих трудовых коллективах страны.

В этой работе активно участвует молодежь. Вы выдвинули позунг: «Пятилетке эффективности и качества — энтузиазм и творчество молодых!». Это хороший, правильный лозунг. Дело чести комсомола — добиться, чтобы он повседневно воплощался в жизнь всеми молодыми рабочими, колхозниками, техниками, инженерами.

На передовых предприятиях, например, на Волжском автомобильном заводе, накоплен полезный опыт комплексного решения вопросов повышения эффективности производства и качества труда. Мы вправе рассчитывать, что он получит самое широкое распространение. Содействовать этому призван и комсомол. (Аплодисменты).

Или возьмите щекинский метод. Он дает возможность значительно увеличить объем производства при уменьшении числа работников. Казалось бы, дело ясное. Однако должного распространения он еще не получил. Некоторые хозяйствственные руководители, работники ведомств, видимо, никак не могут отрешиться от установленных канонов, пересмотреть и изменить отдельные принципы управления и формы организации производства.

Пора нам, товарищи, научиться по-деловому внедрять передовой опыт, доводить до конца всякое полезное дело. (Аплодисменты).

Каковы же сегодня решающие участки борьбы за эффективность и качество в нашем народном хозяйстве? Их несколько, но в первую очередь я бы вновь назвал капитальное строительство и транспорт. От улучшения дел на этих участках во многом зависят наши успехи на всем экономическом фронте. Эти вопросы были предметом пристального внимания на прошлогоднем декабрьском Пленуме ЦК, о них, как вы знаете, мне приходилось говорить вновь во время недавней поездки по восточным районам страны.

Мы, как я уже подчеркивал, будем строго спрашивать с хозяйственных руководителей за неповоротливость, за неумение правильно сосредоточить силы и средства, за замораживание народных средств в незавершенных стройках. Но дело ведь не только в руководителях. Оно зависит и от того, как будут работать, какую ответственность проявят миллионы людей, занятых в строительстве и на транспорте, и среди них — миллионы юношей и девушек, в том числе комсомольцев. Здесь особенно важны творческая инициатива, ударная работа на всех участках, соревнование, высшая цель которого — обеспечить конечный народнохозяйственный эффект для страны.

Было бы, например, полезно широко подхватить инициативу соревнования смежников по принципу «Рабочей эстафеты» — соревнования между коллективами строек, проектировщиков, предприятий промышленности, транспорта и сельского хозяйства за своеобразный и досрочный ввод в действие важнейших мощностей и объектов, предусмотренных пятилетним планом.

Что касается транспорта, то здесь можно отметить ценную инициативу ленинградцев — опыт трудового содружества коллективов моряков, железнодорожников, автомобилистов и речников в Ленинградском транспортном узле. (Аплодисменты).

Эти и другие подобные начинания нуждаются в вашей поддержке, дорогие друзья, в вашей энергии, в вашем молодом энтузиазме! (Аплодисменты).

Комсомол всегда был надежным шефом великих советских строек. Эта прекрасная традиция сохранилась. Но сами наши стройки стали во многом иными. Сегодня это уже не только отдельные стройки-гиганты, но и целые громадные географические районы.

Остановлюсь здесь лишь на одном из таких районов. Значение его для будущего Родины возрастает с каждым днем. Речь идет о Западной Сибири, точнее о Тюмени.

Всего за десять лет мы превратили этот таежный край в главную нефтяную базу страны. Сейчас там разворачивается мощная газовая и химическая индустрия. Не лесные и оленевые тропы характерны теперь для пейзажа Тюменской области, а молодые города, нефте- и газопромыслы, заводы, железные дороги, автомагистрали. А масштабы-то какие! Подумайте только, товарищи: на Оби экономически осваивается и заселяется территория в один миллион квадратных километров. Это примерно площадь Испании, Италии и Англии, вместе взятых. (Аплодисменты).

Да, мы смело вложили туда огромные средства. И не ошиблись. Расходы оправдали себя. Сегодня Тюмень дает почти половину советской нефти и большое количество газа. На днях ЦК партии приветствовал нефтяников Западной Сибири: они дали Родине миллиард тонн нефти. (Аплодисменты). Это большая трудовая победа. Честь и слава нашим северным добывающим черного золота! (Продолжительные аплодисменты).

Тюменскими запасами нам предстоит еще жить долгие годы. А в ближайшие десять лет основной прирост добычи нефти, газа и производимого из них ценнего химического сырья мы рассчитываем получать именно за счет Тюмени. В связи с

этим наступает, а вернее, уже наступил, новый, более сложный этап развития Западной Сибири. Предстоит вдвое-втрое увеличить там объемы всех работ. Это потребует и новых материально-технических затрат, и притока туда людей.

Чем мог бы помочь Западной Сибири комсомол? Я знаю, там сейчас уже трицатидать ударных комсомольских строек. Тем не менее я просил бы вас усилить внимание к этому району.

Стройкам нужны не просто рабочие руки. Надо направить туда определенное количество строителей, монтажников, шоферов, буровиков, учителей, людей других специальностей — вот что нужно.

С самого начала «наступления» на Западную Сибирь был выдвинут лозунг: взять ее богатства не числом, а умением, то есть с помощью новейшей техники и технологий. И тут достигнуто немало.

Возьмем блочный метод строительства. Кстати, его разработали и внедрили молодые энтузиасты, рабочие и инженеры треста «Тюменьгазмонтаж». Суть его в том, что многие промысловые объекты полностью изготавливаются на тыловых базах, в заводских цехах, а затем блоками завозятся на место, в любую даль, и там монтируются.

Подсчитано: такой метод позволяет на обустройстве сибирских месторождений вчетверо увеличить производительность труда. А это экономия тысяч и даже десятков тысяч рабочих рук.

Как видите, освоению Западной Сибири могут помочь и те, кто трудится в других местах. Для этого нужно всюду, где выполняются заказы Тюмени — на Украине, в Азербайджане, в Поволжье, Москве, во всех концах страны, — взять над ними комсомольское шефство, чтобы помочь покорить просторы и недра Тюмени с минимальными затратами трудовых ресурсов.

Думаю, этот принцип применим и к другим большим стройкам. Такой опыт уже есть. Это, например, инициатива ленинградцев по досрочному выполнению всех заказов для новостроек (Аплодисменты). Распространите, товарищи, этот почин среди молодежи повсеместно, возьмите под неослабный контроль заказы строек страны. Пусть «Комсомольский прожектор» своим светом не дает покоя, режет глаза тем, кто их срывает. (Аплодисменты).

Теперь о сельском хозяйстве.

Бесспорно, мы многое добились в осуществлении аграрной политики партии. Однако и много еще надо сделать, чтобы надежно удовлетворять растущие запросы советских людей, потребности промышленности. На эти цели сориентированы наши текущие планы, а также новые проекты, над которыми сейчас работает партия. Подъем эффективности сельского хозяйства, и прежде всего животноводства, — это важнейшая задача.

Скажу прямо: без активного участия молодежи решить ее будет трудно.

Первое слово здесь, конечно, — к сельской молодежи.

Она олицетворяет будущее и во многом определяет настояще советской деревни. Ныне наше сельскохозяйственное производство немыслимо без машин. Вот почему мы придааем принципиальное значение призыву комсомола «Живешь на селе — знай технику!». Техническое обучение сельских юношей и девушек должно стать действительно массовым.

Наше село меняет свой облик. За последние 13 лет там построены жилые дома общей площадью 450 миллионов квадратных метров. Это немало, товарищи: столько насчитывал до войны весь жилой фонд городов СССР. Село украсили дома культуры, торговые центры, кафе — подчас не хуже городских. Так кому же, как не молодежи, не комсомолу, быть главной движущей силой этих перемен, управлять новой техникой, строить современную деревню, нести туда высокую культуру! (Аплодисменты).

Разумеется, приказом в селе оставаться не заставишь. Создание хороших условий для жизни и труда на селе, воспитание уважения к труду земледельца, любви к родной природе, к земле-матушке, умения и желания приложить к ней свои руки — вот наш метод привлечения подрастающего поколения к работе на полях и фермах.

Напомню о почине выпускников школ Костромской области. Они изъявили желание трудиться на селе. Готовясь к встрече с вами, я поинтересовался, как они сейчас живут. И мне сообщили, что эти вчерашние школьники стали хорошими хлеборобами, животноводами, механизаторами, нашли себя в замечательном, благородном деле. Они создали молодежные коллективы на фермах, овладели новыми профессиями. Многие продолжают учебу. У них уже десятки тысяч последователей в разных концах нашей великой Родины.

Партия благодарит юношей и девушек, которые связали свою судьбу с грандиозной программой развития сельского хозяйства, и высоко ценит их инициативу. Это хороший пример для молодежи. (Продолжительные аплодисменты). Думаю, он и впредь не останется без подражания. (Аплодисменты).

Огромное значение имеет работа, которую ведут комсомольцы, помогая претворять в жизнь решение партии о преобразовании сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР. Держите, друзья, и впредь высоко знамя Ленинского комсомола на этой ударной молодежной стройке! (Продолжительные аплодисменты).

В эти дни на полях страны в разгаре весенне-полевые работы. Позвольте пожелать сельской молодежи, всем труженикам колхозов и совхозов провести их на высоком, качественном уровне, пожелать добрых всходов, а главное — порадовать народ хорошим урожаем. (Аплодисменты).

Говоря о проблемах села, хочу обратиться и к городской молодежи. Основа урожая и продуктивности ферм ныне закладывается и в городе. От труда рабочего во многом зависит конечный результат труда земледельца и животновода. А это значит, что молодые горожане могут сыграть здесь важную роль. Включившись в социалистическое соревнование за четкое обеспечение села всем необходимым — техникой и удобрениями, стройматериалами, оборудованием для животноводства, а также оказав помощь в сельском строительстве, они сделали бы большое дело.

И еще одна важная задача, товарищи. По мере роста нашей экономики и роста благосостояния советских людей все большее значение в их жизни приобретают такие сферы общественной деятельности, как торговля и бытовое обслуживание. Мне уже приходилось говорить о том, какое огромное значение имеют они для настроения и здоровья людей, а значит, и для их успешного труда. Это, наверное, каждый знает по своему опыту. Между тем как раз в этих областях у нас до сих пор, как вы, конечно, знаете, много недостатков, подчас даже вопиющих. Причины здесь различные — и материального, и организационного, и морального характера. Но ясно одно: надо наводить порядок. (Аплодисменты).

И я думаю, комсомолу следует взять под свою постоянную и неослабную опеку сферу торговли и обслуживания. Установите над ней эффективное шефство. Изучите поглубже положение дел, помогите и новыми людьми, и воспитанием

уже работающих там, и мобилизацией общественного мнения, и инициативами, обращенными к хозяйственным, административным органам. По-моему, это было бы полезно. Возьмитесь-ка за это дело, друзья! (Продолжительные аплодисменты).

Итак, товарищи, дел много, работы хватит. Может быть, кое-кто думает, что я слишком много задач перед вамиставил. Но ведь вас, комсомольцев, ныне почти 38 миллионов. Какая сила! (Бурные, продолжительные аплодисменты). Вам, товарищи, все должно быть по плечу. (Аплодисменты).

А самое неотложное сейчас — это не только выполнить, но и перевыполнить план текущего года. Это исключительно важно для выполнения пятилетки в целом. На это должны быть сейчас направлены усилия партийных, советских и хозяйственных органов, профсоюзных и комсомольских организаций, всех трудящихся. От вас, от молодежи, здесь зависит очень многое. И мы верим, что вы не подкачаете! (Продолжительные аплодисменты).

II.

Дорогие товарищи! Осуществление всех наших планов в конечном счете зависит от людей, их знаний, культуры, политической сознательности.

Наш главный компас на пути к коммунизму — это марксистско-ленинское учение о законах развития общества. Невозможно переоценить значение глубокого и систематического усвоения этой революционной науки. Сознательного, вдумчивого усвоения, а не механического заучивания отдельных истин и формул. Только тогда знание теории чего-нибудь стоит, когда оно превращается в убеждение, подкрепляется делом. Иначе говоря, каждый молодой ленинец должен быть активным политическим бойцом, способным на деле проводить политику партии и вести непримиримую борьбу с враждебной идеологией. (Аплодисменты).

Большое внимание партия и комсомол уделяют нравственному воспитанию молодежи. Утверждение норм и принципов коммунистической морали невозможно без постоянной и настойчивой борьбы с антиобщественными проявлениями, духовной скверны и ее неизбежными спутниками — пьянством, хулиганством, нарушениями трудовой дисциплины. Не меньшую опасность представляют и скрытые, на первый взгляд не всегда заметные проявления безнравственности. Равнодушие, иждивенчество, цинизм, претензии получать больше, чем даешь обществу — подобные нравственные изъяны не должны быть вне поля зрения комсомола, да и всей нашей общественности.

Забота о повышении жизненного уровня народа — это центральное направление внутренней политики партии. При этом мы имеем в виду и рост материально-го, и рост культурного уровня жизни людей. Одно нельзя отрывать от другого.

Мы отвергаем как проповедь бедности и аскетизма, так и куль потребления, психологии мещанина, для которого копейка, по меткому выражению Горького, есть солнце в его небесах. Материальные блага для нас не самоцель, а предпосылка всестороннего развития личности. Поэтому важно, чтобы подъем благосостояния сопровождался обогащением внутреннего мира людей, формированием правильного понимания цели и смысла жизни.

Высокий уровень образованности и информированности советских людей, в том числе, конечно, молодежи, серьезно повышает требования и к стилю воспитательной работы.

Здесь особенно нетерпимы проявления бездушности и формализма. Пора всем работникам идеологического фронта покончить с неизжитой еще кое-где практикой механического, бездумного повторения прописных истин, со словесной трескотней. Пора сделать правилом — говорить с людьми простым и доходчивым языком, писать, вкладывая в каждую фразу живую мысль и чувства. Это тоже вопрос качества и эффективности, причем на таком важном участке строительства коммунизма, как воспитание нового человека.

Партия и комсомол воспитывают молодых граждан нашего общества верными сыновьями и дочерьми Советской Отчизны, стойкими борцами за дело коммунизма. Эти качества претворяются в большие дела миллионов людей, умножают могущество Родины и благосостояние народа.

Совсем недавно, во время поездки по Уралу, Сибири и Дальнему Востоку, я с огромным удовлетворением мог еще раз воочию убедиться, какие замечательные люди трудятся в этих богатейших, но во многом еще суровых краях, какая там великолепная молодежь. Можно сказать, что она согревает климат этих мест теплом своих преданных сердец. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Особенно запомнились встречи с группой молодых строителей Байкало-Амурской магистрали на одной из станций и с молодежью города Комсомольска-на-Амуре. Это были прекрасные ребята и девушки. О своей работе, о своей жизни они говорили по-хозяйски, со знанием дела и, вместе с тем, увлеченно. Глаза их были как бы устремлены в будущее. Слушая их, и на память пришли строки известной песни: «Мы покоряем пространство и время, мы молодые хозяева земли». (Продолжительные аплодисменты).

Замечательные качества советских людей проявляются и в рядах наших славных Вооруженных Сил. Здесь молодежь проходит настоящую закалку. Здесь она не только усваивает организованность, дисциплину, но и проявляет высокую сознательность, самоотверженность, а подчас и настоящий героизм. (Аплодисменты).

Во время своей поездки на Восток я познакомился и с тем, как поставлена охрана наших границ, и с теми, кто несет там свою нелегкую службу — со славными воинами нашей Армии, нашего Военно-Морского Флота, наших пограничных войск. Скажу одно, товарищи: границы Родины надежно прикрыты от любых неожиданностей, дёло ее защиты находится в опытных, верных руках. (Продолжительные аплодисменты). И могу заверить, что молодые люди Советской страны, охраняющие ее мир и покой, имеют все необходимое, чтобы с честью выполнять свою высокую миссию. (Продолжительные аплодисменты).

Товарищи! Советские люди, выросшие в братской семье народов, воспитанные на идеях марксизма-ленинизма, по самой своей природе интернационалисты. Интернационалистские традиции воплощаются сегодня в их делах, пожалуй, шире, многообразнее, чем когда-либо. И молодежь здесь, как и во многом другом, — в первых рядах.

Более чем в ста государствах мира трудятся ныне посланцы Ленинского комсомола. В социалистических странах Европы и на далёкой Кубе, в горячих песках Сахары и в джунглях Юго-Восточной Азии, в Индии и на Арабском Востоке, в самых разных районах планеты тысячи сынов и дочерей нашей страны несут свою благородную вахту — строят заводы и электростанции, помогают открывать кладовые природы, лечат больных и учат детей. Нередко их труд — это настоящий, без шума и рекламы, бескорыстный, самоотверженный подвиг. (Аплодисменты). Подвиг во имя мира и прогресса, во имя братства и дружбы народов. (Аплодисменты). Подвиг, который еще больше поднимает авторитет нашей Родины, помогает понять правду о нашем социалистическом строе, о коммунистической морали и идеалах советских людей.

Скажем, товарищи, искреннее спасибо этим достойным представителям нашего народа. (Аплодисменты). Они помогают претворять в жизнь миролюбивую ленинскую политику нашей партии, Советского государства, повседневно осуществляют тот интернационализм на деле, который так высокоставил Владимир Ильич Ленин.

Пролетарский, социалистический интернационализм — это наша великая сила. Это — плод наших убеждений и горение наших сердец. Это — наше знамя. Будьте же всегда верны ему, дорогие друзья! (Бурные, продолжительные аплодисменты).

III.

Товарищи! В солдатской шинели по фронтовым дорогам Великой Отечественной войны прошла молодость ваших отцов. Это был поистине «бой не ради славы, ради жизни на земле». (Аплодисменты). Минули десятилетия. Сегодня уже более половины населения страны лишь по рассказам старших, из книг и кинофильмов знает, что такое война, ее тяготы и страдания. Но и теперь, в иных условиях продолжается бой за жизнь на земле. Обеспечить прочный, устойчивый мир — в этом цель нашей внешней политики, таких ее важнейших принципов, как мирное сосуществование, разрядка международной напряженности.

Разрядка сегодня — не теория, не лозунг, не благое пожелание. На ее счету немало добрых дел, вполне конкретных и осозаемых. В Европе она легла в основу взаимоотношений государств, охватила различные стороны их жизни. По-новому, более благоприятно для дела мира, выглядят теперь, несмотря на все конъюнктурные колебания, и советско-американские отношения. Путь разрядки признан и поддерживается народами как единственно разумный в наше трудное время.

Самое существенное, самое неотложное в наши дни — добиться дальнейшего ослабления военной опасности, остановить рост вооружений. Это ощущают все народы, признает большинство правительств. Об этом говорит и тот факт, что через несколько недель, впервые в истории, открывается сессия Генеральной Ассамблеи ООН, специально посвященная ограничению вооружений, разоружению. Мы желаем сессии успеха и будем активно этому способствовать.

Мы за всеобщее и полное разоружение. Не по нашей вине зашли в тупик уже почти двадцатилетние переговоры по этой проблеме. Однако за это время все же заключены соглашения об ограничении вооружений в некоторых областях. А по ряду вопросов переговоры продолжаются.

Уменьшить угрозу возникновения новой мировой войны, массового истребления людей с помощью ядерного оружия — вот центральное направление нашей борьбы за мир в современных условиях. В этих целях Советский Союз предпринимает ряд крупных акций. Одна из них — переговоры с Соединенными Штатами об ограничении стратегических наступательных вооружений.

В Москве, как вы знаете, только что побывал государственный секретарь США Вэнс, который прибыл по поручению президента Картера. Состоялся обстоятельный обмен мнениями. В итоге удалось несколько продвинуть вперед подготовку соглашения по ограничению стратегических вооружений. Далеко не все вопросы еще решены. С некоторыми позициями американской стороны мы никак не можем согласиться. Думаю, однако, что обоюдными усилиями можно на базе разумного, реалистического компромисса завершить выработку соглашения, которое будет справедливо учитывать интересы безопасности обеих держав. Это позволит заметно сдержать гонку вооружений, а значит, поможет укреплению мира.

Вот уже ряд лет Советский Союз добивается, чтобы было заключено соглашение о всеобщем и полном запрещении испытаний ядерного оружия. Сейчас мы ведем переговоры с США и Англией о запрещении испытаний во всех средах (то есть также и под землей). И можно с удовлетворением отметить, что на переговорах этих в последнее время есть определенное продвижение вперед. Хотелось бы надеяться, что дело будет доведено до конца и соответствующий договор будет подписан в недалеком будущем. Это будет заметный успех в борьбе за мир и безопасность людей.

Вместе с другими миролюбивыми силами нашей планеты Советский Союз прилагает активные усилия к тому, чтобы не допустить создания нового, особо антигуманного средства массового истребления — нейтронного оружия. Наша позиция в этом вопросе предельно проста и радикальна: пока не поздно, достигнуть соглашения соответствующих государств о взаимном отказе от производства этого оружия. И пусть человечество будет раз и навсегда избавлено от его появления.

Соединенные Штаты, которые подготовились к созданию нейтронной бомбы, к сожалению, пока не согласились с нашим предложением. Но президент Картер заявил недавно, что принятие окончательного решения о начале производства нейтронного оружия им отложено. Это, конечно, не снимает вопроса, это в лучшем случае полумера. Однако я могу сообщить, что, учитывая такое заявление президента, мы также не будем приступать к производству нейтронного оружия, если этого не сделают Соединенные Штаты. Дальнейшее будет зависеть от Вашингтона...

В соответствии со своей принципиальной линией на уменьшение угрозы ядерной войны Советский Союз принял также решение в соответствующей форме присоединиться к международному договору о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке. Тем самым мы, как и другие державы, обладающие ядерным оружием, возьмем на себя обязательство не способствовать

приобщению латиноамериканских государств к ядерному оружию, а также не применять такого оружия в отношении государств — участников договора.

Так что, товарищи: работа на пользу мира продолжается, и наша Родина предпринимает в этих целях все новые и новые усилия. (Продолжительные аплодисменты).

Мы будем стремиться к тому, чтобы и мой предстоящий вскоре визит в ФРГ также помог не только определить перспективы дальнейшего широкого взаимовыгодного сотрудничества наших двух стран (что уже само по себе важно), но и послужил бы делу укрепления разрядки и всеобщего мира, особенно в Европе.

За последнее время противники разрядки и разоружения в странах НАТО, все эти политиканствующие генералы и воинственные политики, подняли и продолжают пропагандистскую шумиху, распространяя выдумки относительно якобы угрожающего военного перевеса государства Варшавского Договора над блоком НАТО в Европе, о каких-то агрессивных намерениях в Европе, приписываемых Советскому Союзу, и тому подобное. Конечно, все это чепуха. Но не безобидная чепуха, а зловредная, ибо она служит оправданием и прикрытием для действий по-настоящему опасных и потенциально агрессивных: для взвинчивания на новый уровень гонки вооружений, для наращивания военных сил, для насыщения международной атмосферы ядовитыми парами страха, подозрений и враждебности.

Никто больше Советского Союза, тяжелее всех пострадавшего от второй мировой войны, не хочет, чтобы мир в Европе никогда более не нарушался, чтобы она навсегда стала континентом прочного мира и мирного сотрудничества. И, пожалуй, ни одно государство не сделало для этого так много, как наша страна. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Вот уже несколько лет мы добиваемся на переговорах в Вене, чтобы уровень военных сил Запада и Востока в Европе был значительно снижен — без ущерба для безопасности какой-либо из сторон, но пока встречали в ответ лишь попытки Запада изменить соотношение сил в свою пользу. На днях, правда, западные страны внесли в Вене несколько обновленные предложения. В них кое в чем учитываются соображения социалистических государств, хотя общий отпечаток одностороннего подхода явно сохраняется. Что ж, будем работать дальше. Мы готовы сделать все от нас зависящее, чтобы найти взаимоприемлемые решения, чтобы ослабить военную напряженность в том районе мира, где она особенно велика и опасна. (Аплодисменты).

Все должны знать, что Советский Союз не только не питает никаких агрессивных замыслов и не накапливает никаких «ударных кулаков» в Европе для действий против Запада, а, наоборот, делал и будет делать все, чтобы ослабить напряженность и содействовать договоренности. В отличие от стран НАТО мы уже давно не наращиваем свои вооруженные силы в Центральной Европе и не намерены, — хочу подчеркнуть это со всей силой, — не намерены и впредь увеличивать их ни на одного солдата, ни на один танк. (Аплодисменты).

И мы призываем западные государства последовать этому добруму примеру.

Пытаясь извлечь смысл и цели внешней политики Советского Союза, империалистическая пропаганда утверждает, будто есть какое-то противоречие между курсом нашей страны на разрядку, на мирное сосуществование и нашими отношениями с государствами, оставившими от колониального гнета. Советскому Союзу и другим социалистическим странам пытаются приписать вмешательство в дела молодых государств. Договариваются даже до обвинений «в политике экспансии» и «нагнетания напряженности». Все это, конечно, сплошной вымысел, не имеющий ничего общего с действительностью.

Мы хотим развивать с этими странами дружественное сотрудничество на началах полного равноправия. Мы поддерживаем их независимость, их развитие по пути мира и социального прогресса. СССР неизменно выступает за строгое уважение суверенитета этих — как и всех других — государств, за невмешательство в их внутренние дела, за неприкосновенность их границ. (Аплодисменты).

А вот империалистические державы — открыто или слегка замаскированно — постоянно вмешиваются в дела независимых освободившихся государств. Вмешиваются, чтобы препятствовать их прогрессивному развитию. Ущемляют их суверенитет, чтобы обеспечивать корыстные интересы своих монополий или планов своих военных стратегов.

Такое вмешательство, как правило, ведет к насилию и попранию прав народов. Это происходит либо во внутренней жизни соответствующих государств, как, например, в Чили, либо в форме открытой внешней агрессии, примером чему служат наглые действия правителей Израиля.

Факты говорят о том, что народы молодых государств тем успешнее защищают и отстаивают свою независимость, свои жизненные интересы, чем прочнее единство и солидарность этих государств; чем прочнее их дружба со странами социалистического мира, на поддержку которого они могут опереться в своем справедливом деле. (Аплодисменты).

За примерами и здесь недалеко ходить. Именно благодаря солидарности прогрессивных сил удалось сорвать попытки империализма и его ставленников свергнуть народную власть в Анголе, расчленить революционную Эфиопию.

Мир, невмешательство во внутренние дела, уважение независимости и территориальной целостности, равноправие, взаимовыгодное сотрудничество — все это и есть необходимые и самые важные элементы разрядки и прочного мира. Такова наша политика в Европе, такова же она и в Африке, и в Азии, в Латинской Америке, во всех частях мира. И если кто-нибудь думает, что с помощью клеветнических выдумок и угроз Советский Союз можно сбить с этого курса, то он глубоко ошибается. (Аплодисменты).

Товарищи! Анализируя обстановку в мире, мы приходим к твердому убеждению, что настало время подумать о **полном прекращении дальнейшего количественного и качественного роста вооружений и вооруженных сил государств, обладающих крупным военным потенциалом**, и тем создать условия для последующего их сокращения. Конкретно мы обращаемся с призывом обсудить программу осуществления в течение определенного ограниченного периода следующих мер:

- прекращение производства ядерного оружия во всех его видах;
- прекращение производства и запрещение всех других видов оружия массового уничтожения;
- прекращение создания новых видов обычных вооружений большой разрушительной силы;

— отказ от расширения армий и увеличения обычных вооружений держав—постоянных членов Совета Безопасности, а также стран, связанных с ними военными соглашениями.

Конечно, договориться о таких вещах—дело непростое. Наверное, начать можно было бы с какого-то одного угла, например, с прекращения производства ядерного оружия, как мы уже предлагали. А главное—вся задача облегчается тем, что осуществление этих шагов не нарушало бы соотношения сил, сложившиеся сейчас между государствами. Никто не оказался бы в проигрыше.

Мы не можем, не имеем права забывать, что над миром еще висит угроза применения ядерного оружия, порождая у народов опасения за свою судьбу. Понятно, что для ее устранения нужны совместные усилия всех ядерных государств. Но каждое из них может и должно внести свой вклад. Советский Союз со своей стороны со всей определенностью заявляет: мы против применения ядерного оружия; только чрезвычайные обстоятельства, агрессия против нашей страны или ее союзников со стороны другой ядерной державы могут вынудить нас прибегнуть к этому крайнему средству самозащиты. Советский Союз делает и будет делать все, чтобы не допустить возникновения атомной войны, чтобы народы не становились жертвами атомных ударов—ни первого, ни последующих. Это—наша твердая линия, и мы будем в соответствии с ней действовать. (Продолжительные аплодисменты).

Сберечь нашу землю, передать ее молодому поколению во всем ее богатстве и красоте, не изуродованной пламенем ядерного пожара,—вот на что должны быть направлены, по нашему убеждению, помыслы человечества. Советский Союз делает для сохранения и упрочения мира все от него зависящее. И мы верим, дорогие юные друзья, что ваше будущее—это счастье свободного труда на мирной планете. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Товарищи! Ваш съезд собрался в преддверии знаменательной даты: этой осенью исполнится 60 лет Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодежи. (Аплодисменты). Страна, конечно, достойно отметит этот юбилей. А вас просим прийти к своему празднику с новыми большими трудовыми свершениями. (Аплодисменты).

Возраст у комсомола вполне зрелый. Но дух его всегда молод. (Аплодисменты). Ленинский комсомол—боевой помощник и надежный резерв партии. У партии вы черпаете огромный, выверенный опыт для всей деятельности вашего союза. И это естественно. Ведь у партии и комсомола одна цель—коммунизм, и путь тоже один—это путь Ленина, путь служения народу. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Вам предстоит довести до полной победы великое дело, начатое вашими дедами и отцами. Будьте же их достойной сменой, высоко несите знамя коммунизма! (Бурные аплодисменты).

Слава Ленинскому комсомолу—передовому отряду советской молодежи! (Бурные аплодисменты). Слава молодому поколению нашей страны! (Бурные аплодисменты). Все встают. Зал скандирует: «Ленин! Партия! Комсомол!».

Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза—партия Ленина! (Бурные аплодисменты). Под сводами зала звучит: «КПСС—слава», «Ура!».

Да здравствует советский народ—строитель коммунизма! (Бурные, продолжительные аплодисменты). Звучит долго не смолкающая овация. Участники съезда провозглашают здравицы в честь Коммунистической партии Советского Союза, ленинского Политбюро ЦК КПСС, Ленинского комсомола, скандируют: «Ленин с нами!».

Делегаты XVIII съезда Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи от имени комсомольцев, всех юношей и девушек страны обращают идущие от самого сердца слова безграничной благодарности и преданности к нашей родной Коммунистической партии, ее ленинскому Центральному Комитету, Политбюро, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Леониду Ильичу Брежневу.

С волнением и гордостью, как боевую программу жизни, борьбы и труда, комсомольцы, вся советская молодежь восприняли вдохновляющее приветствие Центрального Комитета КПСС, мудрую, по-отечески сердечную речь товарища Леонида Ильича Брежнева. Слово партии открывает нас, придает новые силы для решения величественных задач коммунистического строительства...

Образцом верности делу революции, делу Ленина стал для советской молодежи жизненный путь пламенного коммуниста Леонида Ильича Брежнева. Славный сын рабочего класса, комсомолец двадцатых годов, активный строитель первых пятилеток, бесстрашный комиссар Великой Отечественной, выдающийся партийный и государственный деятель современности, неутомимый борец за мир, Леонид Ильин всю свою жизнь учил молодежь по-ленински трудиться, по-ленински бороться, по-ленински любить нашу прекрасную Родину. Большой школой идейной закалки молодежи стали труды и выступления Леонида Ильича Брежнева, его встречи и беседы с юношами и девушками.

Мы по-сыновнему, горячо и сердечно благодарим Коммунистическую партию, ее Центральный Комитет, заботливого и мудрого наставника молодежи Леонида Ильича Брежнева за отеческое внимание к подрастающему поколению.

Из Письма XVIII съезда ВЛКСМ Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Леониду Ильичу БРЕЖНЕВУ.

НА ТРУД И ПОДВИГ

Съезд. Слово краткое—в один слог, в одно дыхание.

Съезд. Понятие идейное, боевое, всеобъемлющее. И словарь, беспристрастно трактующий его как «собрание представителей каких-нибудь организаций, групп...» не может передать той берущей за сердце силы, которая заключена для нас в образе съезда, если это съезды нашей партии, нашего Ленинского комсомола—верного помощника и неиссякаемого резерва партии.

Всегда, во все времена, молодое поколение страны словом и делом—делом прежде всего!—отвечало на отеческую заботу партии, ибо у комсомольцев, советской молодежи не было и нет целей более высоких и святых, чем цели Коммунистической партии. Сила комсомола в партийном руководстве». В этих словах—десятилетиями выношенная правда, и каждый шаг истории комсомола это подтверждает, как подтвердил XVIII съезд ВЛКСМ.

В отчетном докладе ЦК XVIII съезду комсомола говорится:

Славная шестидесятилетняя история Ленинского комсомола ярко прослеживается через его съезды. Это поистине этапы большого пути. Комсомольцы-ветераны, должно быть, помнят небольшую заметку в газете «Известия» о делегатах первого съезда комсомола. Их было 194—юных, нетерпеливых, полных жажды действия...»

Мы знаем, в кого выросли люди того поколения. Они стали настоящими бойцами, давшими комсомолу его первую славу. Но поразительна сегодня цифра—194... Всего 194 делегата, представлявших немногим более 22 тысяч членов молодежных союзов. Ведь в конце апреля нынешнего года на XVIII съезд ВЛКСМ пришел 4981 делегат, каждый из которых представлял 7500 комсомольцев!

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев в речи на XVIII съезде ВЛКСМ сказал:

«Итак, товарищи, дел много, работы хватит. Может быть, кто-то думает, что я слишком много задач перед вамиставил. Но ведь вас, комсомольцев, ныне почти 38 миллионов. Какая сила! Вам, товарищи, все должно быть по плечу!»

В зале вспыхнули аплодисменты, как вспыхивали они многократно во время вдохновляющей речи товарища Брежнева, поставившего актуальные, масштабные задачи перед Ленинским комсомолом.

Когда Леонид Ильин провозгласил честь и славу «нашим северным добытчикам черного золота»—нефтяникам Западной Сибири, с особым чувством приветствовали эти слова 28 делегатов комсомольской организации

Тюменской области, в числе которых находились: бригадир комсомольско-молодежной бригады строителей из Надыма и буровой мастер с Самотлора, рыбак ненецкого предприятия и ассистент индустриального института, комсомольские работники и операторы по добыче нефти и газа, монтажник трубопроводов и бортпроводница, дюйка и прядильщица, студентка, школьница, учащаяся технического училища и штукатур-мальяр, зоотехник, а также инспектор пожарной охраны, ставший чемпионом мира по классической борьбе и комсоргом сборной команды страны... Это не исчерпывающая, но яркая, впечатляющая статистика! Она говорит о многом. О том, что комсомольцы Тюмени сегодня находятся на главных, решавших участках освоения громадного края. Что живут они напряженной, полновесной, интересной жизнью. Что ими движет неугасимое желание приносить как можно больше пользы своей любимой Родине, своему величественному народу.

О комсомольцах и молодежи буквально каждой республики, каждой области можно сказать подобные слова.

Запевала добрых дел—рабочая молодежь. Вот рапорт с БАМа, от бойцов отряда имени XVII съезда ВЛКСМ: «Есть 1100 километров стальных путей. Есть база строиндустрии, есть сорок шесть новых крупных поселков».

Вот запись с пресс-конференции героя космоса, проведенной в перерыве между заседаниями съезда.

Вопрос журнала «Смена»:—Как вы оцениваете роль рабочей молодежи в подготовке космических полетов?

Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Юрий Романенко:—У нас в космическом центре много молодых рабочих. Без их умелых рук, без их энергии, деятельного ума, желания познать мир эти полеты были бы невозможны.

А вот что рассказал литейщик Таджикского алюминиевого завода, делегат съезда Хайдарджом Кадыров:

— В период работы съезда я побывал с другими делегатами в Музее Владимира Ильича Ленина и получил самый дорогой подарок—копию ленинских рукописей. Я всей молодежи цеха покажу их, расскажу...

Эти взволнованные слова одного из тысяч делегатов служат ярким жизненным свидетельством тому, о чем говорится в приветствии ЦК КПСС съезду:

«Советское юношество, растущее в условиях развитого социализма, унаследовало от старших поколений глубокую приверженность идеалам коммунизма, беззаветную преданность делу Ленина, умение самоотверженно трудиться ради общего блага».

Съезд—это концентрация больших

идей Времени, сложение передового опыта лучших, извлечение из живой, горячей практики жизни общих выводов—во имя того, чтобы сегодня работать лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня. И в отчетном докладе и в выступлениях делегатов анализировалось массовое движение комсомольцев и молодежи «Пятилетке эффективности и качества—энтузиазм и творчество молодых!», получившее высокую оценку в речи товарища Л. И. Брежнева.

В отчетном докладе ЦК ВЛКСМ сказано:

«Личные пятилетние задания уже завершили свыше тысячи молодых передовиков страны. Полтора миллиона молодых тружеников, свыше 60 тысяч комсомольско-молодежных коллективов доложили о выполнении заданий трех лет пятилетки».

Буквально во всех выступлениях на съезде—будь оратор министром или рабочим, сельским тружеником или военнослужащим, комсомольским руководителем или ученым, школьником—говорилось о том, что истоки всех свершений молодежи страны заключены в ее идентичности, коммунистической убежденности, обсуждались вопросы комплексного подхода к воспитанию молодого поколения, обобщались формы и методы работы комитетов комсомола.

Комсомол—и ударное строительство. Комсомол—и система профтехобразования. Комсомол—и подъем эффективности сельского хозяйства. Комсомол—и сфера торговли и коммунального обслуживания. Комсомол—и армия... Нет такой области жизни страны, где бы не требовалась сила, талант и энергия Ленинского комсомола!

Ответственность. Самовоспитание. Эти понятия, по мысли многих делегатов, должны стать главными для члена ВЛКСМ. И хорошо, что биографии самих делегатов съезда подтверждают это!

Вот несколько записей, сделанных в пресс-центре съезда.

СЕРИКОВ Сергей, 1948 года рождения. Ученый секретарь НИИ трубной промышленности в г. Челябинске, кандидат физико-математических наук, ударник коммунистического труда, член бюро райкома ВЛКСМ.

После школы работал на заводе. В 1972 году окончил Новосибирский университет. Сейчас руководитель группы математических исследований, председатель совета молодых специалистов. Самый молодой в институте кандидат наук. Трубное производство считает главным делом жизни. Основная задача Серикова—построение математических моделей для описания технологических процессов в трубном производстве. Уже выполнена большая работа по фитингам, которая готовится к внедрению и даст экономический эффект около 3 миллионов рублей.

АБАЗАЛИЛОВА Минзали, 1956 года рождения. Помощник режиссера народного театра в Кургачинском районе Башкирии.

Ей не было двадцати, когда стала работать заведующей автоклубом. В 21 начала свою деятельность в районном Доме культуры. Не прошло и года, а помрежиссер Минзали Абазалилова участвовала в создании трех спектаклей, организовала более 40 гастрольных поездок по району.

РОДИН Владимир, 1952 года рождения. Монтажник мостостроения в Нерюнгри (Якутия). Награжден серебряным знаком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки», кандидат в члены КПСС.

Владимир построил за свою жизнь 16 мостов. Самым трудным был мост через Гилой... Здесь люди разглядели в молодом строителе будущего руководителя, ему предложили должность бригадира. Родин работает сейчас на малом участке БАМа. У его бригады

два переходящих Красных знамени—«Герои пятилеток, ветераны труда — лучшему комсомольско-молодежному коллективу» и Минтрансстроя СССР.

Такими биографиями богат комсомол, будь то завод и вуз Москвы или Ленинграда, ферма в Латвии или в Костроме, хлебное поле на Украине или хлопковое—в Средней Азии, научная лаборатория в Грузии или Н-ская войсковая часть... Так служит Ленинский комсомол своему Отечеству—первому в мире государству социализма, на чьем великом знамени начертано: Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство и Счастье всех народов!

В работе съезда приняли участие 7 международных организаций, 135 коммунистических союзов молодежи, демократических и социалистических организаций из 107 стран мира.

«Шестидесятилетняя история Ленинского комсомола—это сокровищница опыта, к которой обращаются все, кто борется за мир, за прогресс человечества, за освобождение народов»,—сказал на съезде первый секретарь Бенгерского коммунистического союза молодежи Ласло Мароти.

«...секретариат Международного Союза студентов принял решение наградить высшей наградой МСС—медалью «17 ноября»—Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи»,—заявил с трибуны президент МСС Мирослав Штепан.

**С ДОКЛАДОМ
«ОТЧЕТ ЦК ВЛКСМ
И ЗАДАЧИ
КОМСОМОЛА
ПО ФОРМИРОВАНИЮ
У МОЛОДЕЖИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
СОЗНАТЕЛЬНОСТИ,
ГОТОВНОСТИ,
ВОЛИ И УМЕНИЯ
СТРОИТЬ
КОММУНИЗМ»
ВЫСТУПИЛ
ПЕРВЫЙ
СЕКРЕТАРЬ
ЦК ВЛКСМ
ТОВАРИЩ
Б. Н. ПАСТУХОВ.**

**СЪЕЗД
ПРИВЕТСТВОВАЛИ
МОЛОДЫЕ
ЗАЩИТНИКИ
РОДИНЫ.**

ГОСТИМИ XVIII СЪЕЗДА КОМСОМОЛА СТАЛИ ДЕЛЕГАЦИИ СОЮЗОВ МОЛОДЕЖИ ИЗ 107 СТРАН МИРА.

У ДЕЛЕГАТОВ ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ.

ДЕЛЕГАТОВ И ГОСТЕЙ СЪЕЗДА ПРИВЕТСТВОВАЛИ УЧАЩИЕСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИХ УЧИЛИЩ. ОНИ РАПОРТОВАЛИ ОБ УСПЕХАХ В УЧЕБЕ И ТРУДОВЫХ ДЕЛАХ.

АВТОГРАФ КОМАНДИРА ОРБИТАЛЬНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО КОМПЛЕКСА «САЛЮТ-6» — «СОЮЗ» Ю. В. РОМАНЕНКО.

1500 БОЙЦОВ ВСЕСОЮЗНОГО УДАРНОГО КОМСОМОЛЬСКОГО ОТРЯДА ИМЕНИ XVIII СЪЕЗДА VLKSM ОТПРАВИЛИСЬ НА ПЕРЕДОВЫЕ РУБЕЖИ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ.

Наша идеология — марксизм-ленинизм. Она вселяет в нас убежденность и уверенность в победе. И с особой силой мы чувствуем это здесь, на XVIII съезде комсомола. Мы рады быть вместе с вами. Мы поздравляем вас в год 60-летия комсомола», — прозвозгласила генеральный секретарь Коммунистической молодежи Чили Гладис Марин.

...Работа съезда была напряженной, насыщенной. Она шла как на пленарных заседаниях, так и на секционных.

В канун съезда проходили встречи делегатов с руководителями министерств и ведомств. На ВДНХ открылась выставка НТТМ.

Нынешняя молодежь достойно продолжает революционные, боевые и трудовые традиции старших поколений. Образцом верности делу револю-

ции, делу Ленина стал для советской молодежи жизненный путь пламенного коммуниста Леонида Ильича Брежнева. С глубоким волнением говорили делегаты о замечательных книгах Леонида Ильича Брежнева «Малая земля» и «Возрождение». Съезд внес поправки в Устав VLKSM. Много внимания уделялось подготовке Ленинского комсомола, советской молодежи к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Гаване.

Съезд приветствовали представители армии, пионерии, системы профтехобразования страны... В зале Кремлевского Дворца съездов сошлись представители отряда XVII съезда VLKSM, выполняющие свой комсомольский долг перед Родиной на стройке века БАМа — и строй полутора тысячного Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени нынешнего XVIII съезда комсомола, который принял эстафету труда и подвига у своих боевых предшественников и отправился на пять важнейших строк пятилетки. Бойцы отряда прибыли на один из участков БАМа, на север Тюменской области для обустройства Уренгойского газового месторождения, на объекты российского Нечерноземья, на Усть-Илим и в Волгодонск — на «Атоммаш».

Съезд одобряет инициативу комсомольских организаций, ставших на ударную вахту, посвященную 60-летию Ленинского комсомола, и призывает всех юношей и девушек ознаменовать юбилей VLKSM новыми трудовыми успехами», — говорится в резолюции XVIII съезда VLKSM.

И уже первые дни после съезда свидетельствуют о новом размахе соревнования молодого поколения страны в честь 60-летия VLKSM. Оно крепнет день ото дня, ибо, как сказано в письме XVIII съезда VLKSM, направленном ЦК КПСС, товарищу Л. И. Брежневу, «Ленинский комсомол, советская молодежь всегда и во всем будут следовать заветам великого Ленина, делу партии, делу Октября, новыми патриотическими делами крепить и умножать славу и могущество любимой Родины!».

Воодушевленные огромным и незабываемым событием в жизни молодого поколения страны — XVIII съездом VLKSM, выступлением на нем Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева, комсомольцы, советская молодежь идут к 60-летию Ленинского комсомола под боевым лозунгом: «Решения XVIII съезда VLKSM — в жизнь!».

ВЕЛИКАЯ ЗЕМЛЯ

Леонид
Ильич
БРЕЖНЕВ

Анатолий ИВАНОВ,
лауреат
Государственной премии
РСФСР
имени Горького.

**В стране идут комсомольские
героико-патриотические чтения
по книгам товарища Л. И. Брежнева
«Малая земля» и «Возрождение».**

орудий и минометов, 13 тысяч танков и самоходных орудий, до 12 тысяч боевых самолетов. Почти два месяца над курскими, орловскими, белгородскими полями не было видно ни солнца, ни луны, ни звезд, наглухо закрытых пороховым дымом, копотью горящей техники, и самой земли. А сражения под Смоленском, под Москвой, под Киевом, под Сталинградом?! А героическая эпопея Ленинграда! Да разве перечислишь все тысячи и тысячи сражений и битв, которые произошли за те тяжкие и легендарные годы?!

И героическая «Малая земля»! Леонид Ильич в начале своих воспоминаний специально уточняет: «Сегодня мне хочется рассказать о сравнительно небольшом участке войны, который солдаты и моряки называли Малой землей. Она действительно «малая» — меньше тридцати квадратных километров. И она великая, как может стать великой даже пядь земли, когда она полита кровью беззаветных героев».

Кровью беззаветных героев — прекрасных сыновей и дочерей нашей Родины полита не только каменистая земля под Новороссийском, окрашенная не только синие воды Черного моря, но все земли и все воды нашего Отечества, не раз подвергавшегося самым жестоким нападениям, самым беспощадным разрушениям и опустошениям. Преклоняясь перед бессмертным подвигом малоземельцев, ярко воссозданным Леонидом Ильичом в своих воспоминаниях, советские люди преклоняются перед всеми, кто пролил кровь за Родину, и, конечно, особенно перед памятью погибших во имя счастья ныне живущих.

Недавно я получил письмо из Гомеля от старой женщины по фамилии Пешкова Клавдия Андреевна. Я вспомнил о нем, когда читал волнующие страницы воспоминаний Леонида Ильича, названных им «Возрождение». Вот что, в частности, написала в письме моя читательница и зрительница: «Я много лет жила в Рубцовске, Алтайского края. В военные годы тута привозили эвакуированное оборудование для заводов, ставили под открытым небом, нужна была крыша, а ее не было, на восстановлении завода в основном работали женщины, дети, подростки, вручную носили кирпичи. Смотрела я по телевизору «Вечный зов» и плакала, память вернулась к тем трудным временам для нашей страны. А народ-

то какой был?! Готов сутки работать, голодный, холодный, но искренне радоваться за каждый возведенный метр стены».

«А народ-то какой был!» Так думает каждый, кто читает страницы «Возрождения», рассказывающие об эпопее восстановления завода «Запорожсталь», превращенного гитлеровцами в груду искореженного металла, бетонных обломков и огнеупорных кирпичей. Иностранные специалисты утверждали, что восстановить «Запорожсталь» невозможно, немыслимо. «У меня нет никаких оснований,— пишет Леонид Ильич,— считать этих специалистов некомпетентными или недобросовестными людьми. Они достаточно все осмотрели, все выяснили, все измерили — степень разрушения, уровень техники, нашу тогдашнюю энерговооруженность, наличие подъемных механизмов, трудовые ресурсы и т. д. Они не смогли оценить «всего лишь» жизнестойкость нашего народа, патриотизм советских людей, организующую волю партии».

Народ на Днепропетровщине был так же, как на Алтае, в Сибири, как повсюду в нашей стране. Только нашему, советскому народу стала под силу грандиознейшая, на первый взгляд действительно немыслимая задача — буквально в считанные недели, порой под непрерывным артиллерийским обстрелом, под бомбежками демонтировать гигантские заводы и вместе с огромным количеством людей, тоже под бомбежками и артобстрелами, вывозить из прифронтовой полосы, а на новом месте, в тылу, опять же за считанные недели, восстанавливать огромные предприятия. Представьте себе, если это можно представить, что за короткий срок в глуби страны из фронтовой и прифронтовой полосы было вывезено более полутора тысяч промышленных предприятий, 11 тысяч тракторов, огромное количество научных институтов, лабораторий, школ, библиотек, уникальные произведения из музеев Москвы, Ленинграда, Киева и других городов, свыше 14 миллионов дел с документами государственных архивов и т. д. Плюс к этому в те же короткие сроки было эвакуировано около 25 миллионов человек, в основном женщин, детей, стариков. Ни одна капиталистическая страна не справилась бы с подобной задачей, если бы она встала перед ней. Как ни одна страна, окажись она в положении нашей, не смогла бы в столь-

рекордные сроки восстановить такое количество превращенных в руины городов, деревень, заводов и фабрик. Ведь гитлеровскими оккупантами было разрушено 1710 наших городов, 70 тысяч деревень, 32 тысячи предприятий. Эпопея возрождения «Запорожстали», описанная Леонидом Ильичом в его воспоминаниях, — ярчайший пример мужества и самоотверженности советского народа, который трудился на всех участках восстановления нашего народного хозяйства так же героически, как и сражался на всех многочисленных фронтах Отечественной войны, в том числе и на «Малой земле».

При чтении «Малой земли» и «Возрождения» у меня, как, вероятно, у многих, возникал вопрос: что же подвигло к их написанию Леонида Ильича Брежнева, человека, до предела обремененного важнейшими делами общегосударственного и мирового значения? Ответ я нашел в словах из его же книги: «Невольно думаешь о том, что сделали бы мы, насколько дальше ушли бы вперед и в социальном, и в экономическом развитии, если бы нам не мешали, не ставили палки в колеса, не отрывали от мирного труда, не вынуждали бы гонкой вооружений тратить большие силы и средства на оборону страны. И какая же сила присуща советскому строю, народу нашему, если невзирая на все помехи и преграды мы добились высочайшего уровня экономики, науки, культуры, с какими пришли к шестидесятилетию Октября!»

Именно забота о дальнейших свершениях в социальной и экономической областях нашей жизни вызвала к жизни эти произведения Леонида Ильича. Его воспоминания «Малая земля» и «Возрождение» дают яркое представление о том, какие палки нам ставили в колеса, какой ценой заплатил народ, чтобы эти преграды преодолеть. Знание и глубокое понимание этого будет вдохновлять советских людей, живущих ныне в условиях мира, на новые небывалые свершения во всех областях экономической и культурной деятельности, дальнейшей борьбы за прочный мир на земле, на новые успехи в коммунистическом строительстве. И потому-то создание этих произведений руководителем Коммунистической партии и Советского государства расценивается всем народом как акт высокой гражданственности, государственности и партийности.

НОВОЕ
ИМЯ

Алексей КУШХАУНОВ

Несколько лет назад в периодических изданиях Кабардино-Балкарии и в коллективных сборниках стали появляться рассказы Алексея Кушчайнова. А в 1974 году в издательстве «Эльбрус» вышла его первая книжка «Год до весны», в которую вошли повесть и несколько рассказов. В них действуют герои, как бы резко выхваченные из реальной действительности и перенесенные на страницы полностью, со всеми невыдуманными, часто противоречивыми чертами характера. Такому достоверному знанию жизни во многом способствовала биография молодого прозаика: А. Кушчайнов был рабочим-строителем, студентом, комсомольским работником, а теперь уже больше десятка лет — профессиональный журналист.

И еще одна особенность рассказов молодого писателя бросалась в глаза — постоянное стремление автора подметить и тонко, ненавязчиво отобразить те внутренние перемены в психологии горца, которые вызваны стремительно меняющимся ритмом современной жизни.

Взгляд автора, его мироощущение глубоко национальны. Об этом свидетельствуют и недавние публикации в центральных изданиях.

Как правило, автор не торопится в редакцию с очередным рассказом: считает, что вещь должна отлежаться и хорошенько «дозреть» в письменном столе. Такая требовательность к себе подкупает, заставляет верить в серьезность его творческих намерений.

«Завтра вылетаю, встречай...» не лучший и не худший из рассказов А. Кушчайнова. Он, пожалуй, обычен для молодого автора и построен на обычном материале. Два молодых человека любят друг друга и счастливы своей любовью. Но проходит время, и вдруг обнаруживается, что жизнь не может быть сплошным праздником...

Впрочем, о дальнейшем лучше рассказывает сам автор, которого я с удовольствием представляю читателям «Смены».

Алим КЕШОКОВ

ЗАВТРА ВЫЛЕТАЮ, ВСТРЕЧАЙ...

РАССКАЗ

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

Была пятница. Как всегда в этот день, раньше обычного разбежались сослуживцы, и Галим неторопливо складывал бумаги, оттягивая время, когда надо будет идти домой, хочешь или не хочешь. Но вот бумаги аккуратно сложены и уbraneы в ящики, на стеллажах идеальный порядок, даже чернильницы наполнены, хотя это не входило в его обязанности.

Галим стал у окна и поглядел на улицу. А на улице шел дождь, прямо-таки лил сплошной стеной, упругим потоком бил из водосточной трубы, будто стремясь пробурить асфальт. С тоской подумал Галим о том, как одиноко ему будет в этот вечер и в последующие вечера без Фаризы, уехавшей неожиданно неделю назад в Сочи. И только он об этом подумал, вошла в комнату девчушка в мокром красном дождевике, спросила, как найти Бекова, то бишь его, Галима, протянула ему телеграмму и попросила расписаться на бланке. Он механически принял из ее влажных рук телеграмму, расписался в протянутом бланке, поглядывая за

окно на терпящую бедствие улицу. Когда опомнился и повернулся к девчушке, чтобы поблагодарить, ее уже не было в комнате.

Он медленно развернул бумагу, гадая, кто бы мог прислать ему телеграмму и по какому поводу. Это был вызов на переговоры от Фаризы, из Сочи. Так как Галим проживал у тетушки и в квартире не было телефона, Фариза послала вызов по рабочему адресу. Могла бы, конечно, просто позвонить ему на работу, но тогда сослуживцы стали бы невольными свидетелями их разговора, а этого-то Фариза, видимо, и не хотела. Галим мысленно поблагодарил ее и тут же подумал, что не зря сегодня задержался один в комнате: в душе у него зрело ожидание чего-то важного... Чего именно, он не мог знать, как не знал, когда кончится непредвиденный августовский ливень, столь редкий в Нальчике.

Неделю назад, тоже в пятницу, Фариза позвонила ему на работу и пригласила в кафе. Галим тогда еще удивился и, положив трубку, долго думал, чем это может быть вызвано. Фариза не любила бывать в кафе и ресторанах, говорила, что не переносит гротеск музыки, вертлявости безголосых певцов, почти глотающих микрофон. Он и сам заразился ее неприязнью к этим заведениям. И тем более неожиданное это приглашение трудно было понять и объяснить. Недоумевая, он прямо с работы отправился в кафе.

Фариза ждала его у гардероба, прислонившись к стойке, мяла в руке носовой платочек. «Как деревенская девчушка, впервые попавшая в город», — подумал Галим с нежностью, подходя к ней. Она окинула его быстрым тревожным взглядом, чуть подалась навстречу.

— Опоздал? — спросил он бодро, настороженно заглядывая в ее глаза.

— Нет, ничего, — сказала она, опуская ресницы.

Они миновали второй и третий этажи и устроились в одном из «ласточкиных гнезд» — подальше от музыки и шума. Не заглядывая в меню, заказали сухое вино, мороженое и кофе. Заказывала Фариза, Галим все так же настороженно ловил ее ускользающий взгляд, отмечая про себя необычную бледность ее губ и синеву век. Ушла официантка, и он заулыбался, притронулся к ее холодным пальцам.

— Молчать будем?

— Почему же? — сразу отозвалась она, будто ждала именно этого вопроса. — Я пригласила тебя на прощальный ужин. Пожелай мне доброго пути.

— Ты всерьез? — Галим улыбнулся теперь жалкой улыбкой обманутого человека. — Куда собралась?.. Нет, ты шутишь!

Она прикрыла своей рукой его руку на столе, погладила пальцы. Задумчиво сказала:

— У меня отпуск с понедельника. Завтра улетаю в Сочи. Одна.

— А я? — Он отнял руку, будто обжегся. — Как же я?

— У тебя же отпуск не скоро...

Он хотел сказать, что может взять его, когда пожелает, даже с понедельника. Но она и сама это знала. После окончания университета он без труда каждый раз приурочивал свой отпуск к ее отпуску — они всегда ездили вместе. Оговаривалось все заранее, и нынешний год не был исключением: они наметили маршрут, время выезда, предстоящие остановки в пути. Разве она забыла?

Галим поднял голову, встретился наконец взглядом с Фаризой и усмехнулся. Она, конечно, все помнила, но почему-то решила по-своему.

Официантка принесла заказ, посмотрела, как они отчужденно сидят, весело проговорила:

— У нас появилось отличное вино — «Мукузани». Я вам принесла, не возражаете?.. Вот и прекрасно!

— Посчитайте сразу, — попросил Галим. — Мы торопимся.

— Плача я, — сказала Фариза, видя, что он достает кошелек. И добавила мягко: — Я ведь угощаю.

Когда официантка ушла, недоуменно пожав плечами, Фариза подняла свой бокал.

— Пожелай мне мягкой посадки.

Галим тоже поднял бокал. Чокнулись.

— Мне нельзя проводить тебя? — спросил он.

— Лучше не надо.

Они выпили, молча посидели, как двое старых уставших друзей перед долгой разлукой.

— Ты пригласила меня, чтобы сообщить об отъезде? — спросил Галим.

— Не знаю, — сказала Фариза и вздохнула. — Может быть.

— Тогда пошли. — Галим встал, раскланялся. И усмехнулся. — Принято к сведению.

Они вышли из кафе, молча дошли до угла, остановились.

— Мне надо побыть одной, вдали от тебя, — сказала Фариза, теребя пуговицу на его пиджаке. — Ты должен понять меня.

— Постараюсь. — Он опять попытался усмехнуться. — До свидания.

— Если хочешь, приходи провожать, — крикнула она ему вслед.

Он почти не спал ночь, весь день потом маялся, но в аэропорт не поехал.

2

Галим вышел на улицу и увидел, что дождь кончился, небо почти очистилось от туч, на противоположной стороне окна в домах мягко розовели, отражая заходящее солнце. Как всегда бывает после хорошего дождя, шли люди, много людей, под зонтиками, в плащах и дождевиках, шли быстро, куда-то спеша, что-то свое догоняя. Светлые лужицы на веселых тротуарах отсвечивали тусклой синевой. А по обеим сторонам мостовой вниз, к вокзалу, текли ручьи, и на перекрестках появились мостки из промокших досок.

Хорошо было Галиму идти, ощущать свежесть воздуха, видеть опрятный, чистый город, капли дождя на тугих листьях деревьев. Он бродил так часа два, пока стемнело и зажглись фонари и неоновые вывески. Асфальт покернил, а лужицы теперь стали розовыми. Ему захотелось одиночества, и он оказался в парке, на дальней, очень темной аллее. С деревьев все еще капало, под большой елью, невидимые за густыми ветвями, горячо перешептывались двое.

Он вздохнул, вытащил из кармана сигарету, чиркнул спичкой. Спичка осветила худое лицо с орлиным носом, полные губы, и после того, как Галим уже прикурил, огонек еще некоторое время освещал длинные его пальцы.

Он часто затягивался, жадно глотал дым и думал о Фаризе.

«Вот, — думал он, — уехала, хотя давно было решено и обговорено, что поедем на Селигер, к истокам Волги». У него дух захватывало, он не мог не строить в своем воображении планов их совместной поездки, потому что это была еще одна страница необъятной России, которую они открыли бы для себя. С тех пор, как познакомились еще на третьем курсе университета, они часто ездили по стране, и им было до боли приятно открывать ее для себя — какая она большая, как достойна поклонения и любви своих сыновей. Они видели и простор, и березки, и солнечные городишки, и колокола, и копны в степи, и пили воду Волги, и воду

Байкала, и разговаривали с русскими людьми, стараясь произносить слова на русский лад, то цокая, то акая или окая, в зависимости от того, с кем говорили. На безлюдном полустанке где-то под Рязанью, помнится ему, поезд однажды остановился на минуту, и они купили у старушки чудесные полевые цветы. Она доставала их из ведра с водой, руки ее были с гладкой белой кожей. И лицо тоже было белое, истинно русское, с рожущей синью в глазах. Ахнула тогда Фариза: «Смотри, смотри, какая красота!» И долго не могла успокоиться...

Галим докурил сигарету, прижал еще одну. Он шел тихо, улыбаясь в темноте своим воспоминаниям, попыхивая сигаретой, затягиваясь с прежней жадностью, но дым не глотал, а, подержав немного во рту, выпускал почти весь, кривил губы.

После темноты парка городские улицы оказались слишком яркими, даже те, что были плохо освещены. Галим вышел на залитый светом проспект, широкий и почти пустой в этот поздний час. Впереди он увидел пару. Молодой человек вел девчушку, прижал к себе, полуобняв рукой, тихо шептал что-то на ухо, и она громко и счастливо смеялась.

Когда-то и Галим вот так же бродил по Нальчику, молодой, ласковый, бездумно говорил девчонкам волшебные, от которых они таяли, слова, уводил в парк... Потом появилась Фариза. Она была гордой и неприступной. Он ухаживал за ней целый год, и она без особого восторга, даже порой, казалось ему, безразлично, принимала его ухаживания. Он клял и себя и ее, недотрогу, уходил к другим девчонкам, податливым и понятным, но с ними ему теперь было тоскливо, и он опять возвращался к ней. Она не укоряла его за непостоянство, была снисходительной, терпеливой и как будто загадочной.

На летние каникулы она неожиданно позвала его в долгое путешествие, и он, изумленный и обрадованный, потерявший голову от счастья, поехал. Она восторженно принимала дорогу, вокзалы и встречи, с ним же держала себя просто и естественно, как со старым приятелем. А ему этого было мало, хотелось больше, и он как-то, слегка выпив в вагоне-ресторане, обнял ее в тамбура, когда они возвращались, прижал к себе. «И я кое-что вижу, не слепая, — сказала она спокойно. — Я тебя тоже люблю, знай...»

Потом, уже в Нальчике, она так ни разу и не позволила им пройтись в обнимку по улице. Но в редкие вечера, когда у них была крыша над головой, когда в окне теснились звезды или за стеклом по снегу бежала лунная дорожка, — в такие редкие вечера она была сама нежность...

Все было у них хорошо: и увлекательная работа (он — сотрудник научно-исследовательского института, она — работница музея), и интерес их к Родине, к России — большой в пространстве и времени стране, и их счастье — спокойное, без бури и изматывающих неясностей. До того было хорошо все последние годы, до того жизнь полна и полны были чувства, что Галим если и волновался, только по пустякам, и волнение это быстро проходило, и вновь наступало умиротворение.

А теперь, медленно шагая по неуютному ночному проспекту, глядя с завистью на парочку, он чувствовал в себе пустоту. Что-то случилось с их счастьем, с которым он так привык, которое принимал как должное, само собой разумеющееся... Что же, что?

«А! — сказал Галим себе вдруг. — К черту! Устал, не хочу думать. Утро вечера мудренее. Поговорим завтра — и все прояснится».

Тетушка Сакинат после его звонка дверь открыла не сразу, поворчала, что он долго задерживается, хотя его Фариза уехала. Подала ужин и пошла досыпать. Галим поел, покурил в коридоре, посидел, отдохнув сердцем, гоня прочь от себя невеселые мысли, потом лег на диван в своей комнате и заснул сразу, как только отяжелевшая голова коснулась подушки.

3

Проснулся он рано, проснулся с тайным предчувствием радости. Позанимался с гантелями, до синевы выбрил щеки, умылся холодной водой.

Было солнечно, влагой тянуло от асфальта, мокрого еще после вчерашнего дождя. Мало было прохожих, но улицы теперь не казались пустыми. Он вышел просто так, прогуляться, но когда на остановке обнаружил первый пофыркивающий автобус, сел в него и поехал в Долинск.

Сошел он возле одного из санаториев. Старуха в темном, надвинутом на глаза платке дometala асфальтовую дорожку, в глубине грушевой рощи, пробуя утренние голоса, пересвистывались скворцы. В раскрытых окнах высотного санаторного здания появились полуодетые люди, сладко потягивались со сна, зевали, перекликались молодо.

Галим представил себе, как там, на юге, просыпается сейчас Фариза, как набрасывает цветастый халатик, долго смотрится в зеркало, расчесывает высекая гребенкой искры, спутавшиеся за ночь волосы, как разглаживает морщинку над правой бровью, как, бодрая и свежая, пахнущая солнцем и морем, идет с полотенцем через плечо к берегу, как плывет в синей воде, по-мужски энергично выбрасывая вперед полусогнутые руки.

Когда-то они несколько дней жили на море у однокурсника из Батуми, но там было скучно, праздная жизнь угнетала их, и они тайком от родителей однокурсника, не попрощавшись, зная, что обидели хороших, гостеприимных людей, уехали. Однокурсник на вокзале, провожая их, чуть не расплакался, все призывал остаться хотя бы еще на неделю, обещал массу развлечений, но их уже

Владимир ВИНОГРАДСКИЙ

Живут голубые морозы
За стенкой моей, за стеклом.
Не скоро вернутся обозы
С далеким апрельским теплом.

Еще тополям по колено
Сугробов густых лепена.
Но в сердце весна неизменна —
Подснежником зреет она.

Цветет у обочин чилига —
Упрямый и нежный цветок.
И жизнь, как раскрытая книга,
Зовет огоньками дорог.

И манит в далекие страны,
И в утренний маковый луг.
И шепчутся меридианы
О таинстве встреч и разлук.

мучала жажда дороги, ожидание новых, незнакомых мест, новых встреч. А в Батуми жизнь была слишком уж бездумной и сътой, и люди, большей частью приезжие из дальних мест, были напоказ веселы, восторженно говорили о пустяках и были по-детски счастливы. И странно: они уехали тогда в светлые русские леса и там часто вспоминали и море, и беззаботных людей юга, и несчастное лицо однокурсника, который на них всерьез обиделся.

Вот и сейчас опять вспомнилось все это Галиму. Вспомнилось, как ходила по берегу Фариза, как было красиво и крепко ее бронзовое тело, как грациозно, чуть покачиваясь, стояла она на сером песке. Мужчины смотрели ей вслед, но она не удостаивала их и полувзглядом — не из-за гордости и не от сознания своей красоты, а из-за того, хотелось думать ему, что они для нее не существовали с тех пор, как появился он, Галим.

Он знал, что и сейчас там, у моря, Фариза не принимает ухаживаний, не замечает томящихся от избытка чувств мужчин, не играет с ними глазами... Вся эта игра — со взглядами украдкой, с показным бесстрастием до случая — ей незнакома...

И все же покалывало сердце. Что-то случилось с Фаризой, что-то непонятное ему да и, должно быть, ей самой. С тех пор, как она внезапно, не сумев объяснить ему ничего, уехала на море, он старался понять это «что-то» и не мог.

Он пошел под большими грушевыми деревьями, туфли намокли от росы, под ногами мягко пружинила слежавшаяся листва, пахло и водой и прелью. Он сорвал большую недозрелую грушу, с хрустом откусил розовый бок. От груши также пахло водой, и опять он увидел бесконечное южное море.

Когда в роще появились первые отдыхающие, когда приподнялось над вершинами деревьев солнце, когда подсыхать стала трава, он торопливо, подгоняемый непонятной силой, пошел направляясь через рощу к автобусной остановке, сел в автобус и вместе с первыми курортниками вернулся в город.

В тесной комнате почтового отделения за перегородкой сидела женщина, складывала газеты и письма, глядя поверх очков в тонкой золотой оправе. Была она в летах, но еще красива той красотой, которая и волнует и внушиает невольное уважение. Красивы были ее тонкие руки, ее смуглые скуластое лицо и чуть увеличенные за стеклами очков карие глаза.

Галим тихо и вежливо поздоровалась, боясь, что она заговорит или взглянет на него не так, и пропадет первое впечатление, исчезнет очарование тихой и ровной красоты. Она ответила негромким грудным голосом, глянула на него хорошо и просто, взяла телеграмму и сказала:

— Немного рановато пришел, но ничего... Хочешь газеты просмотреть?

— Нет! — сказал Галим, радуясь ее приветливости. — Я посижу, подожду.

— Ну зачем же сидеть без дела? — проговорила она, улыбаясь. — Лучше помоги разобрать почту.

Женщина пригласила его за перегородку, усадила на казенный стул, предварительно смахнув с него ладонью невидимые соринки, пододвинула пачку писем.

— Раскладывай по названиям улиц. Сейчас девчата придут разносить, надо успеть. Напарница моя заболела, одна не управлюсь.

Он раскладывал письма, искаса поглядывая на женщину, видел ее доброе и красивое лицо, слушал ее тихий рассказ о девочках-разносчиках... Она любила и жалела девушек, была для них заботливой старшей сестрой — это чувствовалось по всему.

Потом пришли сами девушки, были все они молоды и некрасивы, много говорили, громко смеялись, подмигивали друг другу и кивали на Галима. Пока они набивали свои сумки почтой, пока говорили и смеялись, он сидел молча, ежась, придвинувшись к краю стола, не знал, куда девать руки, которым теперь не было дела.

Они ушли, и ему стало сразу легко и свободно. Он встал, прошелся по тесной комнате, вышел за барьер, улыбнулся женщине. Она ответила ему добром, всепонимающей улыбкой.

— Молодые еще, бедовые, — сказала негромко. — Придет время — утихомирятся, помудрят. Замуж надо им выходить. И чем скорее, тем лучше. — Вздохнула как-то спокойно, будто про себя, взяла телеграмму, которая лежала на столе. — А кто с тобой говорить будет?

— Фариза, — сказал Галим. — Моя девушка. Отдыхает в Сочи.

— Что же вы так... не вместе?

— Так получилось. Уезжала, ничего не могла объяснить. Собралась, как будто ее кто-то гнал. Разве их поймешь!..

Зазвонил телефон. Она сняла трубку, глянула на него снизу вверх, сказала:

— Сочи. Иди в кабину.

Галим встрепенулся, растерянно посмотрел на нее, словно ища поддержки: только теперь понял, что он не подготовился к разговору с Фаризой. Женщина сняла очки, стала протирать стекла, сказала ласково, не глядя на него:

— Иди, иди...

В трубке долго верещало и попискивало, и он сжимал ее потной рукой, направляя слух, ища далекий голос Фаризы, нетерпеливо и громко кричал: «Алло! Алло!» Стало вдруг тихо, совсем тихо в трубке, и как будто рядом он услышал ее голос.

— Галим, здравствуй, — сказала она. — Это я.

— Да, да, здравствуй!.. Как ты там?

— Хорошо. Все хорошо... Завтра вылетаю. Встречай в аэропорту.

— Что случилось?

— Ничего, — сказала она, и голос ее задрожал. Опять зашумело в трубке, заверещало. Сквозь шум Галим не рассыпал ее слов.

— Что? Что? — переспросил он, но их уже разъединили.

Он вышел из кабинки, облокотился на барьер, молча постоял несколько минут. Женщина вопросительно смотрела на него, близоруко щурясь, и четко обозначились разбегавшиеся от ее глаз неглубокие морщинки.

— Завтра прилетает, — сказал Галим и попытался улыбнуться.

— А ты ее любишь-то? — неожиданно спросила женщина, продолжая смотреть на Галима, наклонив голову.

В другой раз, может, Галим посоветовал бы ей не вмешиваться не в свое дело. Но сегодня был особый день, да и она, эта незнакомая женщина, стала чем-то близка ему. Поэтому он искренне сказал:

— Есть такой грех. — И улыбнулся.

— Вот и жениться надо, — проговорила она тихо. — Девушка за тебя замуж хочет, а ты глухим притворяешься, как, извини меня, пень.

Эта простая мысль ошеломила Галима. Посмотрев долгим взглядом на женщину, молча вышел.

4

В самолете место Фаризы оказалось у иллюминатора. Рядом с ней сел старичок с мичуринской бородкой. Пока брали разгон, пока взлетали, старичок был бледен и молчалив. Но зато потом, когда набрали высоту и внизу показались легкие, словно ватные, облака и стали проглядывать между ними желтые поля, деревни, зеленые островки лесов, он ожидал, заулыбался. Придвинулся к окну, вытянул тонкую шею и жадно глядел на облака, на землю, не замечая, как застегнутый ремень кресла придерживает его, тянет назад, будто усаживает обратно.

— Боже мой, красота какая! Всю жизнь среди книг, кажущихся себе мудрым, всезнающим... Ах нет! Истинная мудрость — вот в этой красоте, в цветах и запахах мира.

Фариза только тут пригляделась внимательно к старичку и узнала его. Это был букинист, страстный любитель и знаток книг, которого в Нальчике знал и уважал каждый студент.

Жалко вдруг стало Фаризе букиниста, жалко до слез, захотелось ей мягко прикоснуться к его выпирающим лопаткам, к белым редким волосам, прикоснуться нежно, неслышно. Ее часто посещала такая жалость к людям в общем-то хорошим, но несчастливым оттого, что не знали, не ведали они, где потеряли свое счастье, где его теперь искать. Обостренное внимание к окружающим, к их заботам, нелегким, большим и малым, приходило к ней на дорогах, в столкновении с людьми, с их горестями и несчастиями. Иногда ей казалось, что и сама она ищет для себя что-то очень важное, хотя у нее был Галим и она знала: он и есть самое важное.

Он вошел в ее жизнь неожиданно и прочно, затмив разом всех мальчишек, которым она нравилась и которые, она знала, тайком вздыхали по ней еще со школьных лет. С ним она как-то сразу повзросла и с тихим, жгучим стыдом обнаружила, что в ней просыпается женщина. Но ничего поделать с этим она не могла. Ее тянуло к семейной жизни, непонятной, неизведанной прелести была в том, что она может стать его женой, матерью его детей, хозяйкой дома, в котором он будет хозяином. В ней исподволь созрело все необходимое для того, чтобы стать настоящей женой и матерью. Встретив своих замужних подруг, она даже расстраивалась — завидовала им.

Сейчас, в самолете, сидя рядом со стариком букинистом, так же, как иногда жалела себя, она жалела его. Она часто бывала в магазине, где он, чем-то похожий на старинных русских летописцев, гордый и мудрый, знающий все и вся, сидел среди книжного богатства. Он был добр и внимателен, сокрушался, когда к нему приходили и не могли найти нужную книгу, и Фариза казалось, что он безмерно счастлив. Но вот он повернулся другой стороной, другой гранью — и Фариза по-женски близко к сердцу приняла его слова, которыми он, может быть, высказал давнюю свою тоску, подспудно живущую в нем многие годы.

Потом она вспомнила о вчерашнем разговоре с Галимом. «Я приехала сюда и еду обратно, но ничего не изменилось, я люблю тебя», — в эту фразу она вложила и свою тоску, и растерянность, и тревоги свои, и надежду, и женскую слабость. Потом, когда вернулась в дом отдыха, стала упаковывать чемодан, она подумала, что он мог не понять ее, как не понял тогда, перед отездом, пожалела о сказанном, тайком всплакнула...

Самолет заходил на посадку. На лице букиниста кожа натянулась, глаза потухли, посерели, всем своим тщедушным телом он вжался в кресло. Фариза отдала свою конфету букинисту и посмотрела на город, который проплыval под накренившимся крылом. Колеса коснулись земли мягко, спружинили, потом еще коснулись, потом побежали по ней. Самолет подкатил к зданию аэропорта, и в окно Фариза увидела толпу ожидающих за заборчиком. Но Галима она не различала среди них, потому что людей было много. В самолете заволновались, заговорили, потянулись к выходу, а букинист и Фариза продолжали сидеть — им не хотелось толкаться.

Она успела получить чемодан, когда подбежал Галим. Был он запыхавшийся, притрунился к загорелой обнаженной руке Фаризы, посмотрел ей в лицо серьезными глазами.

— Такси еле поймал, — сказал он, отдававшись, неловко чмокнув ее в щеку, смутился. — Ну вот ты и приехала... Хорошо!

— Хорошо! — сказала Фариза и задумалась, глядя, как блестят его карие глаза, сколько в них и света и жизни. — Там мне было плохо... А ты все такой же.

Она засмеялась коротко, натянуто.

— А каким мне быть?

Они сели в такси, и тут Фариза вспомнила о букинисте. Но его не удалось разыскать в толпе.

Ехали по городу медленно — где-то впереди была пробка.

— Наконец-то мы одни! — тихонько сказал Галим и тайно, как мальчишка, сжал теплую руку Фаризы. — Отвезу тебя домой, вечером встретимся. У меня серьезный разговор к тебе.

Фариза, не стесняясь щеки, погладила Галима по лицу, словно стирая с его лица озабоченность, сказала твердой скороговоркой:

— Ты меня отвезешь к подруге. Домой я не хочу показываться. И сегодня мы не увидимся — я устала и хочу отдохнуть. А завтра получишь отпуск — тебе же дадут? — и мы уедем. На Селигер, как договорились. У нас еще много времени — целых три недели осталось от моего отпуска.

— Но... — начал Галим и осекся, почувствовав на губах ее влажную ладонь, закрывшую ему рот.

Она его перебила со смехом:

— Не надо быть таким серьезным, тебе это не идет. Улыбнись же, ну!..

...Сизый голубь — зима
Распушила свое оперенье.
И сияют дома,
Как прекрасные стихотворенья.

Льются ритмы огней,
Новостроек великие ритмы.
И снежинки ко мне
Прилетают, как тихие рифмы.

И мерцают строфы,
Словно улица звездного дыма.
Не стареет Уфа,
Словно сборник стихов о любимой.

Я обведу полсвета,
Но в сознанье мое
Шептут ели, Эльзбета,
Тихо имя твое.

Мчат ручьи, как по рельсам,
Скользкий камень дробя.
И цветут здельвейсы
На скале в честь тебя.

И трепещут закаты
Розовым огнем.
Молчаливые Татры
Пишут имя твое.

орудий лова, в поиске и добыче рыбы. Кто сколько бы ни поймал, улов считается общим (каждый старается побыстрее наполнить трюмы), а если море не особенно щедро, то один из сейнеров забирает улов напарника и, нагрузившись, уходит в Озерск, базовый поселок рыболовецкого колхоза-миллионера имени Кирова. Оставшийся продолжает добывч.

Выходя на весеннюю путину, коллектив, который возглавляет молодой коммунист, капитан Герман Мерецкий, объявил у себя на судне ударные вахты. Обязательство экипажа сейнера 11075—свою трехлетку выполнить к годовщине принятия новой Конституции страны. Встал на ударную вахту и лидер соревнования—коллектив РБ 11365, выполнивший план трех лет пятилетки еще в прошлом году. В канун XVIII съезда ВЛКСМ капитан Николай Конон подал заявление о приеме в комсомол. Приняли его единогласно.

— На промысле у нас мощная комсомольско-молодежная колонна,—рассказывает секретарь комсомольской орг-

СЕЙНЕРЫ-МАЛЮТКИ НЕ УХОДЯТ ДАЛЕКО В ОТКРЫТОЕ МОРЕ.

«Сравнение Сахалина со стерлядью особенно годится для его южной части, которая в самом деле похожа на рыбий хвост. Левая лопасть хвоста называется мысом Крильон, правая—мысом Анивским, а полукруглый залив между ними—Анивой».

А. П. ЧЕХОВ.

Владимир МАТРОСОВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.

ЗВЕЗДЫ С ЛАДОНЕЙ

Из диспетчерской залы—ковш, огражденный от свирепых штормовых атак моря бетонными стенами, выглядел вполне солидной крепостью, где вместо вымощенного плаца чернела вода, отражая маслянистые блики огней. Сейнеры с опустошенными трюмами, обезлюдей, сиротливо жались к стенке причала, потираясь друг о друга и всхлипывая.

А на морских просторах не затихала многообразная и беспокойная жизнь. Она наполняла диспетчерскую хаосом звуков, сквозь который кто-то из-под Магадана напоминал о себе осипшим, просоленным голосом. И не успел он высказаться, как возник настойчивый тенорок:

— Садовод! Садовод! Ответь...

Диспетчер насторожился:

— Садовод на приеме. Слушаю вас. — Идем домой, идем домой! Помогите зайди. Туман. Ничего не видно.

Туман в Аниве накрывает внезапно. И если на судне нет локатора, пройти в ворота ковша-крепости непросто. Диспетчер включил экран.

— Возьмите чуть левее... Так держать!

— Спасибо!—облегченно ответил идущий домой.—Вижу створы!

— Теперь все вернулись,—удовлетворенно отметил диспетчер.

Сейнеры-малютки не уходят далеко в открытое море. Высокий скалистый берег, поросшие лесом валы горных хребтов всегда в пределах видимости. И это скрашивает однообразие плавания. Но только в хорошую погоду. В шторма, а они часто входят в ураганную силу,

прибрежные камни для мореходов страшнее бездонных глубин. Бывает, рвутся якорь-цепи, глухнут двигатели. Сигнал тревоги—не мешай диспетчер! Конечно, флот на промысле располагается так, чтобы можно было найти выход из любой драматической ситуации. Однако море преподносит иногда свои сюрпризы.

Каких только историй не наслушавшись в диспетчерской, но охотнее всего здесь говорят об экипажах, которые умеют взять улов, словно дар с протянутой ладони. Пристально было послушать и о нашем сейнере 11075: мы уже успели вписаться в судовые роли. Ребята делом подтверждают звание экипажа коммунистического труда, работают в паре с сейнером 11389, где капитаном Николай Лифар. Соревнуясь, экипажи помогают друг другу в ремонте судов и

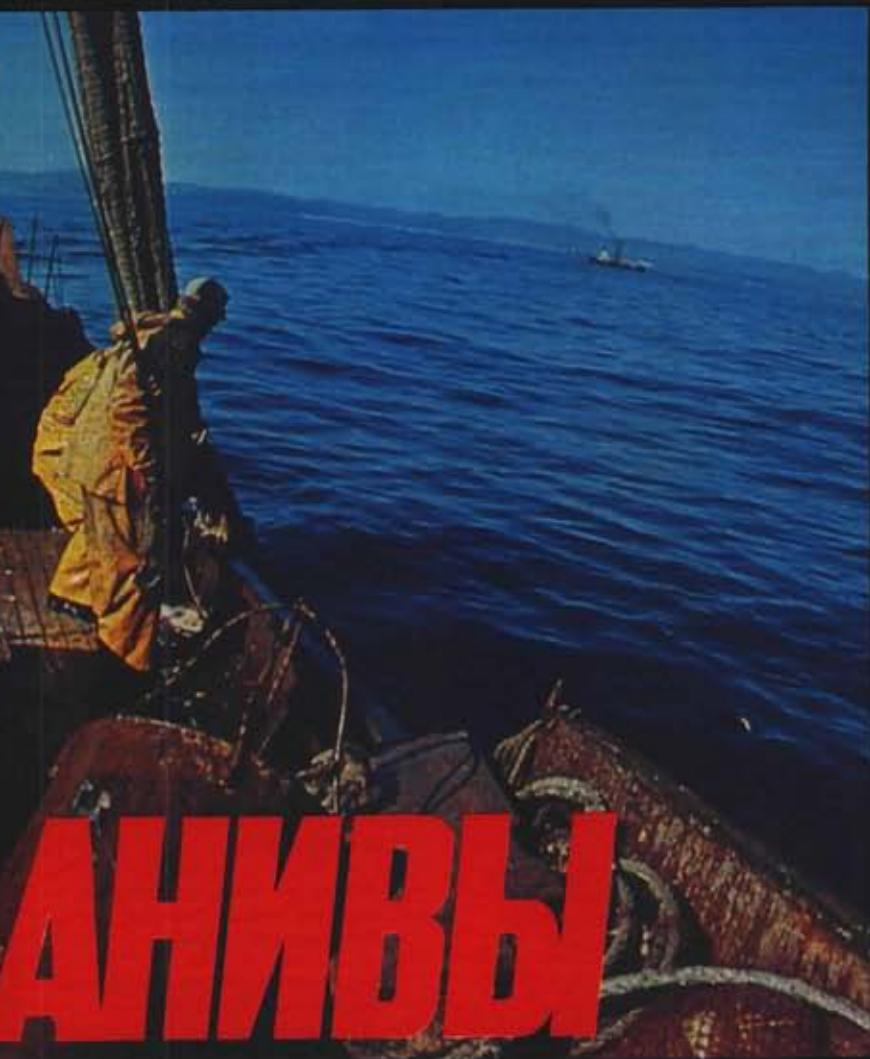
организации колхоза Владимир Жильцов.—А перед самым съездом она пополнилась еще одним экипажем—МРС 5007 под командованием Виктора Винников. Высший комсомольский форум страны экипажи всех наших судов встретили самоотверженным трудом. А сейчас комсомольцы колхоза изучают материалы XVIII съезда ВЛКСМ, намечают новые планы, выполнение которых будет подарком 60-летию комсомола. Девизом каждого молодого рыбака стали слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные на комсомольском съезде: «...работать не просто дисциплинированно и прилежно, а работать на совесть, умело, результативно, работать красиво, чтобы и другие тебя уважали за твой труд, и сам бы ты себя уважал».

Рыболовецкие колхозы Сахалина имеют сегодня в своем распоряжении

новейшие океанские сейнеры, средние и большие морские рыболовные траулеры, позволяющие вести промысел далеко в открытом море. Но немалое значение продолжает иметь и прибрежный лов. И на берегу одинаковым уважением пользуются как те рыбаки, что уходят в плавание на долгие месяцы, так и те, которые возвращаются домой каждый вечер.

Сейнеры в ковше пробуждаются за полночь. Пробуждаются огромными темнотами на палубах, гулкими шагами, приветствиями вполголоса и вполголоса. Вспышки зажигалок, огоньки сигарет. Со вздохом и вроде бы нехотя начинают свой рокот двигатели. И вот уже напряженно, нетерпеливо дрожат рыбаки кораблики, готовые поспорить с крутой волной.

Капитан Герман Мерецкий встретил нас на полураке. Коренастый, литой, в грубошерстном свитере, он, казалось, и не уходил с сейнера. Герман — коренной дальневосточник. Родился в Советской Гавани, а учебный комбинат окончил в Корсакове. Жизнь накрепко связала с колхозом. Районы лова, повадки рыб, режимы плавания, норов Анивы изучил на практике.

— Анатолий, — бросает он подошедшему коку, — готовь борщ понаваристей!

— Есть, капитан! Чую: калории сегодня понадобятся.

С плиты крохотного камбуза уже веяло ароматом кофе. Как Анатолий Чухненко, огромный, плечистый, в резиновых сапогах самого богатырского размера, занял своим хозяйством весь проход по левому борту. В ведре плескалась картошка, на деревянной плашке белела нашинкованная капуста. Вахты у кока без подмены. Чай, кофе или какао положено держать горячими весь день. Проголодался — подходит.

Румянец за кормой обещал погожий день. Капитан, сменив у штурвала своего помощника Александра Бондаренко, распорядился сбавить ход.

ЗАНИМАЕТСЯ НОВЫЙ ДЕНЬ.

Прямо по курсу огромным апельсином выкатился, подпрыгивая на покатой зыби, оранжевый шар-поплавок. Он «хранит» место вчерашней рыбалки. А она была удачной: к полудню наполнились рыбой.

Справа на этот же квадрат выходил и напарник — сейнер 11389. Герман включил радио:

— Алло, пахари! Как пашем сегодня?

— На полную катушку, без устали! — отвечает басок с 11389-го.

Сейнеры в бликах восхода разворачивались на заметку.

— Приготовиться! — скомандовал капитан. И вроде бы обычна, отработанная до автоматизма операция — замет снорревода. Но когда за борт уходит сетное полотно, каждый на палубе безмолвно смотрит на дрожащие, напряженные ваера, словно пытаясь увидеть, что делается сейчас там, под водой.

Из-за синей горы Круzenштерна взошло солнце, опрокинув лучи в чащу залива. Толща воды стала прозрачнее, но по-прежнему надежно скрывала придонных обитателей. Однако, зная эти места, совсем не трудно было представить песчаные отмели — банки, на кото-

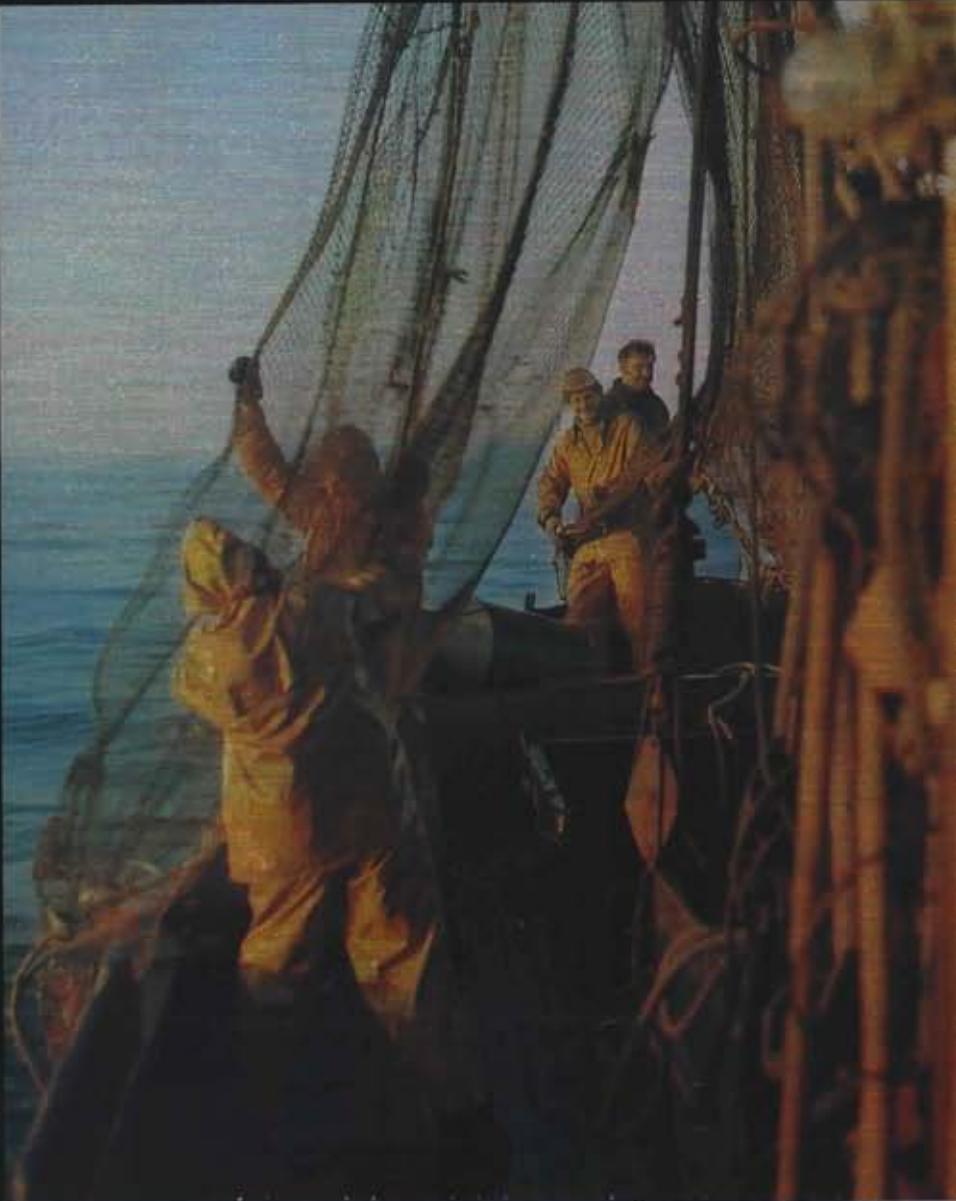
рых сосуществовали или пожирали друг друга разные иглокожие и брюхоногие, двустворчатые и головоногие. Над ними — колышущиеся джунги водорослей.

— Если эхолот не врет — рыба, — улыбается Герман. — Будто на митинг собирается. — Он подошел к леоедам. Оценивающе осмотрел натянутые, как струны, ваера и махнул рукой:

— Пошли братья! Все по местам!

Хлопоты были недолгими. И вот над палубой повис источающий потоки воды огромный шар, живой, серебристый, пронизанный лучами солнца. Миг — и сетное полотно разверзлось, на палубу хлынула трепещущая, расплывающаяся от борта к борту масса. Причмокивали большеротые бычки, и билась белобокая камбала, словно намокшие футбольные мячи, катились кукумарии, прыгающие тарелки — морские гребешки лежали рядом со своими извечными врагами — морскими звездами. И от всей этой «ярмарки» неуклюже, боком отстранились когтистые крабы, длинными щупальцами искали выхода из незавидного положения одноглазые розовые осьминоги.

Вооружившись палками с крючьями,

рыбаки принялись сортировать добычу — в трюм сваливалась только рыба.

Заметы следовали один за другим, и каждый раз на палубу поднимался полновесный улов. Сейнер заметно оседал. У напарника тоже шла хорошая добыча.

— Ну что ж, свое сегодня взяли, — сказал к полудню Герман.

И вот уже убрали снорревод, отмыта палуба. Теперь слово за Анатолием Чухненко. Конечно, борщ, густо забеленный сметаной, пользуется всеобщим спросом. После радостной и нелегкой работы идет спина. Зато аппетит! Молчаливые во время рыбалки, ребята теперь словоохотливы. Вспоминают разные истории. Этот день заканчивался вполне благополучно: ни туманов, ни штормовых предупреждений, двигатель, лебедь, счастья — все работало без заминок. А ведь случалось разное.

Вспомнили, как держались во время урагана. Волны давили палубу, залило кубрик. Вода попала в переключатель и замкнула аккумулятор. Прервалась связь, вышел из строя эхолот, отключилось освещение. Видимости не было. Герман вел сейнер вслепую, по наитию.

— Не знаю уж, каким чувством, а отворачивал от берега, чтобы не выбросило на камни. Домой полу затопленные добрались, промокшие, прогретые, но добрались.

Под вечер и мы вошли в ковш Озерска. В лучах золотого заката неистово носились мириады чаек. Горланы, они выключивали рыбешку. И с невероятным гвалтом ловили ее на лету. Мы ошвартовались рядом с сейнером, который сдавал улов.

— С удачей, парни! — кричит нам оттуда улыбающийся рыбак. В руках у него огромная бледно-оранжевая морская звезда. Он размахивает ею.

— Что, с неба подхватил?

— С ладоней Анивы! — И бросает звезду к нам на палубу.

ДОБЫЧУ ЕЩЕ НАДО СОРТИРОВАТЬ.

ЗАМЕТЫ СЛЕДОВАЛИ ОДИН ЗА ОДНИМ.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Конкурс
одного
стихотворения

Евгений КУРЫЛЕВ,
инженер,
Северодонецк

Новостройка

Здесь тот же фронт, здесь бой идет,
Здесь тоже есть передовая.
Внезапно искры в небосвод
Швыряет сварка дуговая.
И, будто получив сигнал,
Сильнее в грунт врезают траки,
Бульдозеристы «жмут» штурвал
На самом острье атаки.
А там, у вздыбленных колонн,
Прорабов слушая приказы,
Штурмуют печь со всех сторон
В порыве дружном верхолазы.

Владимир ЕЛАГИН,
учитель,
Краснодар

В музее Николая Островского

В полуутоме мемориала,
что листвой зелено скрыт,
не мелодии хорала,
а протеза слышен скрип.

То проходит по паркету,
по звенящей тишине
тот, кто с Павкой мчал по свету
на горячем скакуне.

Человек и сед и крахист,
луч улыбки на лице.
Попроси его — расскажет
о буденновском бойце.

Не с квадратного экрана,
не со сцены голубой,—
как дымящаяся рана,
вспыхнет даль перед тобой.

Будет крик «Даешь!» на лицах
восхищенье вызывать.
Будут сабли, как зарницы,
в небе тучи разрывать.

Юрий ГРИГОРЬЕВ,
техник,
Уфа

Разговор с сердцем

Чего бы ты, сердце, хотело?
— Хочу неизогнута дорог,
Большого и нужного дела,
Чтоб каждый завидовать мог!

Чего бы ты, сердце, хотело?
— Я песен хочу, красоты,
Пшеница в полях чтобы спела
И женской хочу теплоты.

Чего бы ты, сердце, хотело,
Коль вдруг остановишься ты?
— Хочу, как товарищ Гастелло,
На землю упасть с высоты!

Юрий ЕРМАКОВ,
милиционер,
Рязань

Деревня Уша

Здесь песни звонче и напевней,
И каждый раз в начале дня
Со стороны родной деревни
Восходит солнце для меня.

Берет отсюда свои силы
В пути уставшая душа.
Вот почему моя Россия —
Деревня с именем Уша.

Александр РОСЛЯКОВ,
электрик,
Москва

Чего заманчивей и проще,
не помышляя ни о чем,
теряться в загородной роще
неторопливым грибником.

Когда ж береза облает
и лес доверчив и открыт,
какое сердце не отдает,
в какой душе не защемит!..

По замеченному проселку
иду, не чуя колеи,
и листья падают в кошелку
на шляпки рыжие мои.

В начале этого года редакция журнала «Смена» объявила конкурс одного стихотворения — «Пою мое Отечество», посвященный 60-летию ВЛКСМ. Мы еще раз обращаемся ко всем пишущим стихи (не членам Союза писателей) с предложением принять участие в этом конкурсе.

Пишите обо всем, что живо волнует вас: о комсомольцах разных поколений, вписавших своими боевыми и трудовыми подвигами славные страницы в летопись Ленинского комсомола; о ваших трудовых успехах и держаниях; о романтике повседневного поиска, который открывает перед вами все новые и новые творческие горизонты; о замечательных людях, которые вас окружают; о красоте родной земли.

Виктор ГУДИН,
журналист,
Кишинев

Считалки

Жил мальчик на Руси,
как все... Но вот
в считалках он просил
считать с него.

Девчонке говорил,
ее дразни:
— Не миновать любви,
люби с меня!

Война...
Живой едва,
с гранатой у ремня,
сказал: — Ну, что ж, братва,
начнем с меня...

И если песню петь —
вздыminate горы!
Давайте и теперь
начнем с него.

Эмма БИЦОЕВА,
врач,
г. Орджоникидзе

Больному сто лекарств назначь,
Но если словом,
просто словом
Не сможешь ты
помочь больному.—
Ты все еще не врач.
Рифмуй слова хоть сорок лет,
Но если песней,
той, что сложишь,
Ничьей
беде помочь не сможешь,—
Какой же ты поэт?

Евгения АРСЕНТЬЕВА,
воспитательница детсада,
Смоленск

Мы

Мы те, что родились после войны.
Мы о бомбежках знали понапыши.
Отцы военный тяжкий груз несли.
Мы о войне читали только в книжках.

Мы те, что родились под чистым небом.
И нам сегодня нелегко понять,
Как сладок был кусок ржаного хлеба,
Что детям с поля приносила мать.

Мы не познали цену горсти соли,
Мы не слыхали выстрелов в ночи,
Зубами не пришлось скрипеть от боли
И плакать, похоронку получив.

Нас, самых младших, матери жалели —
Кусок послаще, платье поновей,
Отцовскою прожженную шинелью
Теплее укрывали сыновей.

Уходим в жизнь дорогою негладкой —
России повзрослевшие сыны.
И плачут наши матери украдкой:
«Все хорошо... Лишь не было б войны».

Пусть жизнь нашего народа, нашей молодежи, кипучая, многогранная, наполненная героикой трудовых свершений, послужит той основой, на которой возникнут ваши стихи.

В письмах с пометкой «На конкурс одного стихотворения» должны быть указаны фамилия, имя, отчество автора, возраст, профессия, домашний адрес. Напоминаем, что присыпать вы должны только одно стихотворение.

Лучшие стихи мы опубликujemy на страницах журнала. Победители конкурса, итоги которого жюри подведет в конце 1978 года, будут награждены почетными дипломами и премией журнала «Смена». Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Петр ГРИГОШКИН,
агроном,
г. Куйбышев

БАМ

БАМ! —
как удар по рельсу,
и сердце
в ответ стучит.
БАМ...
Транссибирским рейсом
поезд нас мчит в ночи:
где-то нас ждут палатки,
запах костров и гарь...

Будет порой несладко.
Будет!
(Не будем лгать!)
Всякое будет.
Только
мы не спасуем, нет —
на съезде своем
комсомольском
мы клятву дали стране.

Вячеслав ЕГИЗАРОВ,
экспедитор,
Ялта

На учениях

Над полигоном воздух сух и горек.
С тяжелым лязгом танки прут в пыли,
Как будто бы по вздыбленному морю
Идут в ревущей пене корабли.

Саперы мост понтонный строят споро.
Разрывы. Грохот. Все как на войне.
А у меня в глазах бушует море
И сейнеры взлетают на волне.

Учения закончатся не скоро.
На гимнастерках высыхает пот.
А ночью мне опять приснится море,
И сейнер вновь на промысел пойдет.

Юрий ШУМАКОВ,
слесарь,
Москва

Уеду я в край светлоокий,
Где солнышком мама встает.
Где домик отца одинокий
Детей разлетевшихся ждет.

Где в кухне котята резвятся,
Катаю играво клубки.
На печке
на русской пыльятся,
Отца моего молотки.

Он ими работал,
и звонко
Лилась его песнь над селом.
Недаром родная сторона
Его поминает добром.

Ту песню — с сиреневым детством
Живую заветную связь —
Отец мне оставил в наследство, —
Она мне по сердцу пришла.

И вот я в родимой деревне,
Где сердцу покой и простор,
Где тонкие ветви деревьев
Ласкают и нежат мой взор.

Сюда по весне прилетают
В гнездовья свои соловьи,
И тихой зарей распевают
Напевы отца и мои.

Конкурс
интересного
письма

“ДАВНОЕ В ЖИЗНИ— ЧУВСТВО ПРИЧАСТИСТИ К ОБЩЕЙ БОРЬБЕ”

КАК НА РУМБЕ, ШТУРВАЛЬНЫЙ?

Человек рождается дважды, я в этом совершенно убежден.

Было это на Севере. В тот год я служил матросом первого класса на судне с красивым именем «Рица». Базировались мы в Мурманске, городе большом и шумном, где каждый второй—моряк. Друзей у меня было повсюду, как огней в вечернем портовом городе. Иногда мы выходили на берег, и тогда мичманка на правую бровь, брюки клеш, медная бляха с якорем начищена до блеска—таков был вначале мой идеал моряка.

Однажды мы решили отметить день моего рождения. Весь месячный бюджет былпущен на предстоящее торжество. Однако мне так и не довелось на нем присутствовать. Внезапно «Рица» ушла из Мурманска в неплановый рейс. Я едва успел передать записку на берег, чтоб не ждали и подняли бокалы «за тех, кто в море».

Появнулись вахты. В рубке в привычной позе сидел капитан, худой молчаливый человек и, казалось, безучастно смотрел в иллюминатор. На мостице вышагивал штурман. Временами он подходил к переговорной трубе, которая вела к рулевому, и спрашивал: «Как на румбе, штурвальный?» А иногда начинал напевать что-нибудь, стоя там, на мостице.

Вдруг я услышал, как радист прочитал капитану прогноз погоды: «Резкое усиление ветра». Барограф чертил красную линию круто вниз. Давление падало. Вот оно, началось. Казалось, будто на тебя давят тонны и ты летишь куда-то вниз.

Через двадцать минут—моя вахта. «День рождения»,—пронесится мысль. Но сейчас не до этого. Мне предстоит добраться из носового кубрика до рубки, а это двадцать метров по верхней палубе. Дико воет ветер, свистит в снастях, и высокая мачта кланяется морю из стороны в сторону. Судно ложится с борта на борт.

«Пошел!»—командую себе.

Вот и вертикальный трап. Кое-как поднимаюсь по ступенькам. Внизу подо мной уже клокочет пена. «Вахту принял»,—передаю я на мостики. «Добро»,—отвечает штурман.—Как на румбе? Я отвечаю и опять слышу его басок: «Добро. Так держать».

Между тем барометр продолжает падать. Мы попали в самый центр бури. Волны обрушаются на палубу с такой силой, что кажется: судно наше вот-вот разломится.

Но капитан спокоен. Я отчетливо слышу через переговорную трубу, как штурман поет свою любимую песню: «Эй, ухнем, эй, ухнем. Еще ра-а-зик, еще да ра-а-з...»

«Что это за люди?—думаю я.—Почему их сердце не сжимается от естественного страха перед дикой силой океана?»

«Рица» идет очень медленно, тяжело, но все-таки двигается вперед. И вот меня начинает захватывать эта бешеная борьба. Широко расставив ноги, я стою и свирепо перекладываю штурвал с борта на борт. Я знаю: два мощных дизеля что есть силы вертят гребные винты и помогают удерживать судно на

курсе. В машинном отделении работают мои товарищи.

«Эй, ухнем, эй, ухнем, еще ра-а-зик, еще да раз...»—Штурман, должно быть, склонился к самой трубе, иначе за свистом ветра и ударами воли я бы не различил его голоса. Мне хочется тоже запеть что-то победное. Я почти физически ощущаю прилив необыкновенной энергии. Сегодня день моего рождения—двадцать один год!

Меня то прижимает к палубе, то она стремительно уходит из-под ног, и тогда захватывает дух. Я помню это ощущение с детства, когда катался со старшим братом на гигантских качелях в парке.

«Двадцать один год,—говорю я себе.—Пусть будет буря! У меня крепкие руки. Это я своими руками веду сейчас судно. У меня день рождения, и я очень нужен сейчас здесь, на «Рице». Нужен всем, так же, как и каждый из моих товарищей нужен мне самому».

Я представляю, что случится, если хоть на одну минуту и отпущу штурвал. Волна и ветер тут же развернут судно и начнут швырять его из стороны в сторону, и тогда...

«Эй, ухнем, эй, ухнем; еще ра-а-зик, еще да раз...»—слышу и знакомый голос и шепчу сам: «Еще разик, еще да раз...» И какой-то восторг испытываю оттого, что, как нибросает нас бешено шипящая волна, «Рица» идет по курсу.

Много лет прошло с тех пор. Я сменил свою профессию, стал сухопутным человеком. Многое забылось, стерлось в памяти. Но тот день так и запечателся со всеми подробностями—с грозным грохотом седых валов о борт неутомимой «Рицы», с неистовым ревом ветра. До сих пор у меня на ладонях желтые пятна, где когда-то кровоточили мозоли.

В житейском океане тоже случаются бури, не менее грозные и опасные. Тогда я уже сам спрашиваю себя: «Как на румбе, штурвальный?» А если кто-то из молодых спрашивает, что, по моему мнению, самое главное в жизни, я отвечаю: самое главное—чувствие причастности к общей борьбе. Оно рождается в человеке гораздо позже биологического рождения. Лично я называю такой факт вторым рождением Человека.

Владимир СЕРОВ,
г. Горький

В ТЕ ДАЛЕКИЕ ГОДЫ...

Хорошо помню тяжелые послевоенные годы. Мы, дети, лишенные родителей, жили тогда в детском доме, в селе Илек, Оренбургской области, и воспитателем к нам пришел Иван Назарович Проскуряков, бывший лейтенант Советской Армии. Был он среднего роста, худощавый, с аккуратной армейской выправкой; сапоги начищены до блеска, через плечо ремень с плащевкой. Он нам понравился сразу. И по характеру и по складу ума он был незаурядной личностью. С нами, детьми, он был честен, относился к каждому без лицемерия и лести.

Он хорошо играл на баяне, и мы, как воробы, слетались к нему, радовались и пели, забывая о постоянном чувстве голода. У него, как и у нас, не было ни дома, ни семьи: все отняла война; как и у нас, у него было единственное прекрасное богатство—наша Родина. Он любил нас искренне, а мы так были к нему привязаны, что даже выходной день без него нам казался бесконечным, пустым.

Если бы знали взрослые, как он был нужен нам, обездоленным детям, они не назначали бы его, наверное, на новую, более высокую должность,—в райисполком, заведующим культурно-массовым отделом. Иван Назарович, коммунист, и на новом месте стал работать так же честно: надо было поднимать культуру послевоенного села.

Иван Назарович все выполнил, что у нас, россиян, считается человеческим долгом: он построил дом, вырастил деревья, вырастил двух сыновей. Его воспитанники стали учительницами, кандидатами педагогических наук, инженерами, техниками, врачами, ткачихами, бухгалтерами.

Мы давно уже поседели, но человек кристальной души, наш главный наставник и учитель Иван Назарович Проскуряков продолжает оставаться для нас идеалом настоящего коммуниста.

Надежда БАЦАНОВА,
бухгалтер, Орск

НАГРАДА ДЛЯ БРИГАДЫ

Мне пришлось не один раз менять профессию. Сначала я работала контролером-кассиром в сберегательной кассе, а вечерами училась в школе рабочей молодежи. Было очень трудно, и я часто пропускала первые уроки да и на остальных сидела с «деревянной головой». Потом работала на заводе.

А когда вышла замуж и родила сына, вынуждена была почти два года сидеть дома: не с кем было оставить малыша. Пришлось быть и уборщицей на заводе—лишь бы днем оставаться с сынишкой: он был у нас слабенький. Когда сынку подрос и окреп, я решила стать швеей, благо, рядом с домом у нас военное ателье.

Зачислили меня ученицей в лучшую бригаду по пошиву шинелей. Признаюсь, сначала было очень тяжело: я то и дело колола пальцы, руки уставали, ткань очень трудно поддается обработке. Вскоре я привыкла и—о чудо!—поняла, что это именно то, что я искала! Я так полюбила свою работу, что теперь с нетерпением жду начала рабочего дня и совсем не замечала, как он пролетает. Даже два выходных для меня кажутся слишком долгим перерывом. Я раньше не принимала всерьез фразу: «На работу как на праздник». Считала, что производят ее ради красивого слова. Теперь же я считаю, что для полного счастья просто как воздух необходима любимая работа. А эту любовь мне привили прекрасные люди, члены 2-й шинельной бригады во главе с бригадиром Лидией Григорьевной Овчинниковой. Эта женщина проработала в ателье более тридцати лет. Все члены бригады—ее ученики, хотя сами уже работают по двадцать с лишним лет.

Наша Григорьевна очень требовательный человек, она никогда не допустит разгильдяйства в работе; благодаря ее знаниям и опыту бригада сумела стать лучшей на производстве. Все имеют звание «Лучший по профессии». Я очень рада, что именно у таких людей мне довелось учиться мастерству индивидуального пошива. Я пока еще не мастер, но скоро буду бороться за это звание, то есть должна буду сшить парадную и повседневную шинель, и я думаю, что выдержу этот важный экзамен.

Я просто обязана доказать бригаде, что не зря они учили меня. Это, мне кажется, будет лучшей наградой для бригадира: ведь в следующем году она уходит на заслуженный отдых, и я ее последняя ученица.

Я не знаю, напечатаете ли вы мое письмо, но мне очень хочется, чтобы о нашей бригаде и ее руководителе узнали как можно больше людей,—ведь жизнь ее как песня. Она добровольцем ушла на фронт молоденькой девушкой да и после войны живет как настоящий советский человек. Человек с большой буквы.

С уважением к вам
Татьяна ДМИТРИЕВСКАЯ,
г. Владимир

«КОМСОМОЛЬСКИЕ РАБОТНИКИ И АКТИВИСТЫ ПРИЗВАНЫ ПОКАЗЫВАТЬ ОБРАЗЫ БЕЗУПРЕЧНОГО ОТНОШЕНИЯ К ДЕЛУ, ВЫСOKИЕ МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА, ПОСТОЯННО БЫТЬ В ГУШЕ МОЛОДЕЖИ, МОБИЛИЗОВЫВАТЬ ЕЕ НА ВЫПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ ПАРТИИ».

Из резолюции XVIII съезда ВЛКСМ

С первым секретарем Душанбинского городского комитета КП Таджикистана Гульджахон БОБОСАДЫКОВОЙ и первым секретарем Центрального комитета ЛКСМ Таджикистана Абдулжабором САТОРОВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Валерий ЕВСЕЕВ.

400 ТЫСЯЧ СИ

СУХРОБ КУРБАНОВ—СЕКРЕТАРЬ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ ТАДЖИКИСТАНА, ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА, ДЕЛЕГАТ XVIII СЪЕЗДА ВЛКСМ.

РАЗГОВОР О КОМСОМОЛЬСКИХ ДЕЛАХ ИДЕТ НЕ ТОЛЬКО НА ЗАСЕДАНИЯХ—ЗАЧАСТУЮ ОН ПРОДОЛЖАЕТСЯ ЗА ПИАЛОЙ АРОМАТНОГО ЗЕЛЕНОГО ЧАЯ. ЕСТЬ О ЧЕМ ПОГОВОРИТЬ ДЕЛЕГАТАМ XVIII СЪЕЗДА ВЛКСМ—ПРОХОДЧИКУ, ЧЛЕНУ КОМИТЕТА КОМСОМОЛА ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ САЙФУЛЛО УЛЬМАСОВУ, МЕХАНИЗАТОРУ, ЧЛЕНУ ЦК КОМСОМОЛА ТАДЖИКИСТАНА КАРОМАТ МАХМУДОВОЙ, МЕХАНИЗАТОРУ, ЧЛЕНУ ЦК ВЛКСМ САОДАТ БАЗАРОВОЙ, ШВЕЕ-МОТОРИСТКЕ, ЧЛЕНУ УРА-ТЮБИНСКОГО ГОРКОМА КОМСОМОЛА ПАРДАЙ КУШАКОВОЙ.

Прежде, чем начать эту беседу, я хочу представить своих собеседников.

Впрочем, давним читателям «Смены» Гульджахон Бабаевна Бобосадыкова уже знакома. Двенадцать лет назад наш журнал опубликовал очерк о ней, тогдашнем руководителе комсомола Таджикистана Жаль, что нет сейчас возможности повторить полностью рассказ о человеке, чья жизнь стала примером для многих девушки горного края.

Напомню лишь коротко ее биографию. Родилась Гульджахон Бабаевна в небольшом таджикском городке Ура-Тюбе. В свое время здесь до последнего патрона отстреливались от наседавших басмачей ее отец и мать. Только вовремя подоспевшие красноармейцы спасли их тогда от расправы за свободолюбие, за то, что мать Гульджахон одной из первых женщин в районе сняла паранджу. Вряд ли думали они, что их дочь окончит в Таджикистане среднюю школу, поступит в университет. Гульджахон избрала физико-математический факультет, успешно защитила диплом, мечтала серьезно заниматься математикой. Но ей предложили комсомольскую

ЭТИ ДЕВУШКИ ИЗ КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ БРИГАДЫ КОЛХОЗА ИМЕНИ ХХII ПАРТСЪЕЗДА ВЫРАЩИВАЮТ ХЛОПОК.

работу. Сейчас Гульджахон Бабаевна говорит, что, повторись все сначала, она сделала бы тот же выбор, но добавляет: а поступала бы снова на физмат...

Друзья по комсомолу Гульджахон Бабаевну называли Розой. (Наверное, потому, что в переводе ее имя значит «весь мир в цветах».) Роза Бобосадыкова была первой в республике девушкой — секретарем комсомольского комитета университета, первым секретарем столичного горкома комсомола, первым секретарем ЦК комсомола республики.

И сейчас, когда Гульджахон Бабаевна давно

В ТИССАРСКОЙ АСТРОНОМИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ.

ИСЛАМ

НУРЕКСКАЯ ГЭС — ВСЕСОЮЗНАЯ УДАРНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ СТРОЙКА.

МОЛОДЕЖЬ И СПОРТ — ПОНЯТИЯ НЕРАЗДЕЛИМЫЕ.

находится на партийной работе, комсомольцы помнят Розу Бобосадыкову. В Душанбе молодой комсомольский работник рассказал мне случай уже многолетней давности. Роза обещала выступить на пленуме райкома комсомола. Но неожиданно выпал снег, и перевал на горной дороге был закрыт. Не летали и самолеты. И секретарь ЦК выехала в ночь и кружным путем, преодолев нелегкие 800 километров, как и обещала, прибыла к открытию пленума.

Не случайно запомнился этот эпизод. Он характеризует, пожалуй, главное в стиле работы Гульджахон Бабаевны — внимание к людям и обязательность.

Хочется только добавить, что ветерану комсомольского движения, опытному партийному работнику Гульджахон Бабаевне Бобосадыковой сейчас всего сорок лет.

...Когда Роза Бобосадыкова прощалась с комсомолом, Абдулжабор Саторов возглавлял комсомольскую организацию педагогического института. А перед этим был секретарем комитета комсомола школы, членом институтского комитета, секретарем комсомольского бюро факультета, получил диплом преподавателя русского языка и литературы. Ему предложили остаться на кафедре. Абдулжабор Саторович отказался. «Не мог я, — говорит он, — учить студентов, будущих педагогов, если сам в школе не работал». И он поехал учителем в сельскую школу. Потом служил в армии в Белоруссии, после этого снова учительствовал в родных местах. И только приобретя некоторый педагогический и жизненный опыт, вернулся в институт. Работал преподавателем, старшим преподавателем, заместителем декана... Уже вырисовывалась тема кандидатской диссертации, но... (Выпомните то же «но» в биографии Г. Б. Бобосадыковой?) Да, вот тут-то, когда, казалось, дальнейший путь его определен, Абдулжабора Саторовича избрали секретарем комитета комсомола института. Это была его пер-

вая должность, как говорим мы, освобожденного комсомольского работника.

Впрочем, это только говорится — освобожденного. От чего? От возможности планировать свое личное время согласно личным интересам? От необходимости выбирать, браться или не браться за самые трудные и ответственные дела? От возникающего порой желания промолчать и «присоединиться» к мнению кого-то другого?..

И хотя нашим собеседникам уже трудно представить иную жизнь, согласитесь, познакомившись с их биографиями, хочется задать им один вопрос. С него я и начал нашу беседу.

— Солдатами не рождаются — это выражение стало уже привычным. А комсомольскими работниками рождаются? И что это — призвание или необходимость? Ведь вы тоже, поступая в высшие учебные заведения, готовили себя совсем к другой профессии.

Г. БОБОСАДЫКОВА. Наверное, комсомольскими работниками не рождаются. Ими становятся. Но не как солдатами — по необходимости, а по призванию. Хотя это призвание редко выражается в форме наивной детской мечты. Я ни разу, например, не встречала мальчишку или девчонку, которые бы на вопрос «Кем ты хочешь быть?» ответили: «Комсомольским работником». Летчиком, космонавтом, трактористом, учителем — всем, кем угодно, комсомольским работником — не слышала. Однако подрастают мальчишки-девчонки, идут в школу, и почти все получают общественные поручения, пусть пока небольшие, но очень важные — командир октябрьской «звездочки», староста, редактор стенгазеты, потом комсорг, пионервожатый, член комитета комсомола. Постепенно общественная деятельность перерастает в потребность. Конечно, не все активисты школы, института или производства становятся комсомольскими работниками, но все комсомольские работники начинали с малых коллективов. Я тоже прошла весь этот путь. И когда передо мной всталла необходимость выбора, я должна была решить, не что для меня важнее — математика или комсомольская работа, — а то, с чем я не могла расстаться. Я уже не представляла свою жизнь без общественной деятельности, без работы с людьми. А зерна, из которых взросло это, как я считаю и сейчас, правильное для меня решение, были посеяны гораздо раньше. Вообще комсомольский работник рождается в человеке тогда, когда он еще и сам об этом не подозревает. Ну и, естественно, чем больше зеренброшено в землю, тем больше будет всходов. Мы должны шире вовлекать людей в общественную жизнь, давать им больше возможностей проявить себя...

А. САТОРОВ. В каждом человеке в большей или меньшей степени заложены организаторские способности. Надо уметь вовремя заметить их, помочь им раскрыться. Конечно, как уже сказала Гульджахон Баева, далеко не все активисты-общественники становятся профессиональными комсомольскими работниками, но, думаю, каждому из них, где бы и кем он ни работал в дальнейшем, школа общественной деятельности сослужит хорошую службу. А то, что сегодня в комсомоле работают представители самых разных профессий — и инженеры, и педагоги, и агрономы, и юристы, — это естественно и необходимо.

Г. БОБОСАДЫКОВА. Комсомол, работающий под руководством партии, — это такая организация, в которую приходят люди с самыми разными вопросами. И мы должны всех принять, выслушать, должны во всем разобраться, уметь помочь. Конечно же, скажем, парни-механизатору, пришедшему в комсомольский комитет, будет проще беседовать с человеком, досконально разбирающимся в вопросах сельского хозяйства, строителю — со строителем и т. д. Поэтому «основные» профессии комсомольского работника никогда не оказываются для него лишними.

Важнейшим принципом партийного стиля руководства массами во все времена было и остается непременное условие — дойти до каждого. Ключ к успеху всей нашей работы — замечательный завет Владимира Ильича Ленина коммунистам, комсомольцам всех поколений:

- Жить в гуще.
- Знать настроения.
- Знать все.
- Понимать массу.
- Уметь подойти.
- Завоевать ее абсолютное доверие.

А. САТОРОВ. XVIII съезд ВЛКСМ еще раз подчеркнул, что знание нужд и запросов всех категорий молодежи, умение найти индивидуальный подход к каждому молодому человеку — главнейшая задача комсомольских организаций. «Масштабы задач, которые партия ставит перед ВЛКСМ», — говорилось в отчетном докладе ЦК комсомола XVIII съезду, — тре-

буют дальнейшего развития его инициативы и самодействительности, повышения активности каждого комсомольца». И в этом плане огромная ответственность лежит на комсомольских работниках. Общий образовательный, профессиональный уровень молодежи в наше время необычайно высок. Чтобы найти с ней общий язык, «понимать массу, уметь подойти», сейчас мало одного желания и энтузиазма. Надо обладать большими знаниями, высокой общей культурой, жизненным опытом. Сама жизнь из года в год повышает свои требования к комсомольскому работнику. В нашей республике, например, сейчас среди секретарей почти шести тысяч первичных комсомольских организаций 68,8 процента имеют высшее и незаконченное высшее образование, а среди секретарей горкомов и райкомов комсомола этот показатель равен 100 процентам.

— Тем не менее, как бы высокообразован ни был комсомольский работник, как бы хорошо ни разбирался в различных жизненных вопросах, какой бы организаторский талант он ни имел, встретиться, побеседовать с каждым он не в состоянии — ведь в вашей республике 400 тысяч комсомольцев. А это значит, 400 тысяч характеров, 400 тысяч различных жизненных ситуаций. Каким же образом проявляется индивидуальная забота комсомола о каждом?

Г. БОБОСАДЫКОВА. Я хочу привести такое сравнение. В то время, когда на хлопковых полях нашей республики только начинают набирать силы всходы, у нас нередко собираются грозовые тучи, зачастую с градом, который может погубить будущий урожай. Конечно, защитить, закрыть от града каждый росток невозможно, но специалисты уже научились предсказывать такие грозы, и особые противоградовые установки ликвидируют опасность. Так и в комсомольской работе. Грош цена нам будет, если мы не сможем правильно оценить обстановку, вовремя предугадать различные жизненные ситуации, возникающие в комсомольских организациях, и для их нормализации использовать те или иные средства из богатейшего арсенала форм комсомольской работы.

А. САТОРОВ. Конечно, секретарь ЦК не может встретиться с каждым из 400 тысяч комсомольцев. Не в состоянии это сделать и секретари горкомов, райкомов. Но ведь в каждом райкоме 60—65 членов, существуют нештатные отделы, комитеты первичных комсомольских организаций. Только выборный комсомольский актив района составляет около двухсот человек. Это уже большая сила, способная не оставить вне поля комсомольского внимания ни одного человека. Это во-первых.

Во-вторых, не всегда слова «дойти до каждого» следуют понимать буквально. Порою можно повлиять на человека, помочь ему принять важное в его жизни решение и не повстречавшись с ним. Действеннейшей формой такого воздействия всегда был личный пример комсомольского работника, комсомольского активиста. В первые годы Советской власти коммунисты и комсомольцы первыми вставали на борьбу с классовым врагом, в годы колхективизации первыми записывались в колхозы, первыми уезжали на ударные стройки пятилеток, поднимали за собой бойцов в атаку... Единственная «привилегия» коммунистов и комсомольцев — быть впереди, там, где труднее, быть там, где они всего нужнее — воспринята сегодняшним поколением как священная эстафета.

Вот типичный пример. Живет в колхозе «Азербайджан», Курган-Тюбинской области, девушка Саодат Базарова. Училась в школе, увлекалась общественной работой, была секретарем комсомольской организации, про которую вскоре стали говорить: лучшая в районе. Саодат избрали членом бюро райкома комсомола. Некоторые сомневались, не рано ли. Но у Саодат оказался настоящий комсомольский характер. Если считала нужным, она могла поспорить и с секретарем райкома («Ведь вы такой же член бюро, как и я!»). После окончания десятилетки Саодат собиралась поступать в институт. Но в это время райком обратился к девушкам с призывом осваивать профессию механизатора. Когда на бюро рассматривался этот вопрос, Саодат поняла, что не может оставаться в стороне от важного дела, и она одной из первых поступила в ПТУ. И этот пример комсомольской активистки, девушки, хорошо известной в районе, оказал на ее сверстниц гораздо большее воздействие, чем самые широковещательные призывы, самые доверительные разговоры по душам. А надо сказать, это решение Саодат было весьма смелым, даже отчаянным. Далеко не все верили, что эта хрупкая, стройная девушка, похожая скорее на артистку, нежели на механизатора, сможет совладать со сложной техникой. Но я уже говорил о характере Базаровой. Она не только постигла все тонкости новой профессии, но и вскоре стала победителем республиканского соревнования молодых механизаторов, а с такого же соревнования всесоюзного масштаба в Риге вернулась третьим призером.

— Абдулжабор Саторович, а как в дальнейшем сложилась судьба Саодат? Ведь это очень трудно — оставаться все время на уровне примера, и не ограничить ли это с самоотречением от мечты?

А. САТОРОВ. Саодат в переводе значит «счастье». И, думаю, сейчас никто не сможет произнести ее имя с иронией. Девушка, что называется, нашла себя. Председатель колхоза говорит, что, видимо, скоро Саодат перерастет свою должность — трудолюбие в ней сочетается с большими организаторскими способностями (вот она, школа комсомола!). В прошлом году Базарова собрала 143 тонны хлопка, первой в районе подняла вопрос об организации уборки урожая по методу земледельцев Ипатовского района. Намного вырос авторитет Саодат и среди комсомольцев. Она член бюро обкома комсомола, член ЦК ЛКСМ Таджикистана, была делегатом XVIII съезда ВЛКСМ, где ее избрали членом Центрального Комитета ВЛКСМ. Решился и вопрос с ее дальнейшей учебой. Если сразу после школы девушка не знала точно, что ее привлекает больше — педагогический или сельскохозяйственный институт, то сейчас ее выбор был тверд. В прошлом году она стала студенткой-заочницей сельскохозяйственного института. Так что, как видите, никакого самоотречения, никакого отступления от мечты не произошло.

— На XVIII съезде ВЛКСМ нежало говорилось о нетерпимости к шаблону и формализму в комсомольской работе, ко всякого рода показухе. Несомненно, что эти и другие подобного рода «увеличения» прежде всего наносят удар индивидуальной работе с комсомольцами, заслоняя бумаготворческим валом живого человека. Как же разгрузить комсомольского работника от бумажных дел?

Г. БОБОСАДЫКОВА. Выступая на XVIII съезде комсомола, Леонид Ильич Брежнев говорил: «Пора сделать правилом — говорить с людьми простым и доходчивым языком, писать, вкладывая в каждую фразу живую мысль и чувства. Это тоже вопрос качества и эффективности, причем на таком важном участке строительства коммунизма, как воспитание нового человека».

Живое слово, горячее слово, доведенное до каждого комсомольца, нельзя заменить никаким решением или постановлением. Однако надо помнить, что просто бумагой постановление становится лишь в том случае, если оно не выполнено, не подкреплено организационной работой, если вместо действенной помощи по его внедрению, вместо предметной проверки выполнения вышестоящим комсомольским комитет требует с нижестоящего лишь письменных отчетов и рапортов о проделанной работе. Вот тогда и появляется бумажный вал, переработка которого не только отнимает массу времени у работников обоих коллективов, но и может создать порою превратное представление об истинном положении дел. Помню, в свое время мы проводили большую работу по организации шефства над подростками. Большое количество постановлений по этому вопросу, приходящих из одного районного комитета комсомола, чуть не ввели меня в заблуждение — показалось: вот где работа с подростками поставлена должным образом. На деле же все оказалось иначе. Проверка исполнения, необходимая требовательность должны сопровождать каждое постановление. Тогда у любителей пустить пыль в глаза будет выбита почва из-под ног. Да и количество входящих и исходящих бумаг в комсомольских комитетах уменьшится.

А. САТОРОВ. По примеру ЦК ВЛКСМ мы у себя разрабатываем сейчас график получения информации, сверх которого будет вообще запрещено запрашивать у комитета комсомола какую-либо письменную информацию. Надеемся, это во многом упорядочит наше документальное хозяйство.

Вспоминаю слова Леонида Ильича Брежнева на XVIII съезде ВЛКСМ. Говоря о воспитательной работе, он сказал: «Здесь особенно нетерпимы проявления бездушности и формализма. Пора всем работникам идеологического фронта покончить с не изжитой еще кое-где практикой механического, бездумного повторения прописных истин, со словесной трескотней».

Да, бездумный шаблон в комсомольской работе очень опасен. Не так давно мы получили из одного района сообщение о том, что, следуя почину костромских школьников, целый класс сельской школы решил остаться работать на селе. Такое желание выпускников, конечно, похвально. Но дело в том, что в нашей республике не существует проблемы закрепления кадров на селе. Более того, с ростом механизации сельского хозяйства в нем все более и более будут высвобождаться рабочие руки. И мы только приветствуем, когда сельские парни и девушки приходят работать на заводы и фабрики, на стройки. Поэтому комсомольским работникам района надо

было бы побеседовать с этими ребятами, помочь им найти сферу приложения своих сил, повернуть их инициативу на иные, нужные республике рельсы.

Г. БОБОСАДЫКОВА. Мы коснулись очень важного вопроса. За последнее время состав комсомольской организации республики заметно изменился. Значительно увеличилось количество комсомольцев, работающих на промышленных предприятиях, предприятиях транспорта, связи, в строительстве. С появлением в республике таких крупных промышленных объектов, как Нурекская ГЭС, Таджикский алюминиевый завод, строительство Яванского электрохимического завода и других, заметно укрепился национальный рабочий класс. Сейчас наша задача — как можно больше таджикской молодежи привлечь для работы на промышленных объектах. Этую задачу нельзя решить лишь одними объявлениями о приеме на работу, призывами и обращениями. Здесь требуется индивидуальная кропотливая работа комсомола.

А. САТОРОВ. С появлением новых промышленных объектов, естественно, появились новые, непривычные для Таджикистана профессии, например, электролизник или литецкий на алюминиевом заводе. Нужно было молодежи рассказать, что это такое. Мы пропагандировали новые профессии всеми формами, используя и печать, радио, телевидение, но главное — организовывали экскурсии на завод, устраивали встречи молодежи с рабочими. Сейчас это уже все в прошлом — желающих работать в городе Турсун-Заде, там, где находится алюминиевый завод, достаточно. Нет проблем у нас с формированием комсомольских отрядов на ударные стройки — строительство Рогунской ГЭС, Яванского электрохимического завода. Нет проблем с формированием отрядов добровольцев, но есть проблемы с их устройством.

В отчетном докладе ЦК ВЛКСМ на XVIII съезде комсомола говорилось: "...в проектировании и строительстве молодых городов допускается еще немало просчетов. Планирующие и проектные организации слабо учитывают особенности формирования, демографический состав, социальные перспективы молодых городов. При высоких темпах промышленного строительства систематически не выполняются планы ввода жилья, больниц, профтехучилищ, объектов культуры". И вот здесь я не могу не высказать претензии министерствам цветной металлургии, химической промышленности, энергетики и электрификации, ведущим строительство Южно-Таджикского территориально-промышленного комплекса. Возводя промышленные объекты, они систематически затягивают строительство жилья и объектов соцкультбыта. На XVIII съезде комсомола я говорил об этом. Мы надеемся, что министерства внесут необходимые корректины в свои строительные планы. Мы же, в свою очередь, готовы взять обустройство новых промышленных объектов под особый комсомольский контроль.

Я побывал в некоторых районах республики. Красота Таджикистана завораживает. Но еще больше подчеркивает ее та гигантская работа, которая ведется в местах древних и, казалось бы, неприступных. Не знаю, что больше поражает воображение в Нуреке — громады первозданной красоты гор, или новый, органично вписанный в рельеф местности город энергетиков, или же накатанный серпантин дороги, по которому одни за одним ползут вверх груженые БелАЗы, ползут на гребень самой высокой в мире 300-метровой плотины Нурекской ГЭС. Разительные перемены, произошедшие за годы Советской власти в Таджикистане, где до революции было всего несколько полукустарных мастерских, где даже керосиновая лампа считалась огромной роскошью и где, по словам основоположника таджикской советской литературы Садриддина Айни, столетие которого в этом году отмечается повсеместно, «грамотные и образованные люди были столь же редки, как плодородное дерево в солончаковой пустыне».

Наверное, не стоит приводить цифры, характеризующие образовательный уровень Советского Таджикистана. Скажу только, что в самых отдаленных кишлаках пробиться к полкам книжных магазинов сегодня так же трудно, как и в Москве.

Листая газету «Комсомолец Таджикистана», я часто встречал рассказы о делах девушек-комсомолок, очерки о лучших из них — о депутате Верховного Совета СССР животноводе Хурматой Ульясовой, дядре, делегате XVIII съезда комсомола Мирзаджабе Боевой, депутате Кулябского областного Совета, продавце Айболи Куйбачаровой, строителе, делегате XVIII съезда комсомола Охистамо Сафаровой, делегате республиканского съезда комсомола артистке Сабдавлат Алиназаровой, бригадире хлопкоробов, делегате XVIII съез-

да ВЛКСМ Зайнурою Мусоевой и многих других. С первых полос республиканской газеты смотрят на читателя веселые, открытые лица таджикских девушек. Но вдруг я коснулся на статью, своим названием очень точно передающую суть случившегося: «Чрезвычайное происшествие». В газете напечатано письмо девушки. Я не буду называть ее имени, но письмо процитирую: «В июне прошлого года я окончила десятилетку, хотела продолжить учебу в институте — запретили родители. Просила их: разрешите поступить хотя бы на калгозные курсы механизаторов — сказала отказ. Но и это не все мои беды. Родители решили выдать меня замуж за нелюбимого человека. Я не знаю, к кому еще обращаться за помощью, поэтому пишу вам, помогите!»

Может быть, не стоило бы говорить об этом: случай действительно совсем уж нетипичный, да и за судьбу девушки уже можно не беспокоиться, ей, как мне рассказали, помогли, сейчас она готовится к экзаменам в институте. Но останавливает внимание это чрезвычайное происшествие еще и другой своей стороной. В статье корреспондента газеты приводится его разговор и в райкоме комсомола и в комитете комсомола колхоза, где состоит на учете девушка. И там и там в один голос сказали, обратясь, мол, она к нам, и конфликт был бы улажен... А ведь, судя по письму, девушка даже и не подумала прийти за помощью к своим товарищам, к тем, за кого она тоже голосовала, избирая в комсомольский комитет, значит, не завоевали комсомольцы колхоза должностный авторитет...

А. САТОРОВ. Это письмо из Матчинского района пришло в ЦК комсомола. Необходимые меры были приняты тут же. Но мы специально передали его в редакцию газеты. Потому что сегодня суть проблемы не в том, как помочь девушке, как переубедить ее «строптивых» родителей, которые, конечно, хотят счастья своей дочери, но пытаются построить ее — комсомолке со средним образованием — своими руками по старым рецептам. Суть проблемы в другом — почему же девушка оказалась вне сферы внимания своей комсомольской организации, почему комсомольцы не пришли ей на помощь, даже не дожидались просьбы об этом. И хотя комитет комсомола колхоза имени Куйбышева считается неплохим в районе, мы думаем, что он заслуживает самой резкой критики, потому что общими показателями, какими бы хорошиими они ни были, не компенсировать морального ущерба, нанесенного человеку пусть даже в единичном и нетипичном случае. Поэтому мы и попросили выступить с этой статьей нашу комсомольскую газету.

Г. БОБОСАДЫКОВА. Случай, произошедший в Матчинском районе, конечно, ЧП. Но и он дает возможность представить, как изменился характер наших девушек. Еще несколько десятилетий назад ни одна таджичка не могла и подумать о том, чтобы отстаивать свои права на учебу. А эта девушка обращается прямо в свой Центральный комитет! Комсомольская работа — это живая работа, работа с людьми, с каждым отдельным комсомольцем. И вести ее нужно так, чтобы знать, чувствовать настроение всех комсомольцев, чтобы постоянно быть в курсе, что происходит в судьбе каждого члена комсомольской организации.

Как было сказано в отчетном докладе ЦК комсомола своему XVIII съезду, «современный комсомол — это большой и сложный организм... Растущие масштабы практических дел комсомола, важность задач воспитания нового человека диктуют необходимость постоянного организационно-политического укрепления каждого звена комсомола, совершенствования руководства комсомольскими организациями».

Говоря о работе с людьми, хочется привести слова Леонида Ильича Брежнева из его воспоминаний «Возрождение».

«Вообще, замечу, — пишет Леонид Ильич, — память на людей, особенно на хороших людей, у партийного работника является и человеческим долгом, и профессиональной обязанностью. Общение с ними всегда необходимо. Оно обогащает партийного работника, укрепляет его связь с жизнью, помогает, как говорят, из первых рук узнать замыслы, интересы, нужды людей. Наконец, просто приятно бывает открыть для себя хорошего человека — рабочего, колхозника, строителя, агронома, художника, журналиста,ченого. Я никогда не жалел на это времени, да и сам характер партийной и политической работы, к счастью, способствует этому».

Эти слова можно с полным правом отнести и к комсомольским работникам. Заканчивая нашу беседу, хочу поблагодарить вас за нее и пожелать еще больше новых открытий — открытий хороших людей.

УРОКИ ЖИЗНИ

В этой рубрике читатели «Смены» регулярно встречают диалоги представителей разных поколений и профессий, беседующих о главных проблемах нашей жизни: о рабочей гордости и чести, о чувстве профессиональной ответственности, о творчестве, о воинской славе, о верности традициям отцов и дедов — о месте молодежи в рядах строителей коммунистического общества. В канун XVIII съезда ВЛКСМ в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга «Диалоги» (По страницам журнала «Смена», 1975—1977 годы), которая включила в себя лучшие беседы, опубликованные «Сменой».

В сборнике собраны 17 диалогов. Среди их участников делегат III съезда РКСМ, секретарь ЦК РКСМ в 1923—1924 годах, профессор Высшей партийной школы при ЦК КПСС В. Ф. Васютин и московский рабочий, лауреат премии Ленинского комсомола В. Дьячков, генеральный директор ярославского объединения «Автодизель» А. М. Добринин и секретарь комитета ВЛКСМ моторного завода Е. Волков, писатель В. М. Кожевников и бывший член штаба подпольной организации «Молодая гвардия» капитан первого ранга В. И. Левашов, Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян и народный артист СССР А. П. Огинцев, космонавт В. Лебедев и бригадир строителей БАМа В. Степанищев, народный художник Литовской ССР С. Краусаскас и первый секретарь ЦК ЛКСМ Литвы В. Балтрунас и другие.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся проблемами трудового, идеального, нравственного, эстетического воспитания молодежи, и адресована молодым рабочим, учащимся школ и ПТУ, студентам, а также комсомольским работникам, тем, кто ведет пропагандистскую, лекторскую и педагогическую работу с юным поколением.

Редакция «Смены», продолжая публикацию диалогов, обращается с просьбой к читателям присыпать свои пожелания, с какими интересными собеседниками они хотели бы встретиться на страницах журнала.

В

от входу по широким ступеням под сенью магической тишины, нарушающей лишь шелестом страниц. Входу в самую большую библиотеку Сибири, одну из крупнейших в стране — в Государственную публичную научно-техническую библиотеку Сибирского отделения АН СССР.

Не камень, не дерево, не металл, не краски художников, не звуки музыки, а именно слово, закрепленное на бумаге, стало самым прочным памятником времен и народов. Молодой Герцен, выступая в 1837 году на открытии вятской библиотеки, сказал: «Опыт, написанный и брошенный в употребление, есть книга. Книга — это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить; приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему его место».

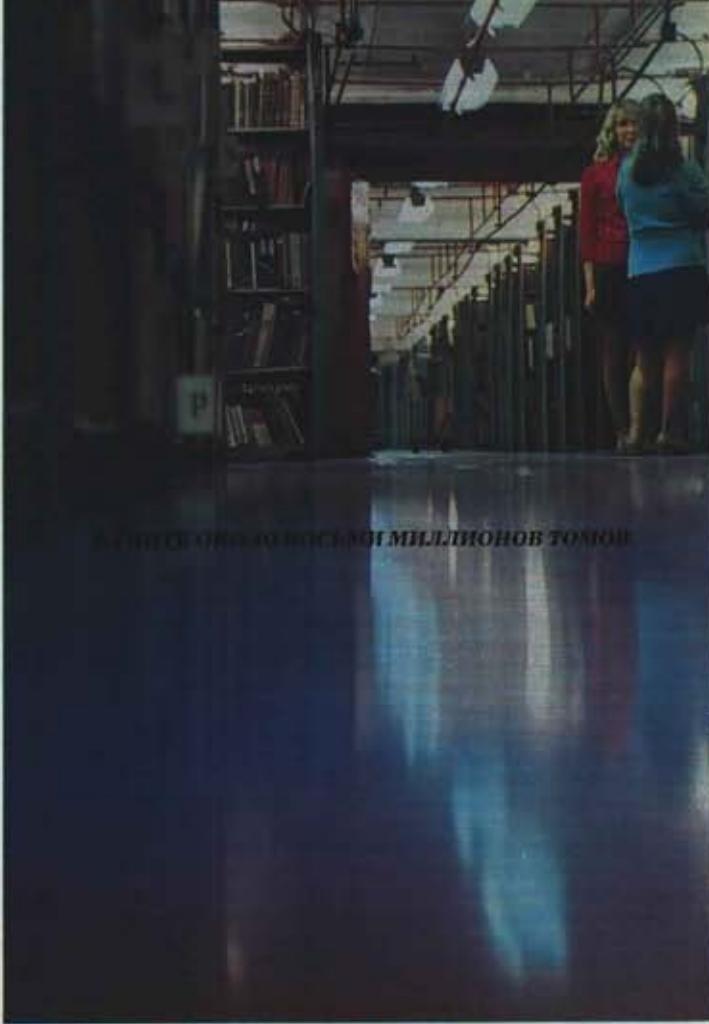
История возникновения библиотек сама по себе удивительна. Рассказы об этом дошли до нас из глубин веков. Еще в середине VII столетия до н. э. существовала глиняная библиотека — собрание глиняных табличек в Ниневии, при дворце ассирийского царя Ашшурбанипала. В Древнем Египте библиотеки устраивались для жрецов при храмах. В Древнем Риме в I веке н. э. возник обычай устраивать так называемые публичные библиотеки, которые также существовали при храмах и были доступны узкому кругу образованных рабовладельцев и священнослужителей. В эпоху Возрождения возникают библиотеки университетов, часть которых превращается затем в национальные. Однако в то время они являлись прежде всего местом хранения редкостей, и их деятельность, как это ни странно, была во многом направлена на то, чтобы защитить собранные манускрипты и книги от... посетителей. Именно тогда родился обычай приковывать книгу цепью к пьедесталу. Но ни книга, ни человек в цепях существовать не могли. И постепенно появляются библиотеки, открытые для всех желающих (например, библиотека Мазарини, основанная в 1643 году в Париже, два раза в неделю была открыта для всех). Но ускоренная организация действительно массовых библиотек началась позже — со второй половины XIX века.

Первая известная историкам библиотека Древней Руси была основана в 1037 году Ярославом Мудрым при Софийском соборе в Киеве. Затем традиционно тоже при монастырях и соборах возникают библиотеки в Новгороде, Чернигове, Владимире. В XV—XVII веках в Москве появляются Патриаршья библиотека, библиотеки Посольского и Алтекарского приказов, дворцовые библиотеки, частные книжные коллекции крупных бояр. В начале XVIII века в связи с петровскими реформами в России начинают возникать библиотеки с фондами светской и научной литературы. В 1714 году по распоряжению Петра I создается крупная коллекция книг в Петербурге, которая в 1725 году была передана Академии наук и составила ядро Академической библиотеки. Возникают хранилища книг и в Сибири. Первая библиотека появляется в XVII веке в Тобольске — тогдашней столице сибирского края. Позже возникают библиотеки в Иркутске, Тюмени, Енисейске, Томске... По одной из найденных старинных книг археографы установили, что уже через несколько лет после основания Якутска там были русские книги, которые активно читались и меняли своих владельцев.

Промышленное освоение Урала и Сибири также влекло за собой организацию библиотек. Так возникла в 40-х годах XVIII века первая в Сибири техническая библиотека на Колывано-Воскресенских горных

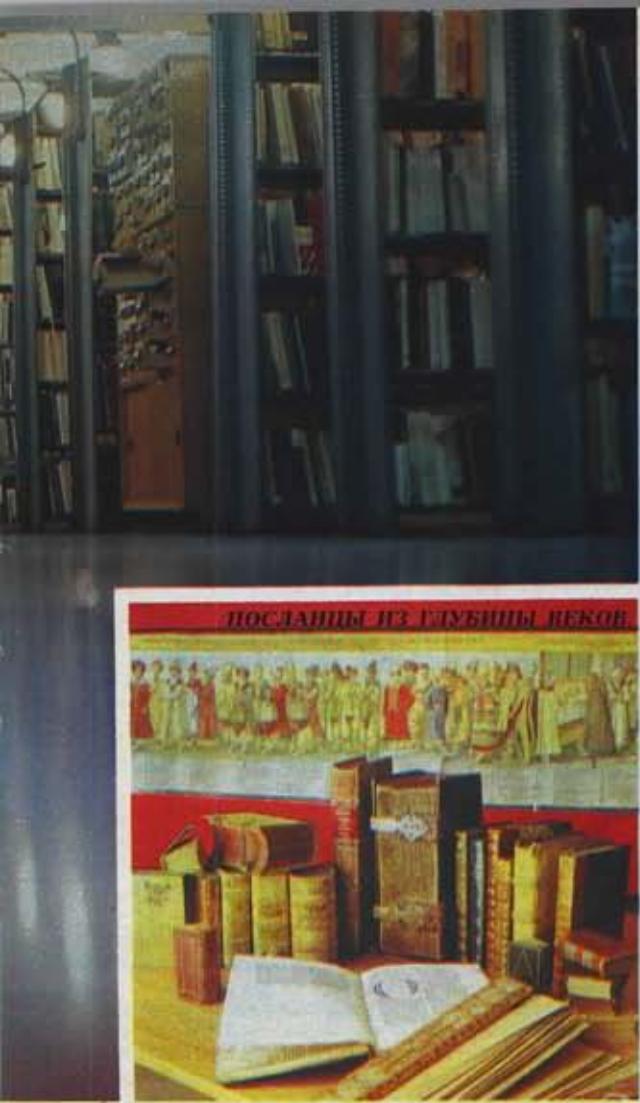
Юрий ПУШИН
Фото автора

библиотеку восемь миллионов томов

ДОМ ДЛ

Я ВСЕХ

заводах. В ней, по последним данным, насчитывалось около 16 тысяч томов — число по тем временам немалое.

...Трудно сказать, сколько сейчас книг издается ежегодно в мире, но только сюда, в Новосибирск, в ГПНТБ, стекается каждый год 300 тысяч томов — самых разнообразных по содержанию, на разных языках, толстых и тонких, со всех концов страны и из-за рубежа. И всю эту массу необходимо просмотреть, рассортировать, классифицировать, занести данные о них в картотеки, поместить в хранилище на определенные полки и т. д.

Бесконечными рядами уходят в глубину огромного зала золотистые кубы каталогов. Тут, в этих ящиках, еще не книги, в них только визитные карточки книг. В них огромный труд библиотекарей, помогающих читателю не заблудиться в необозримом книжном океане. Если же учесть, что общее количество книг в ГПНТБ приближается к восьми миллионам, то станет понятным, что труд библиотекаря не так прост, каким кажется на первый взгляд. Однако об этом не думаешь, спрашивая в том или ином читальном зале нужную тебе книгу, и не удивляешься, получая ее буквально через считанные минуты.

ГПНТБ, вероятно, одна из самых молодых библиотек подобного масштаба в мире. Первых читателей она приняла 15 октября 1966 года, и с той поры они остались (и нет сомнения в том, что останутся на всю жизнь) верными почитателям новой библиотеки, ибо все в ней создано для их удобства. Здание из бетона, стекла и металла, построенное по специальному проекту для суровых условий Сибири, кажется легким, почти парящим над землей — настолько удачны его пропорции. Это впечатление усиливают необычайной формы пилоны и окна сверху донизу. Глядя на него, никак нельзя предположить, что четырьмя своими этажами оно ушло глубоко в землю. Но как раз тут и находятся основные книжные богатства ГПНТБ. Кондиционеры помогают создавать в 14 читальных залах и многочисленных служебных помещениях особый микроклимат, независимый от состояния погоды за стенами библиотеки. Зеленые уголки в уютных холлах и просторных, пронизанных насквозь светом читальных залах похожи на миниатюрные сады. Красивая и удобная мебель гармонирует с мягкой окраской стен и полов. Не удивительно, что число читателей здесь постоянно растет. Среди них и крупные ученые, и рабочие, и студенты вузов и техникумов, и служащие. Это в полном смысле слова народная библиотека, созданная на основе ленинских принципов.

Еще в 1913 году в газете «Рабочая правда» В. И. Ленин, говоря о работе публичных общедоступных библиотек, учил «видеть гордость и славу публичной библиотеки... в том, как широко обращаются книги в народе, сколько привлечено новых читателей, как быстро удовлетворяется любое требование на книгу, сколько книг раздано на дом, сколько детей привлечено к чтению и пользованию библиотекой...». И впоследствии Ленин неоднократно обращался к этой мысли, отводя огромную роль книге в деле воспитания масс.

...С библиотекой меня знакомил ее директор, кандидат педагогических наук Николай Семенович Карташов.

— У нас более половины работающих — молодежь, — говорил директор. — Существует совет молодых специалистов — ядро научной, творческой и поисковой работы. Есть комсомольский клуб «Кругозор» — организатор занимательных докладов и встреч с интересными людьми. Мы создали универси-

БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ РАБОТНИКОВ БИБЛИОТЕКИ — МОЛОДЕЖЬ.

тет библиотечных знаний, который существует уже третий год. Занимаются в университете молодые ученые и студенты-старшекурсники, а учат их молодые сотрудники библиотеки. Возник он не случайно. Как известно, объем информации каждые десять—пятнадцать лет сейчас удваивается, а поскольку ни один вуз не учит методам поиска информации, то мы решили заняться этим сами, вернее, молодежь натолкнула нас на эту мысль... Кстати, ГПНТБ—единственная из библиотек страны, имеющая собственную аспирантуру. А ведь это открывает молодым путь в науку... Есть и трудности. Они опять-таки связаны с тем, что ни один из наших вузов не готовит специалистов для научной библиотеки такого масштаба, как ГПНТБ.

— В чем же тут дело?

— Сейчас поясню. Дело в том, что кадры готовятся в основном для массовых библиотек, без достаточно глубокой специализации—широкого профиля кадры. Нашу же библиотеку можно сравнить с комбинатом, где труд четко разделен. Например, у нас есть отдел каталогизации, который занимается только алфавитным каталогом и больше ничем. Отдел систематизации занят только систематическим каталогом. Там полсотни сотрудников, причем и среди них существует свое разделение труда. Поэтому иногда некоторые из молодых, приходя к нам, теряются... В последние годы мы вышли на новый этап—внедрение автоматизации и механизации процессов в библиотечном деле. Для нас это совершенно новая проблема, и основные надежды в ее разрешении мы связываем с молодежью. Сложность заключается в том, что если пригласить специалиста по автоматике к нам, то придется учить его библиотечному делу. И наоборот. Видимо, в библиотечных вузах нужно организовать факультет по механизации процессов. Это проблема сегодняшнего дня, но еще в большей степени завтрашнего...

А вокруг нас были книги, книги, книги... Бесконечные ряды стеллажей с книгами. Книги-великаны—размером чуть ли не со стол и книги-малютки—величиной со спичечный коробок, старинные фолианты в темных кожаных переплетах с медными застежками, рукописные книги с цветными, затейливого рисунка заставками, инкунабулы—книги, изданные до 1501 года... Откроешь страницу и чувствуешь, как стирается грань времени. Там, за стенами хранилища, кипит жизнь миллионный город, тут, в библиотечной тишине, вдруг почутился тебе колокольный перезвон Древней Руси. И прочтешь строки: «При сем княжении в Руси Великого князя Иоанна Васильевича всея Руси в лето 6999 (1491) отпустил шпанской король Фердинант земли своея человека в дальния страны и отоки моря именем Христофора по его прошению родом Волошанина, а назывался родом Колимбос».

Вот, оказывается, еще когда—в шестнадцатом веке—рассказ о Колумбе вставлен был в своеобразный курс всемирной истории—хронограф, рукопись которого сибирские ученые нашли в маленьком поселении недалеко от Полярного круга. Да, и таким путем попадают книги в библиотеку—в сектор истории книги. Кстати, сектор этот возник несколько неожиданно. Однажды, еще за год до открытия нового здания ГПНТБ, в Новосибирск был доставлен уникальный груз—множество коробок с древними русскими рукописями и книгами, с грамотами, украшенными старинными гербами и печатями, с первыми изданиями Ивана Федорова... Замечательную коллекцию Сибирскому отделению АН СССР подарил видный советский историк академик М. Н. Тихомиров. Многих удивило его решение расстаться со своими сокровищами и отправить их так далеко от Москвы. Но ученый надеялся, что его бескорыстный дар хорошо послужит науке. И не ошибся. Эта коллекция позволила начать подготовку археографов в Сибири. А вскоре произошло просто чудо: коллекция памятников древней письменности начала расти, словно кристалл в насыщенном растворе, постоянно пополняясь новыми находками. Так, одна из экспедиций ученых обнаружила в сибирском селе рукопись шестнадцатого века, содержащую комплекс материалов о времени Ивана Грозного и его отца Василия Третьего. Там же впервые был обнаружен полностью знаменитый «судный список» церковного суда над Максимом Греком. Сейчас в сибирской коллекции памятников древней письменности более 10 тысяч томов...

Книги, книги, книги... Ну, не странно ли, что бывали времена, когда человечество обходилось без книг и библиотек? Книга стала вечным и постоянным спутником всей нашей жизни. Посмотрите-ка, всюду читающие: на автобусной остановке и в самом автобусе, на парковой скамейке, в электричке, во дворе и, конечно же, первым делом в библиотеке...

Вот поднимаемся по широким ступеням и окунаемся в благословенную библиотечную тишину. Сейчас я раскрою новую книгу, и свершится обыкновенное чудо—страницы ее распахнут передо мной окно в иной, неведомый мне пока мир...

Борис ГЕРМАНОВ

ПОД ПРИЦЕЛОМ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ

КТО И ПОЧЕМУ ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ ФЕСТИВАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Атаки на X Всемирный

1 августа 1973 года, во время работы X Всемирного фестиваля молодежи и студентов, по соседству с западноберлинским кафе «Кранцлер» и газетным киоском на углу Иоханнисштрассе, у входа в метро, молодые люди раздавали прохожим экземпляры памфлета на английском, французском, русском, польском и немецком языках. На обложке был напечатан лозунг: «Антимпериалистическая солидарность, мир и дружба». Но под фестивальным девизом, вынесенным на самое видное место, скрывалась откровенно антикоммунистическая клевета на всемирную встречу юности. Издана этот материал так называемая Международная ассоциация свободных журналистов, штаб-квартира которой располагается в Лондоне. Среди организаторов акции был английский журналист Дэвид Флойд, в прошлом сотрудник «Секрет Интеллидженс Сервис» (СИС), а ныне «эксперт» по социалистическим странам. Именно он осуществляет связь английской разведки со службами западногерманской БНД («Бундес Наухиттен дист»), специализирующими на антикоммунистической пропаганде.

В кампанию против X Всемирного фестиваля в Берлине отдель специальных политических операций английской разведки внес свою лепту: организовал подготовку и публикацию накануне фестиваля специального «доклада» под заголовком «Восточная Германия—хозяин X Всемирного фестиваля». Цель «документа» состояла в том, чтобы самыми грязными методами дискредитировать фестиваль. За его распространение взялись реакционные организации Швеции. В июне 1973 года они разослали «доклад» более чем семистям журналистам. Материал изобиловал примерно такими пассажами: «Выбор Восточного Берлина в качестве места проведения фестиваля нельзя назвать удачным. Этот разделенный восточногерманской стеной город едва ли произведет хорошее впечатление на гостей. Кроме того, соседство Западного Берлина может создать проблемы для организаторов фестиваля, в особенности если его участники в сопровождении их восточногерманских друзей захотят пересечь западную границу».

Откровенной антифестивальной и антисоциалистической фальшивкой был и так называемый «Справочник для X Всемирного фестиваля молодежи и студентов». Сначала он появился на английском языке, а затем на французском и немецком. Анализ текста свидетельствовал, что фальшивку составляла английская разведка. В немецком и французском изданиях встречались грамматические и стилистические неточности, которые не оставляют сомнения в том, что оригинал выполнен на английском языке.

В «Справочнике» содержались «справки», которые должны были отбить всякую охоту участвовать в фестивале. Информация ставила целью отговорить молодежь от поездки в Берлин, дезориентировать желающих принять участие в этом грандиозном празднике юности. Сообщалось, например, что всякий приезжий может быть арестован полицией ГДР за малейшее отклонение от «инструкций местных властей», что «запрещается говорить и беседовать на определенные темы» и т. п. Официальным лицам города X Фестиваля приписывались «суровость» и «жесткость» во всем—от регулирования уличного движения до запрета фотографировать «массовые мероприятия».

Во время подготовки, а потом и проведения X Всемирного

фестиваля молодежи и студентов в Берлине империализм в первую очередь использовал в своей антифестивальной работе БНД—службу западногерманской разведки.

Наиболее злобные антикоммунистические материалы фабриковались в Мюнхене, центре бесчисленных эмигрантских и реваншистских организаций. Распространением этой литературы занимались, как и прежде, в дни «холодной войны», книжные магазины и так называемые культурные и информационные центры в Западном Берлине. Антикоммунистические эмиграционные организации основали здесь свои опорные пункты, создали издательства, с помощью которых БНД и другие секретные службы вели антифестивальную деятельность. К числу таких издательств относятся «Монтанус Актуэль» (Франкфурт-на-Майне, Базельштрассе, 37), участвовавшее в фабрикации антифестивальных фальшивок, «Пет Бележ» (Мюнхен, Хессштрассе, 13). Распространяли провокационные материалы западноберлинские книжные магазины «Монтанус» и «Бюхерштубе Шоеллер».

Часть тиража доставлялась на фестиваль агентурой БНД, проникшей в делегацию западноберлинской молодежной организации «Юнге Унион». Одновременно люди БНД снабжали такой литературой перед въездом в ГДР гостей фестиваля из различных западных государств.

Установлено, что в мае 1973 года директор польской секции радиостанции «Свободная Европа» Ян Новак провел в Лондоне переговоры с польской реакционной эмиграцией и представителями английской разведки о координации усилий во время подготовки и проведения фестиваля. К переговорам был привлечен и близкий сообщник Новака Андре Стилупковский, живущий в Лондоне. Он принимал самое деятельное участие в антикоммунистических акциях на прежних фестивалях молодежи и студентов. Известно, что Стилупковский поддерживает контакты с троцкистскими и анархистскими организациями в скандинавских странах, которые планировались использовать для дезорганизации работы Берлинского фестиваля.

Вся эта пестрая антифестивальная команда дополнялась троцкистскими, маоистскими и другими леваками группировками, которые несли на фестиваль из западных стран свои провокационные экстремистские лозунги, объективно противостоящие разрядке и мирному существованию народов. Среди них были так называемая «Лига против империализма» и «Коммунистический молодежный союз». Их единственной целью были провокации и беспорядки. Они пытались организовать акции насилия, открыто декларировали террор как средство борьбы. Достоверно установлено, что деятельность этих групп направлялась и контролировалась западногерманской и английской разведками.

На фестивале пытались организовать свои выступления те силы из «Юнге Унион», из молодежных организаций ХДС и ХСС ФРГ, которые под контролем БНД выступали против нормализации политической обстановки в Европе, против ратификации мирных договоров ФРГ с Советским Союзом, Польшей, Германской Демократической Республикой. Каждый день агенты БНД направлялись в столицу ГДР для организации провокационных вылазок. Однако они оказались в изоляции, и им не удалось дискредитировать хозяев фестиваля. Среди делегации «Юнге Унион» началась разбор, а некоторые прогрессивно мыслящие члены союза отказались от участия в попытках помешать работе фестиваля.

Попытки сорвать XI Всемирный фестиваль не были чем-то неожиданным. Фестивали, как и все прогрессивное международное движение молодежи, на всем протяжении своей истории встречали яростное противодействие сил реакции и империализма. Причем ведущую роль в подрывной антифестивальной деятельности всегда играли секретные службы—Центральное разведывательное управление США (ЦРУ), упоминавшаяся уже английская и западногерманская разведки—«Сикрет Интеллиджанс Сервис» (СИС) и «Бундеснахтитен дист» (БНД).

Припомните страны фестивальной истории.

VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Австрии. Торжественное открытие фестиваля на венском стадионе «Пратер». Антикоммунистически настроенные банды, насчитывающие около 6 тысяч человек, пытались выступить на трибуны полчища крыс, тайком завезенных в больших ящиках. Громилы, адохновляемые агентами ЦРУ и БНД, срывали мероприятия фестиваля, не останавливаясь перед тем, чтобы взламывать двери в залы и помещения, где они проходили. Провокаторы распространяли среди участников фестиваля реакционную газетенку, издававшуюся агентурой БНД с финансовой помощью ЦРУ—«Винер нахрихтен» («Венские новости»). Когда прогрессивно настроенные делегаты мешали ее распространению, против них пускались в ход газовые пистолеты, дубинки и кулаки. Американская разведка специально создала в Вене антифестивальные центры и агентства, которые устраивали провокации.

VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. 1962 год. Хельсинки. ЦРУ организует антикоммунистическую молодежную группу «Фридом дайнемикс». В Стокгольме создан штаб антифестивальщиков «Служба скандинавской молодежи». Эти организации совместно готовили диверсию в Хельсинки. Американская сторона направила для праздника юноши 160 молодых антикоммунистов, которые образовали группу громил, подобную действовавшей в Вене. Расходы на ее содержание и соответствующую экипировку составили, как сообщал «Уолл-стрит джорнэл», 40 тысяч долларов.

Накануне фестиваля Международный союз молодых социалистов проводил летний молодежный лагерь в Копенгагене. Там под руководством завербованных ЦРУ молодежных лидеров готовились провокаторы-антифестивальщики. В Хельсинки агенты ЦРУ не гнушались тем, чтобы спаивать подростков для мобилизации их на хулиганские «подвиги». Одной из таких провокаций был налет на клуб советской делегации «Спутник», который закончился полным поражением налетчиков. Не принес им успеха и полуфашистский митинг на одной из центральных площадей, который разогнал полиция.

Группа юношей из Международного союза молодых социалистов распространяла в Хельсинки антифестивальные газеты. Не многие из молодых социалистов знали в то время, что их работа направляется ЦРУ. «Свою руку приложил к этому делу и Гелен (глава разведки ФРГ)—рассказывал позже председатель молодежной организации ФРГ «Соколы» Хайнц Литц.—Если бы мы знали об этом раньше, то не стали, конечно, участвовать в этих мероприятиях».

Рука ЦРУ в молодежном движении

Тайные пружины подрывной и шпионской деятельности ЦРУ в американских университетах, как и международных организациях молодежи, начали обнажаться в 1967 году, после того как статья, опубликованная в журнале «Рэмпартс», положила начало расследованию деятельности ЦРУ в студенческом и молодежном движении. Была раскрыта связь американской разведки с национальными и международными молодежными, студенческими, профсоюзными и другими организациями. Была разоблачена система тайного финансирования разведкой США находящихся у нее на службе организаций, вскрыты методы, формы и цели подрывной и шпионской деятельности ЦРУ в мировом молодежном движении. Стали широко известны люди и организации, которые помогали тайным службам империализма осуществлять их черную работу.

Выяснилось, что начиная с 1952 года ЦРУ ежегодно выплачивало 50 миллионов долларов десяткам организаций, в том числе и молодежным союзам, которые действовали как инструменты американской внешней политики, выполняя программу «ППП»—психологических, политических и подрывных акций разведки США. Для маскировки взносов «фирмы»—таково кодовое обозначение ЦРУ—тайная служба пользовалась услугами «Фонда на дела молодежи и студентов» (ФИСА), генеральным секретарем которого был агент разведки США Гарри Ланн. Ланн служил посредником между ЦРУ и молодежными функционерами, получавшими доллары от американской разведки, «мальчуганами», как называли их профессионалы из ЦРУ.

«Сотрудничество» начиналось с засыпки «своих» людей в ту или иную организацию, которая представляла интерес для разведки США. На первых порах основная задача этих агентов заключалась в том, чтобы создать себе прочные позиции в организации, завоевать авторитет, склонить группу единомышленников. На втором этапе полагалось настойчиво «рекомендовать» руководству организации те мероприятия, которые были нужны ЦРУ. При этом обращая-

лось внимание на частные благотворительные фонды в США, которые могли бы взяться за финансирование рекомендемых акций. Разумеется, в этих благотворительных фондах находились агенты ЦРУ, которые заранее хорошо знали, кому и на что следует «жертвовать» деньги.

На XX съезде НСА в Колледж-парке (штат Мэриленд) было объявлено, что бюджет Национальной студенческой ассоциации США больше чем на 90 процентов состоял из средств Центрального разведывательного управления. Всего ассоциация получила от американской разведки 3,3 миллиона долларов.

ЦРУ финансировало политические кампании и диверсии в молодежном движении, которые устраивались организацией Международная студенческая конференция (МСК) и ее координационным комитетом (КОСЕК). Были разоблачены многие агенты ЦРУ в аппарате Международной студенческой конференции. В частности, бюро объединения студентов Женевского университета вывело на чистую воду члена одной из комиссий МСК, Дж. Флюти, который занимался сбором сведений для политических характеристик участников студенческого движения в ряде стран, в том числе в Испании и Иране. Эти данные он передал в распоряжение американской разведки. Другой «действитель» МСК КОСЕК, У. Рутц, создал с помощью фондов ЦРУ сеть агентов в подпольной студенческой оппозиции режиму Франко в Испании. Когда Рутц был председателем Национального союза студентов Швейцарии, он призвал одного из реакционных лидеров МСК, Рональда Белла, «организовать совместную борьбу против прогрессивных тенденций в студенческом движении».

Прогрессивное студенчество всего мира возмутилось, ознакомившись с неопровергнутыми доказательствами совместной реакционной деятельности МСК/КОСЕК и ЦРУ. Национальный союз студентов Франции порвал с МСК, союзы студентов Бельгии, Ирана, ФРГ, Боливии, Мадагаскара и многих других стран прекратили с ней отношения. Контрольный совет Национальной студенческой ассоциации США осудил ассоциацию, которая сотрудничала с американской разведкой, а также решил выйти из МСК, обвинив эту организацию в том, что она служит орудием тайной войны.

Международная студенческая конференция развалилась. Непосредственной причиной распада была вскрывшаяся связь этой организации с ЦРУ. Но в то же время крах МСК был предопределен ее реакционным характером и раскольнической политикой руководства. МСК являлась арагом ВФДМ и Международного союза студентов, которые своей борьбой за демократию, свободу, социальные права юношества завоевали популярность и поддержку молодежи мира.

Антифестивальная деятельность СИС

Шпионскую и подрывную деятельность среди студенчества развернули и младший партнер ЦРУ—английская разведка «Сикрет Интеллиджанс Сервис» (СИС). Она весьма энергично использует студентов для шпионажа против СССР, стремится подорвать мировое фестивальное движение, проникает в студенческие международные организации и университеты.

На IX Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии в 1968 году были широко оглашены совершенно секретные документы английской разведки, которые раскрыли формы и содержание тайной деятельности машины шпионажа Великобритании среди студенчества как в самой Англии, так и в других странах. Среди документов был представлен пятилетний план работы резидентур английской разведки в зарубежных странах, в котором составной частью была деятельность по вербовке шпионов среди студентов многих стран.

Антикоммунистическую и антифестивальную деятельность организует секция специальных политических операций. В ее задачи входит организация переворотов, подрывных акций, тайных радиостанций, выпуск книг, периодических изданий на западных и восточных языках, срыв международных конференций, оказание влияния на выборы и т. д. При этом широко используется информация, добывая другими подразделениями разведки.

Именно это звено в «Сикрет Интеллиджанс» отвечает за антикоммунистическую деятельность в коммунистических, «нейтралитических» и буржуазных организациях. Как сказано в документе СИС «Реорганизация Центра», основная работа по этой линии ведется в студенческих кругах в сотрудничестве с ЦРУ.

Во время подготовки и проведения Всемирных фестивалей молодежи и студентов секция специальных политических операций руководит антифестивальной пропагандой, отбирает и инструктирует подходящих людей, которые воздействуют на популярных студенческих и молодежных лидеров, стремясь отколоть их от фестивального движения. Секретный документ английской разведки ТС 99573/R от 10 марта 1959 года целиком посвящен VII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Вене. В документе подчеркивается, что «фестиваль является первоочередным объектом специальных политических мероприятий, направленных против коммунистического фронта». В Вене была в то время организована широкая кампания пропаганды с целью «убедить австрийские власти отказаться от разрешения на

проведение фестиваля в Вене или убедить организаторов фестиваля изменить свои планы».

Английской агентуре было поручено собрать сведения о руководителях национальных делегаций, установить фамилии всех делегатов из Британского содружества, бывших английских колоний и других стран Азии и Африки. Особый интерес представляли для «Сикрет Интеллиджанс» подробные отчеты ее агентов о разногласиях, спорах по различным вопросам и о других фактах, которые «неблагоприятно отражаются на фестивале или его организаторах».

ЦРУ против страны фестиваля

История фестивального движения изобилует фактами подрывной деятельности ЦРУ. «Я считаю, что это самая преступная и самая опасная международная мафия из всех, которые когда-либо существовали,—утверждает Фидель Кастро, глава государства и правительства Республики Куба, страны—хозяйки XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.—Тем более, что ЦРУ может рассчитывать на неисчислимые миллионы долларов, а также на всю научно-техническую мощь Соединенных Штатов...»

Куба имеет свой особый счет с этой мафией.

С момента победы кубинской революции ЦРУ делало все возможное для ее ликвидации. Была организована агрессия на Плайя-Хирон, на протяжении многих лет плелись заговоры против Кубы. Было проведено более двадцати покушений на жизнь Фиделя Кастро. Все эти акции организовывались и финансировались Центральным разведывательным управлением США. ЦРУ использовало самые изощренные научные и технические средства для осуществления своих преступных планов.

«Говоря о подрывной деятельности ЦРУ,—подчеркнул Фидель Кастро в интервью корреспонденту газеты «Юманите»,—не будем забывать одного важного обстоятельства: ведь оно прибегло даже к бактериологической войне. ЦРУ не только изготовляло яды и культуры болезнетворных микробов, оно пыталось, используя их, сорвать производство продовольствия на Кубе. Это доказано лабораторными анализами. ЦРУ хотело уничтожить урожай сахарного тростника, подорвать наше свиноводство, заразив животных болезнями, из-за чего нам пришлось пожертвовать половиной поголовья свиней. Из признаний нескольких агентов ЦРУ стало известно о разработке планов «бактериологической войны» для уничтожения поголовья нашей домашней птицы. Известно, что ЦРУ даже нанимало специалистов для проведения по соседству с Кубой опытов с целью изменить наш климат и наслать на Кубу дожди».

Если ЦРУ не стало расширять эту бактериологическую войну против кубинского животноводства и против населения страны, заметил Фидель Кастро, то только в связи с опасениями, вызванными близостью Кубы к самим Соединенным Штатам.

После того, как Куба оказала поддержку Анголе, ЦРУ усилило антикубинский террор. Агенты американской разведки начали устраивать нападения на посольства Кубы на территориях третьих стран, на кубинские организации за границей, на авиакомпании. Одной из наиболее жестоких акций террористов стала диверсия против пассажирского самолета кубинской авиакомпании в октябре 1976 года. Террористы подложили на борт самолета бомбу, которая взорвалась в воздухе: погибли 73 человека.

Все подобные преступления совершаются людьми так называемой секретной армии ЦРУ, которые наняты и подготовлены этой организацией. Следы совершенных ими преступлений против Республики Куба ведут в Майами. Здесь усилиями разведывательного управления создана одна из крупнейших баз для подготовки свержения правительства Фиделя Кастро. По словам бывшего заместителя директора ЦРУ Клейна, в Майами работает 700 штатных сотрудников ЦРУ, обучающих более двух тысяч кубинских контрреволюционеров.

12 июня 1977 года главарь этого отряда Армандо Лопес Эсрардо открыто выступил в телевизионной передаче американской компании Си-би-эс: «Мы полностью обучены и подготовлены ЦРУ. Мы применяем тактику, которой нас обучали в ЦРУ. А научили нас делать все: взрывать бомбы, убивать, проникать внутрь Кубы. У нас есть большой опыт».

Летом 1976 года несколько организаций кубинских контрреволюционеров были объединены в «боевую террористическую коалицию» под названием Кору. Армандо Лопес Эсрардо—один из ее лидеров. Он заявил: «Взрывы бомб у кубинских посольств и учреждений по всему миру, покушения на кубинских дипломатов—это лишь наши первые шаги».

Тайная война ЦРУ против Кубы продолжается. Ее формы и методы изменяются в зависимости от обстоятельств. Сейчас, накануне XI Всемирного, люди ЦРУ рассматривают встречу в Гаване как новую возможность для провокаций против острова Свободы.

Но тщетны любые попытки сорвать фестиваль. Способность молодежи разных стран и разных континентов—великая сила, справиться с которой не дано никаким мастерам грязных дел. И как срывались все усилия спецслужб империализма омрачить предыдущие встречи юности, так, несомненно, и на этот раз никто не сможет нарушить работу XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване.

«ПОТАПОВУ Михаилу Алексеевичу, ВАСНЕВУ Анатолию Николаевичу, БОЗНЯКОВОИ Галине Петровне, КЛАССОВУ Виктору Николаевичу, СУХИНОЙ Ольге Григорьевне, ШИГИНОЙ Елене Дмитриевне, младшим научным сотрудникам, МАЗЕПОВОЙ Нине Николаевне, ТЫЧИННОЙ Галине Григорьевне, старшим лаборантам, сотрудникам Всесоюзного НИИ химических реагентов и особо чистых химических веществ,—за разработку комбинированных методов анализа для исследования элементного состава неорганических продуктов, используемых в оптическом стекловарении и волоконной оптике».

(Из постановления Бюро Центрального Комитета ВЛКСМ «О присуждении премий Ленинского комсомола 1976 года в области науки и техники»).

ИДЕТ ПОИСК.

Все, работа окончена, и, как всегда в таких случаях, немножко грустно. Три года трудились над этой темой. Поиски, сомнения, неудачи, находки и так далее — до победного конца. В общем, все слагаемые успеха. А он, успех, несомненен — молодые ученые стали лауреатами премии Ленинского комсомола. Довольны ли они результатами?

«Удовлетворенность ума — признак его ограниченности или усталости, — вместо ответа Толя Васнев процитировал Мишеля Монтеня. — Ни один благодородный ум не остановится по своей воле на достигнутом, он всегда станет притягивать на большее...»

Суть задачи. Помните: зазвучало, пронеслось по миру — лазер! Совсем недавно это было, а теперь где только не работает сверхтонкий световой луч. А вот систем лазерной связи с их просто немыслимыми информационными возможностями пока — увы! — практически нет. Барабаны здесь поутихли, наступил затяжной период раздумий. Вспропонзающий луч наткнулся на... обыкновенную земную атмосферу с ее дождями, туманами, облаками, ветрами... Эти и прочие неизбежности невероятно снижают качество связи, сокращают расстояние для передачи информации без искажений.

Но идея, разумеется, не умерла. Нужен был защищенный от помех канал и прежде всего материал для него. Нашли. Искомым веществом оказались специальные стеклянные волокна.

«Создание волокно-оптических линий связи, — как сказал выдающийся советский ученый академик В. А. Котельников, — по своей значимости не менее важно, чем создание в свое время полупроводниковой техники».

Лауреаты премии Ленинского комсомола

Вадим ЛЕВСКИЙ.

Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ.

Специальные корреспонденты «Смены»

СЕМЬ ШАГОВ

но для этих линий нужны чистые, очень чистые, сверхчистые, идеально чистые материалы. Чистота стала определяющим условием качества создаваемых линий лазерной связи.

ВНИИ химических реагентов и особо чистых химических веществ — институт отраслевой. Следовательно, главное для его сотрудников — решение насущных задач отрасли. А группа, которую решил создать доктор технических наук, профессор Михаил Сергеевич Чупахин, должна была взяться за такую задачу, которая не предписывалась свыше, не включалась в ведомственные планы. Она состояла в том, чтобы создать метод анализа столь чистых веществ, которые в технологической практике пока не применяются. Но это самое «пока» — словно барьер, вернее, мертвая зона, нейтральная полоса. По одну ее сторону — реальность сегодняшней технологии, по другую — завтрашней, целину которой предстояло поднять им, аналитикам, дабы увлечь за собой технологов.

Слова «чистый как стеклышико» для чупахинцев не звучат, разбиваются вдребезги. Десятки элементов входят в состав стекла. Многие из них вредные, чужие. Их нужно увидеть и «разоблачить», хотя содержание чужеродных элементов нередко ничтожно — до одной десятимиллионной доли процента и даже меньше. Но световому лучу и этого достаточно, чтобы недовольно сморщиться и погаснуть.

Чупахин поставил цель — создать комбинированный метод поиска сверхчувствительности. Таким образом, «сверхчувствительность» стала как бы геральдическим знаком новой научной группы. Подбор людей по специальностям определяли методы анализа, выбранные для решения общей проблемы. Почти каждый в группе — носитель, знаком своего определенного метода,

включенного в общую партитуру для исполнения конечной задачи.

Надо сказать, что административная сторона вопроса представлялась при этом довольно странной. Как это люди остаются сотрудниками своих лабораторий, где имеются планы, текучка, субординация в конце концов. И вдруг — временная научная группа. Однако руководство, партийная и комсомольская организации института безоговорочно согласились: «Комсомольско-молодежная? Прекрасно. Поддержим. Действуйте».

Нет, им никто не собирался создавать специальных условий.

В общем, все оставалось по-старому. Планы лабораторий отдела не изменились и, как и прежде, распространялись на каждого из членов комсомольско-молодежной группы. Просто с этого времени, кроме текущих забот, появились и дополнительные.

Сейчас эффективность работы научного сотрудника в отраслевом институте должна оцениваться прежде всего по открытиям, патентам, авторским свидетельствам, воплощенным в производстве, — говорит Чупахин.

Искровой разряд. Группу должен был возглавить представитель метода, обладающего наибольшей информативностью, позволяющего наиболее полно анализировать содержание примесей в веществе, то есть создавать как бы панорамную их картину. Но нет метода всесильного, иначе зачем тогда привлекать другие? Так что эти «другие» не почетный эскорт, не запасные двигатели, а как бы смешной набор объективов для фотокамеры.

Миша Потапов — специалист по искровой масс-спектрометрии — как раз такому методу, который здесь главный. Но утверждение Потапова руководителем группы имеет не только эту причину. Сейчас ему двадцать восемь, и

определенко период своего отрочества в науке он уже прошел, хотя не так уж просто.

Как и многие, еще будучи студентом, занимался он штатной исследовательской работой, вместе с сокурсниками анализировал примеси в непроводящих веществах. Не один месяц бились студенты — не получается. Руководитель темы и сам уже не был уверен в том, что есть решение. Сначала стал падать энтузиазм ребят, потом группа расслабилась. У большинства опустились руки. Люди стали уходить. Остался Потапов. Почти год он в одиночестве мучился над этой темой, однако возглас «Эврика!» так и не последовало: не судьба. Но и в неудаче был свой плюс, Михаил познал вкус и ценность отрицательного результата.

На том как-то сразу кончилось его детство в науке. Он приобрел иммунитет к растерянности: «Вроде бы даром потрачены усилия, а время все равно, пусть подспудно и тайно, но сработало в твой фонд».

Итак, искровая масс-спектрометрия. Принцип здесь такой: берутся два электрода из анализируемого вещества, в котором нужно определить содержание примесей. Электроды помещаются в вакуум, и на них подается высокое напряжение. Дальше — пробой, искра. Атомы исследуемых химических элементов ионизируются. Если измерить количество ионов, то можно узнать содержание элементов в электроде. Масса иона — визитная карточка элемента, его родившегося. Следовательно, ионы надо разложить «по полочкам», то есть распределить по массам. Этую задачу выполняет электромагнитное поле, которое и сортирует ионы. Здесь-то они и попадаются на фотопластинку, оставляют свой след.

Но такой метод хорош для металлов, а оптические волокна неэлектропро-

водны, и потому из них электроды не изготовишь. У Потапова возникла идея: размельчить исследуемый материал и смешать его с чем-то электропроводящим, но не сильно грязным. Он испробовал бесконечное число добавок и в конце концов нашел необходимые.

Искровой разряд, из плазмы которого вылавливаются «говорящие» ионы, длится всего одну миллионную долю секунды. Но этого оказывается слишком много для точных измерений. Разряд во времени меняет свое лицо. В пределах все той же миллионной доли секунды он из высоковольтного превращается в низковольтный, и в результате условия образования ионов меняются. Картина получается изуродованной, но с этим мирились во всем мире. Потапов же мирился не хотел, он решил отрезать определенный кусок разряда, оставив лишь его высоковольтную fazу. И впервые в мире получил искровой разряд без «хвоста». Точность измерений возросла сразу в 10 раз. Михаил получил авторское свидетельство. В отзыве на работу группы академик Александра Васильевна Новоселова написала: «Особенно удачно используется в качестве метода анализа искровая массспектрометрия, позволяющая одновременно анализировать до 60 примесей с достаточно высокой чувствительностью и точностью. Большой интерес представляет разработанный вариант с отсечкой низковольтной фазы искрового разряда».

Вместе с Мишой Потаповым работает Гали Тычинина, старший лаборант. Под такой должностью значится она в списках лауреатов премии Ленинского комсомола. Теперь она уже инженер, закончила политехнический институт.

в отличие от искровой массспектрометрии начинается с растворения материала в кислоте. Это — поле деятельности Анатолия Васнева. Окислы растворяются плохо, поэтому кислоты нужно много. И дело не в том, что ее жалко, а в том, что сама она добавляет мусор — загрязнения, которых подчас больше, чем искомых примесей в веществе. Поэтому точно измерить их содержание — все равно что вслепую пересчитать горсть монет в кармане. Кроме того, примеси попадают в кислоту из посуды, из воздуха... Как избавиться от них?

Васнев долго мучился над этим вопросом, а решение пришло, как всегда, неожиданно: если создать специальный автоклав, то при высокой температуре и давлении количество потребленной кислоты можно значительно уменьшить, что, в свою очередь, повысит чувствительность измерений. Но этот метод применялся лишь для растворения геологических образцов. А здесь — сверхчистое волокно. Какие смеси кислот применять, из каких материалов изготавливать автоклав, какие будут режимы растворения?

В конце концов автоклав был создан. Метод Васнева получил признание не только у научных сотрудников, но и у производственников, а сам Анатолий — авторское свидетельство. Количество требуемой кислоты снизилось в 50 раз, примерно во столько же раз повысилась чувствительность измерений методами, которые «питаются» из «автоклава Васнева».

В тот день, когда стало известно о присуждении членам группы премии Ленинского комсомола, казалось, весь ин-

ститут ждал непринужденно, как и свое собственное имя. Но вот с примесями у нее отношения сложные. Те же исчезающие малые, почти условные количества. На химфаке университета со спецификой «особо чистых» знать о почти не приходилось. Работы в этой области тогда еще только «начинали начинаться». Но, может быть, Лена как раз в том и повезло, что первые ее шаги в науке выпали на этот период. Да она и сама так считает. Но только всегда ли?

Вот получила она результаты на своей лабораторной установке. Опыт пошел, все нормально вроде бы. Дальше, как и положено, надо ехать на завод и проверять все там. В тех же, абсолютно тех же условиях. Просто показать и передать. И — неудача... Ну, как же так? Снова начинаешь проверять все до мелочей. Снова возвращаешься в институт и повторяешь опыт на своей установке. Нет, все верно. А на заводе опять неудача. Ох, это чудо превращений!.. Потом, через два, через три, ну, через пять дней найдешь наконец червоточинку-причину — и все в порядке! Но ведь это не эпизод, не случай. Это повседневность, шагающая под руку с тем, что мы называем творческим поиском. Или точнее: опирающаяся на него не всегда широкие плечи своей увесистой руки.

Задачи более высокого порядка. «Я ставлю задачи, формулирую основные идеи и говорю: «Не допускайте меня в ваши лаборатории, сопротивляйтесь», — улыбается Чупахин. — Конечно, при условии, если вы будете формулировать задачи более высокого порядка, чем это делаю я. У вас впереди долгая жизнь в науке, где ничего не делается без борьбы. Вам будет трудно. Вам придется

комбинированный метод позволяет проводить элементный анализ длиннейшего перечня веществ, практически любых — от лунного грунта до марганцевской стали. Но исключительная современность метода первым его «местожительством» утвердила сверхчистые вещества, применяемые в оптике.

Результаты исследований и опыт работы комсомольско-молодежной группы взяли на вооружение другие. В институте стоит задача получения стандартных образцов. Создание таких образцов в промышленности необходимо для проверки аппаратуры и оценки качества продукции.

И, конечно, в этой недавно начатой работе возникли свои затруднения. Стандартные образцы должны быть неизменными, стабильными. А условия их производства и хранения не могут быть таковыми — это уж от несправедливости природы, поставившей много препятствий на пути решения этой задачи. В свое время академик Л. А. Арцимович писал, что ученые медленно приближаются к решению проблемы термоядерного синтеза, постоянно преодолевая препятствия, расставленные природой в процессе ее развития. И решат они эту проблему тогда, когда справятся со всеми, так как природа в течение короткого времени не в состоянии создать новые препятствия.

Сама по себе идея поиска новых путей создания стандартных образцов в химической технологии произошла из работы члена комсомольско-молодежной группы Ольги Сухиной. Ее метод — атомная абсорбция и пламенная фотометрия — долгие годы слыши в институте неудачником. Каждый из его прежних «владельцев» пытался внести в метод свои новшества и усовершенствования. И не получалось. А Ольга просто, методично и кропотливо выполняла плановую работу лаборатории. Сотни образцов прошли через ее руки. И вот именно этот огромный статистический материал откладывался в сознании и в конечном счете позволил сформулировать задачу создания стандартных образцов. А решение оригинально: создать такие условия, при которых образец и расходуется и в то же время остается в сохранности, то есть при всей своей изначальной стандартности. В этом направлении ведут поиск теперь многие сотрудники института.

Как уже говорилось, разработанный группой комбинированный метод предоставил производственникам своеобразный гандикап, им еще только предстоит осваивать технологию чистых веществ, чтобы приблизиться к достигнутой аналитиками чувствительности. Но рано или поздно и этот рубеж технологами будет достигнут. И тогда неминуемо встанет проблема создания еще более чувствительных методов. Так что измерителям надо торопиться, чтобы, как и прежде, быть впереди технологии. Измерение содержания примесей до одной десятимиллионной процента становится уже днем вчерашним. Предстоит осваивать стомиллионную, миллиардовую. Но и это не станет пределом.

И снова что-то будет не получаться, опять начнет заедать текучка, в суете которой суждено пробиваться росткам открытий. Будет легче: ведь они уже многому научились. Но и труднее. Чем выше шпиль, тем сильней раскачивается его вершина, чем дальше граница сверхчувствительности, тем больше разбросы в точности измерений. И тем более непозволительны эти разбросы.

И все же ученые будут неуклонно повышать пределы чувствительности, сверхчувствительности, чтобы руками идущими вслед творилась сверхчистота.

Им, конечно, очень повезло с шефом, призывающим сопротивляться ему, доходить до всего самостоятельно, но при этом всегда присутствующим в гуще поиска, ратующим за быстрые результаты, но и настраивающим учеников на долгое и трудное блуждание в поисках решения.

ЗА ГОРИЗОНТ

Дело у Гали тонкое и деликатное. Она готовит пробы для анализов, проводимых Потаповым, — это раз. И главное, расшифровывает пластиинки с массспектрами для получения окончательных результатов анализа. Миша сам говорит, что такая работа была б ему не по плечу, не по терпению.

Ох, эти капризные примеси! Каждый материал имеет свою тайну, свою мудрость. А потому два, казалось бы, одинаковых образца нередко после анализа оказываются вовсе не близнецами, а либо дальними родственниками. В чем тут причина: в методе анализа или технологии изготовления? И Гали взялась за технологию. Стала все больше и больше заниматься литературой, все чаще бывать на производстве. И даже тему дипломной работы взяла технологическую.

«Автоклав Васнева». Вещество в оптике — это чаще всего окислы. Измерение содержания примесей в стекловолокне для химических методов анализа

ститут собрался в отделе Чупахина. Алина Ивановна Сухановская, старший научный сотрудник, подошла к Лене Шигиной и сказала: «Ты, Леночка, прирожденный химик-аналитик». Надо знать Алину Ивановну, чтобы понять: это больше чем похвала или поздравление.

Прирожденный химик-аналитик... Ее первое свидание с химией состоялось в школьной лаборатории. Два сосуда с прозрачными бесцветными жидкостями, их сливают в одну колбу и вдруг — чудо превращения — красное!. Завороженность! Пусть тогда было в этом что-то от детства, от еще не ушедшего ожидания волшебства, но удивление перед таинством превращения так и осталось. А кто-то сказал, что быть потом — это прежде всего смотреть на мир удивленными глазами.

Метод, которым пользуется Лена Шигина, носит название экстракционно-спектрофотометрического. Надо сказать, что слова эти она произносит

ошибаясь, разбивая носы, но зато, если решение получается, это будет ваша победа и самоутверждение».

Общим итогом работы комсомольско-молодежной группы явилось создание атласа полного химического состава веществ, используемых в оптическом стекловарении и волоконной оптике. Технологии с помощью атласа смогут составлять оптимальные композиции исходного материала в зависимости от конкретных условий. С этим непосредственно связан выбор аппаратуры и технологических процессов — без проб и эмпирики, а строго по таблицам и формулам. Как в аптеке.

Значение выполненной работы простирается далеко за пределы оптики, хотя одно это — уже немало. Созданный

Арам ХАЧАТУРЯН,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской и
Государственных премий,
профессор,
доктор искусствоведения.

6 июня нынешнего года Араму Ильичу Хачатурову исполнилось бы 75 лет...

Мы хотели отметить этот юбилей и два месяца назад обратились к замечательному композитору с просьбой написать для журнала свою автобиографию. И хотя уже тогда Арам Ильич чувствовал себя неважно, он согласился рассказать молодым читателям о своей жизни. Позже, находясь в больнице, Арам Ильич еще успел внести кое-какие поправки в подготовленный текст. Известие о кончине выдающегося композитора и замечательного человека пришло в момент, когда его Автобиография была уже набрана.

Мы не стали менять в ней ни слова.

Отец мой, Илья Хачатуров, тбилисский переплетчик, добрый и обаятельный человек, воспитал четырех сыновей. Трое из нас посвятили свою жизнь искусству. Старший, Сурен, стал режиссером Московского Художественного театра, второй сын, Левон, был известен как певец, солист Всесоюзного радио. А я, самый младший член семьи, отдал свои симпатии сочинению музыки.

Сейчас, будучи уже довольно пожилым человеком, я могу с уверенностью сказать, что любовь к музыке передалась мне от матери, которая очень выразительно, с душевной теплотой пела армянские народные песни. Мелодии эти глубоко запали в мое сознание. Кроме того, в детстве, еще не посещая школу и проводя вместе со своими сверстниками целые дни на улице, я любил часами слушать бродячих певцов и музыкантов, ашугов и сазандаров. В своих песнях и сказах они славили свободу и братство, любовь и мужество, обличали зло, насилие и несправедливость. Не случайно на Востоке их называли художественной совестью народа. Эти, как мы сейчас говорим, самодеятельные поэты и музыканты были и вдохновенными артистами-импровизаторами. Мне в их затейливых импровизациях слышались отголоски тех народных песен, которые напевала мать. Но в исполнении ашугов знакомые, казалось, мелодии звучали богаче, нарядней, завораживая красочностью свободной интерпретации и тем волшебством ритма, которые отличают только народное искусство. Я жаждо воспринимал это искусство, хотя далеко не все в нем тогда понимал. Меня почему-то безотчетно влекла и подсознательно восхищала «привораживающая» сила ритма народной музыки. Помню, как, забравшись на чердак с медным тазом, я усердно выступжал на нем подслущанные и поразившие меня ритмы, изощряясь в их вариации и сочетании. Эта первоначальная музыкальная «деятельность» доставляла мне неописуемое наслаждение. Родители же приводила в отчаяние. «Ну что мне делать с этим буйным импровизатором! — воскликнул не раз отец, однако, слушая часами мои чердачные упражнения, однажды

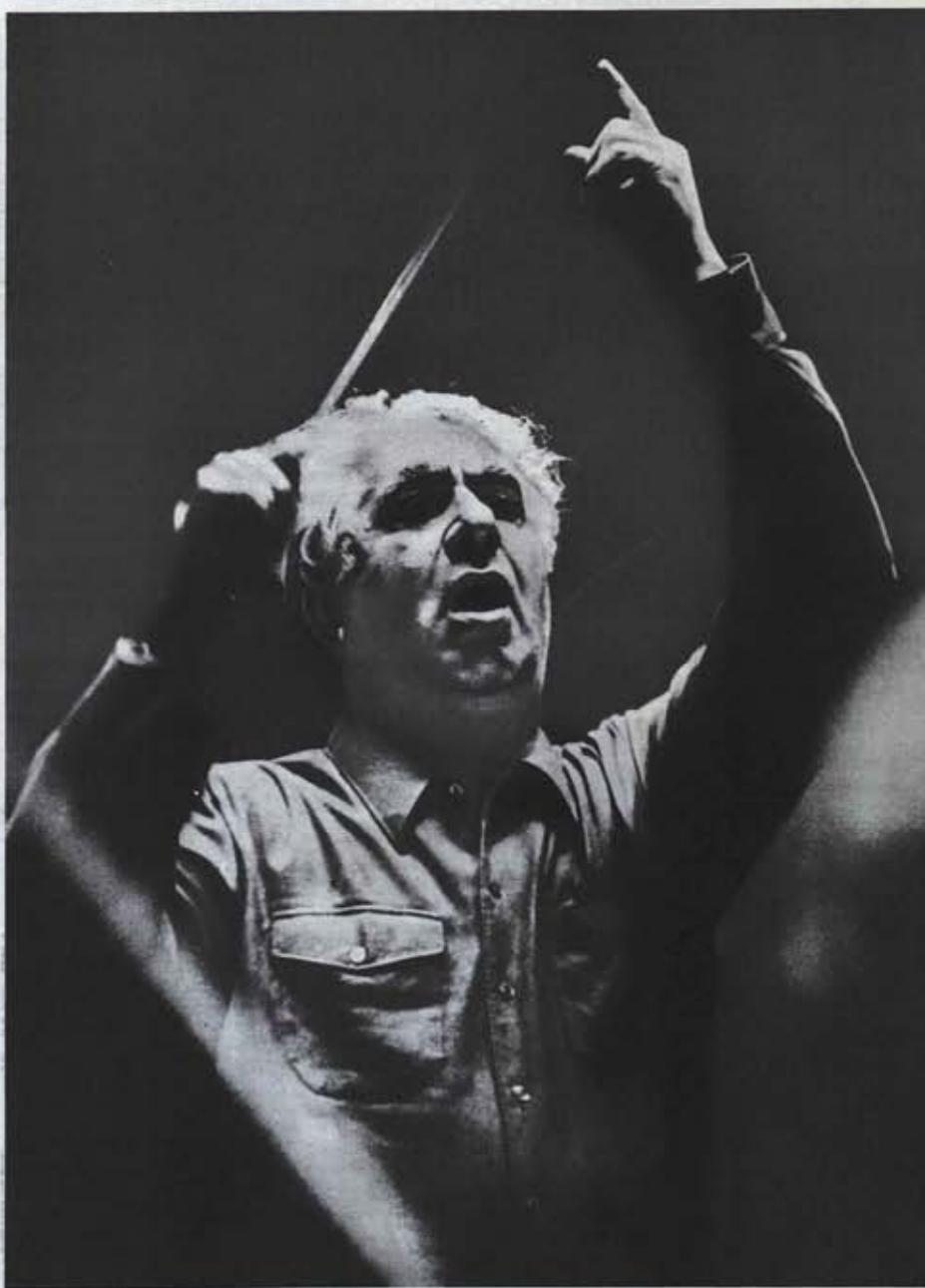
все-таки приобрел за гроши старенькое пианино, годное разве что на дрова. Я довольно быстро научился по слуху подбирать на нем мелодии народных песен и танцев и с неизъяснимым блаженством «выдалбливал» их одним или двумя пальцами...

Гораздо труднее было подыскивать более или менее сносный аккомпанемент. Поначалу я варьировал знакомые мотивы, потом стал присочинять новые. Помню, как радовался этим, пусть наивным, смешным, неуклюжим, но все же первым собственным попыткам композиции. Так или иначе старенькое пианино сослужило неплохую службу. Пребывая в полном неведении относительно элементарной теории музыки, я тем не менее приорировал бойко исполнять популярные песенки и танцы, дополняя их своими нехитрыми «импровизациями».

Забегая вперед, скажу, что и впоследствии меня никто не учил играть на рояле. Я, признаюсь, и поныне чувствую в руках «неразбуженный пианизм». В 1933 году я играл свою «Токкату» профессору Игумнову. Он внимательно слушал меня и вдруг спросил: «На каком вы курсе, молодой человек?» Оказывается, ему понравилось мое исполнение, хотя я вовсе не учился игре на фортепиано и до сих пор стесняюсь на публике играть свои сочинения.

В те суровые дореволюционные годы тбилисская жизнь семьи протекала в обстановке трудной будничной борьбы с нуждой. Тяга к культуре, к искусству в семье была велика, но постоянная нехватка денег ограничивала круг наших духовных запросов. Родителям пришлось приложить немало усилий, чтобы дать сыновьям хотя бы начальное образование, вывести их в люди. В 10 лет меня с величайшим трудом определили в Тбилисское коммерческое училище. Занимался охотно, но не слишком прилежно — влекла музыка. При училище состоялся небольшой любительский духовой оркестр. Довольно быстро я освоил технику игры на духовых инструментах, однако марши и танцы приелись довольно быстро. В унынии от однообразия своих незамысловатых партий я стал импровизировать «контрапункты» и ритмические структуры к темам исполняемых пьес. «Если вы, молодой человек, будете так рьяно проявлять дерзость, я выставлю вас вон», — заявил капельмейстер, заметив мои эксперименты. Пришлося пытать свой побубянить и более осторожно продолжать упражнения, стараясь не раздражать не слишком, правда, тонкое ухо капельмейстера.

Шли годы. Все это время единственной радостью для меня оставалась народная музыка, полюбившаяся, как я уже говорил, с детства. Красочные звучания армянских, азербайджанских и грузинских напевов в исполнении народных певцов в дни праздников и обрядовых гуляний — эти впечатления юных лет глубоко запали в мое сознание. Они и стали основой моего музыкального мышления, способствовали воспитанию композиторского слуха, заложили фундамент той художественной индивидуальности, которая формировалась затем на протяжении всех лет учебы и творческой

деятельности. Как бы ни изменялись и ни совершенствовались впоследствии мои музыкальные вкусы, первоначальная, национальная основа, которую я воспринял детские годы, всегда была и есть главной в моем творчестве.

Должен сказать, что музыкальная палитра старого Тбилиси тогда представляла собой весьма пеструю картину. Наряду с прекрасными народными мелодиями мое неразвитое ухо послушно принимало и дешевые мещанская песенки, и уличные напевы кинто, и всевозможные шансонетки, не говоря уже о набивших оскомину мелодиях танцев, коими пробовались упомянутый оркестр коммерческого училища. Годы шли, запас слуховых впечатлений увеличивался, а разобраться в них было невозможно. Както, собрав все свои скучные сбережения, я купил билет в оперный театр на спектакль «Абесалом и Этери». Все в

театре в тот вечер меня буквально потрясло: великолепная музыка З. Палиашвили, сюжет, декорации, оркестр. Именно тогда, весной 1919 года, открылись передо мной неведомые дали «большого искусства». Неотступная мысль учиться музыке сверлила сознание.

25 февраля 1921 года в Грузии установилась Советская власть. В истории народов Закавказья открылась новая страница. Всем своим существом ощущал я рождение нового мира, который буйно ворвался в мою жизнь. Летом 1921 года в Тбилиси организовали Агитпоезд, составленный из активных деятелей армянской культуры. Мне тоже предложили в нем участвовать, и я, не раздумывая, согласился: распространять листовки и брошюры о великих идеях Октября, организовывать митинги, давать концерты и лекции — что могло быть лучше в ту пору? Я и сейчас часто вспоминаю тот

ПИСАТЬ СЕРДЦЕМ'

общарпанный товарный вагон, превращенный в концертную эстраду, и реквизированное у какого-то буржуя пианино, стоявшее перед открытыми дверями, и бравурные марши, которые на нем исполнял, и бурные, неподдельные восторги разношерстной публики.

Осенью в Тифлис приехал из Москвы старший брат, Сурен, набравший способную молодежь для организованной в столице армянской драматической студии. Брат и мне предложил поехать в Москву, обещая помочь и поддержку. «Ну какой из тебя коммерческий советник? — говорил он.— Займись-ка ты лучше искусством».

Поездку в Москву, длившуюся 24 дня, я запомнил на всю жизнь. Наши теплушки больше стояли, чем ехали. Не было ни одной крупной станции, где бы их не отцепляли от состава и не загоняли на запасные пути. Пока старость группы бегал к начальнику станции для переговоров, мы успевали договориться с руководителями железнодорожного клуба о концерте. Импровизированные выступления студентов неизменно встречали горячий отклик местной публики и одновременно служили немалым подспорьем для пополнения нашего «котла». Взятые с собой из дома продукты закончились на третий день, денег у нас было в обрез. Поэтому даже весьма мизерная оплата за наши выступления в виде буханок хлеба и корзины овощей оказывалась весьма кстати. Так мы и ехали с песнями, плясками, веселыми приключениями, проставляя сутками на крупных станциях. Во время концертов на мне лежали обязанности пианиста-аккомпанемента, дирижера хора или танера, либо выступившего польки, вальсы, мазурки...

Москва встретила нас водоворотом жизни. Спектакли, концерты, горячие споры о путях развития музыки, поэзии, театра, будущем кино — все было ново, интересно, увлекательно, хотя и не все понятно. Сейчас мне трудно сказать, достаточно ли ясно я отдавал себе отчет в том, что происходило вокруг меня. Но знаю твердо: мое гражданское становление совершалось под непосредственным воздействием окружавшей меня интенсивной художественной жизни Москвы. Я ходил в Большой, Малый, Художественный, Камерный театры, познакомился с выдающимися режиссерами — Станиславским, Немировичем-Данченко, Мейхольдом, Таировым, Вахтанговым, был свидетелем острых столкновений разных художественных течений и тенденций, присутствовал при горячих дискуссиях в артистических клубах.

Огромное, незабываемое впечатление осталось от первой встречи с музыкальной классикой. Девятая симфония Бетховена, которую я слушал в Большом зале Московской консерватории, потрясла все мое существо. В тот же вечер замечательный пианист Константин Игумнов играл Второй концерт Рахманинова. И это тоже было для меня «первые в жизни», тоже навсегда запечатлено как одно из ярчайших воспоминаний.

В 1922 году по предложению брата Сурена «в целях общекультурного

развития», как он выразился, я поступил в Московский университет, на биологическое отделение математического факультета. Учился без лени, хотя препарировать лягушек было на первых порах занятием не из приятных. А вскоре музыка совершенно отвлекла от науки. Случилось это вот как.

Прознал я, что в Московский музыкальный техникум (ныне Институт имени Гнесиных) объявлен прием. Не имея никакой, даже элементарной теоретической подготовки, я представил перед комиссией. Для пробы голоса и слуха бойко спел что-то вроде «жесткого» романса «Разбей бокал...», вызвав улыбку экзаменаторов. Затем, увидев стоявшую в углу класса виолончель, заявил, что хотел бы учиться играть «на этой большой скрипке». «Ну что же, экзотический юноша», — вымолвила Елена Фабиановна Гнесина, — мы вам предоставим такую возможность».

Первым моим учителем игры на виолончели стал С. Ф. Бычков, а уже через год меня взял в свой класс профессор А. А. Борисяк — опытнейший педагог, приложивший немало сил для развития моих исполнительских данных. Одной из моих забот тогда было достать подходящий инструмент. Таковой, я знал, хранился в Коврове у родственников жены старшего брата, в чулане. Я срочно съездил в Ковров, и старенькая виолончель, обладавшая к тому же неплохим звуком, была передана мне во временное пользование.

Начав систематические занятия музыкой в 20 лет — сейчас в этом возрасте многие музыканты добиваются уже лауреатских званий, — я прекрасно сознавал те трудности, которые мне придется преодолеть. Я понимал, что без кропотливого повседневного труда ничего путного в музыке не достигну и мне даже не удастся стать хорошим профессиональным музыкантом-виолончелистом. А приходилось мне тогда нелегко. Надо было овладевать музыкально-теоретическими дисциплинами, по которым в первые месяцы пребывания в музтехникуме я беззрочно отставал от других студентов. Кроме того, я продолжал учебу в университете и сдавал все экзамены по зоологии, морфологии растений, остеологии и другим предметам. Приходилось думать и о заработке. Первое время подрабатывал, вступив в бригаду грузчиков на заводе «Арменино»: таскал тяжелые туки и ящики с бутылками и однажды так глубоко перезал палец о разбитую бутылку, что едва не расстался с мечтой стать виолончелистом. Позже, освоив метод обучения элементарной теории музыки и сольфеджио, стал заниматься репетиторством с отстающими учениками. Эта деятельность приносила такой мизерный заработок, которого не хватало даже, чтобы прокормиться. Поэтому брат Левон направил меня вместе с другими студентами Армянской драматической студии в церковный хор, где я и пел по воскресеньям, получая за каждое выступление по червонцу. Вот тогда-то я оказался уже в состоянии не только прокормиться, но и приобрести кое-что из одежды.

Я по-прежнему посещал класс ви-

олончели, но виолончелистом стать мне, видно, не было суждено. Через три года занятий в инструментальном классе я по инициативе Михаила Фабиановича Гнесина, музыканта тонкого и проницательного, перешел в класс композиции. М. Ф. Гнесин, ученик Римского-Корсакова и ревностный продолжатель его традиций, уже тогда был воспитателем многих ныне известных композиторов, которых он учил любить русскую классику, композиторов «Могучей кучки». И именно он дал мне толчок к сочинительству. После того как в 1926 году я написал свои первые, еще далеко не совершенные пьесы — «Позму» для фортепиано и «Танец» для скрипки и фортепиано.

Должен заметить, что на формирования моих художественных и музыкальных взглядов и вкусов сказались весьма разнохарактерные веяния того времени. В ту пору я много читал классиков мировой литературы, посещал различные лекции, концерты, спектакли, диспуты. Смолоду мне почастливило встретиться с такими крупными мастерами искусства, как Л. Собинов, А. Нежданова, В. Мейхольд, В. Качалов, Е. Вахтангов, И. Москвин, Р. Симонов, М. Сарьян... Все так или иначе содействовали моему быстрому творческому развитию.

Мне вообще везло на педагогов. Среди них в первую очередь я должен назвать моего незабвенного учителя Николая Яковлевича Мясковского, жизнь и творческая деятельность которого неотделимы от всей истории советской музыки. Выдающийся композитор, педагог, общественный деятель, он являл собой тип советского художника, живущего идеями и мыслями народа, страны, своего времени.

С необыкновенной чуткостью и глубоким пониманием направлял Мясковский мою музыкальную мысль на познание всех богатств русской и западной классической музыки, освоение профессионального композиторского мастерства, не стремясь при этом нарушать или изменять то живое ощущение национальной музыкальной стихии, которое было впитано мною, как я уже говорил, с молоком матери.

Знакомство мое с Мясковским произошло в 1929 году, когда я поступил в Московскую консерваторию. Еще до личного знакомства с Николаем Яковлевичем я много слышал о нем, мечтал, как и всякий начинающий музыкант, учиться у него. И, по правде говоря, не верил, что эта мечта когда-нибудь может осуществиться. Только однажды, это было осенью, в самом начале учебного года, признался в этом театральному критику В. В. Державинскому, который был ко мне дружески расположен. А зимой я заболел и надолго слег в больницу. И вдруг друзья приносят радостную весть, которая подействовала на меня сильнее всяких лекарств: оказывается, я записан в класс композиции «самого» Н. Я. Мясковского. С первых же занятий новая, необычная обстановка целиком захватила меня. Я словно переступил некий порог, за которым мне и открылось во всем своем величии, сложности и увлекательной красоте Искусство.

Мясковский обладал глубокой внут-

ренней культурой. Это сказывалось во всем, вплоть до житейских мелочей. Он был одинаково уважителен и к молодым и к пожилым и так же относился к их творчеству. Часто занятия со студентами проводил на дому и, провожая учеников, непременно сам подавал в прихожей каждому его пальто. Кстати, среди учеников Николая Яковлевича были Д. Кабалевский, В. Мурадели, Б. Мокроусов, Н. Будашкин, В. Шебалин.

Помню как-то раз, когда я пришел на занятия, не выполнив задания, Николай Яковлевич строго спросил, что со мною. Я сказал, что у меня «неприятности и переживания». Мясковский вдруг улыбнулся: «Вот и пользуйтесь случаем! Пишите музыку. Только не бездельничайте, это хуже всего. Думать о музыке нужно всегда, везде...»

Спустя годы я нашел в его дневниках запись о том, что художником может считаться лишь тот, кто творит неустанно, «иначе ржавеет мозг». Вот эти слова запомнились мне на всю жизнь, и сейчас я не устаю повторять их уже своим ученикам и молодым коллегам.

Другим выдающимся музыкантом, оказавшим большое влияние на мое мировоззрение и образование, был Сергей Сергеевич Прокофьев. Гениальный композитор, великолепный пианист и дирижер, Прокофьев, к сожалению, не был педагогом. Он просто не любил учить «сочинять музыку», как он говорил. И все же уроки профкофьевского творчества оказали на меня огромное воздействие. Я с живящим интересом изучал его сочинения — «Классическую симфонию», «Сказки старой бабушки», «Мимолетность», фортепианные концерты. Эта музыка будоражила воображение, увлекала своей самобытностью, силой и смелой фантазией, изобретательным мастерством. И поныне меня поражает богатство оригинальных мелодических мыслей, пластическая красота, динамизм этих произведений.

Первая наша встреча с С. С. Прокофьевым состоялась в 1933 году. Он вошел в класс консерватории быстрой походкой, едва ли замечая наши взгляды, полные жгучего любопытства и еле сдерживаемого волнения. Шутка сказать, наши сочинения будет слушать сам Сергей Прокофьев — всемирно известный композитор, имя которого уже тогда было легендарным! Не теряя ни минуты, сразу же приступили к прослушиванию. Было исполнено и мое трио для скрипки, кларнета и фортепиано. Прекрасно помню, что все замечания Прокофьева были очень благожелательны, конкретны и точны. Одобрил он и мое сочинение. Нужно ли говорить о том, что эта встреча буквально открыла меня, начинаящего композитора. Вскоре предстался случай показать Сергею Сергеевичу эскиз фортепианного концерта. Он был несколько удивлен моим намерением написать концерт и не счел нужным скрыть свои сомнения.

— Концерт писать очень нелегко, — сказал он тогда. — Советую вам записывать все фактурные находки, не дождаясь созревания замысла. Записывайте отдельные пассажи, инте-

Окончание на 31-й стр.

посадочная полоса 08

ПОВЕСТЬ

Перевод Марии БОГДАНОВОЙ

— Ну вот и я,—сказала стюардесса, отдавая таблетки.—Примите вот это.—Поддерживая голову женщины, она помогла ей отпить несколько глотков воды.—Вот и хорошо. А теперь позвольте мне поудобнее вас устроить.

Джанет подоткнула плед со всех сторон вокруг больной.

— Ну как?—Женщина благодарно кивнула.—Через несколько минут я вернусь вас проводить. Не стесняйтесь и берите бумажные пакеты, сколько вам нужно. Если я срочно понадоблюсь, нажмите кнопку у окна.

— Спасибо, мисс,—поблагодарил мужчина.—Я уверен, скоро все пройдет.—Он взглянул на жену с такой растерянной улыбкой, будто ему самому не очень в это верилось.—Попытайся заснуть,—сказал он ей.—Тогда все быстро пройдет.

— Да, вот это верно,—сказал Дан.—Я понимаю ваше состояние сейчас, мадам. Но надеюсь, что скоро вам будет гораздо легче, и вы оба еще успеете отдохнуть за эту ночь.

Он вышел из салона и подождал за дверью Джанет.

— Дай мне сразу же знать, если ей станет хуже,—приказал он подошедшей стюардессе.—Тогда я свяжусь с землей. Как ее зовут?

— Миссис Чилдер. Не понимаю: пятнадцать минут назад все было в порядке. Что это?

— Не знаю. Но мне не нравится ее вид. Возможно, конечно, что воздушная болезнь или приступ печенни. Но ее прихватило довольно здорово.—Командир выглядел несколько озабоченным, его пальцы отбивали нервную дробь на металлическом поручне.—Есть ли у нас в списке пассажиров доктор?

— Нет, во всяком случае, никто не назывался доктором,—ответила Джанет.—Но я спрошу.

Дан покачал головой:

— Не надо их сейчас беспокоить. Большинство из них уже спит. Примерно через полчаса дай мне знать, как она. Самое главное то,—тихо добавил он, уже поворачиваясь, чтобы уйти,—что до берега нам лететь еще целых четыре часа.

Направляясь в кабину экипажа, он приостановился около больной женщины и ободряюще ей улыбнулся. Она попыталась улыбнуться в ответ, но внезапный приступ боли заставил ее закрыть глаза, и она конвульсивно выгнулась на спинке сиденья. Дан задержал на ней пристальный взгляд, а затем двинулась дальше. Войдя в свою кабину, он плотно закрыл за собой дверь и, не отводягая красла, проскользнул в него и сел. Сняв форменную фуражку, он надел наушники и микрофон. Пит пилотировал самолет вручную. То и дело отдельные клубы облаков на мгновение заволакивали лобовое стекло и затем растворялись где-то в темноте.

— Дождевые облака собираются,—отметил помощник.

— Идем на непогоду?—откликнулся Дан.

— Похоже.

— Ничего, выберемся. Лучше всего попробовать подняться выше. Запроси насчет высоты 20 тысяч.

— Хорошо.—Пит включил связь на передачу.—714-й запрашивает Регину,—позвал он в микрофон.

— Вас поняли. Переходи на прием,—затрещал голос из наушников.

— Впереди непогода. Мы бы хотели подняться на 20 тысяч.

— 714-й, вас понял. Я справлюсь в Управлении воздушным движением.

Командир напряженно вглядывался в клубящиеся впереди облака.

— Не мешало бы включить табло «Пристегнуть ремни», Пит,—сказал он, корректируя положение самолета, готового вот-вот попасть в воздушную яму.

— Сейчас включу,—отозвался Пит, протягивая руку к кнопке.

Продолжение. Начало в № 10.

Джанет мягко потрепала Спенсера за плечо. Тот с трудом разлепил глаза.—Извините, что разбудила вас,—обратилась она к нему.—Нет ли доктора среди вас?

Спенсер попытался снять с себя сон.

— Доктора? Нет. Вроде бы нет.—Джанет кивнула и двинулась дальше, но он остановил ее.—Хотя, минутку. Сейчас припоминаю. Ну, конечно же, он доктор. Вот этот джентльмен рядом со мной—доктор.

— О! Слава богу!—с облегчением выдохнула стюардесса.—Вы не могли бы его разбудить?

— Конечно.—Он принял растяжку спавшего мертвым сном соседа.—Кто-нибудь болен?

— Да, немного.

— Ну, давайте, доктор, просыпайтесь!—в сердцах прикрикнул Спенсер. Доктор замотал головой, проворчал что-то и затем очнулся:

— Да?

— Похоже, что вам не обойтись в эту ночь без вызова.

— Вы доктор, сэр?—спросила в нетерпеливом волнении Джанет.

— Да. Я доктор Байард. А что случилось?

— Двое пассажиров плохо себя чувствуют. Не могли бы вы взглянуть на них?

— Безусловно! Я готов. Где они?—спросил он, протирая глаза.

— Сначала, я думаю, лучше осмотреть женщину,—ведь доктора по проходу, прошептала Джанет, одновременно мягко приказывая то одному, то другому пассажирам пристегнуть ремни.

Миссис Чилдер полулежала, разметавшись в кресле. Боль спазмами скручивала ее тело. Дыхание было тяжелым и прерывистым. Волосы, намокшие от пота, прилипли к осунувшимся щекам больной. Байард окунул женщину пристальным взглядом, и, присев около нее, взял за запястье.

— Этот джентльмен—доктор,—сказала Джанет.

— О, я так рад, что вы здесь оказались,—с жаром откликнулся Чилдер.

Женщина открыла глаза. «Доктор...»—Она попыталась что-то сказать, но губы дрожали и не слушались.

— Самое главное сейчас—расслабиться,—сказал Байард, не отрывая глаз от циферблата ручных часов. Затем он отпустил ее руку, пошарил по карманам и вынул ручной фонарик.—Раскройте пожире глаза,—мягко приказал он и проверил реакцию глаз на свет.—Так. Сильные боли?—Женщина кивнула.—Где? Или здесь?—Когда он нажал на живот, она вдруг оцепенела на мгновение, а затем крик боли свел ей горло. Байард спросил Чилдера:—Жаловалась ли ваша жена на что-нибудь еще, кроме болей в животе?

— Тошнота. Ее всю вывернуло наружу.

— Когда это началось?

— Да вот совсем недавно.—Чилдер бросил беспомощный взгляд на Джанет.—Совершенно неожиданно.

Байард кивнул ей в ответ и, взяв Джанет под руку, отвел в сторону и очень тихо, так, чтобы его не услышали сидевшие рядом пассажиры, уже настороженно поглядывавшие в их сторону, спросил:—Вы давали ей что-нибудь?

— Только аспирин и воду,—ответила Джанет.—О, совсем забыла. Я же обещала принести воду другому пассажири, ему тоже плохо.

— Стойте,—жестко остановил ее Байард. Его сонливость совершенно исчезла. Он уже был готов действовать быстро и решительно.—Где вы обучались первой помощи?

Джанет покраснела от его тона.

— В школе для стюардесс, но...

— Хорошо, это уже неважно. Запомните: аспирин ничего, кроме вреда, не принесет человеку, которого тошнит. Только воду, одну воду.

— Я... извините, доктор,—пробормотала Джанет.

— Думаю, что лучше всего вам сейчас пойти к командиру,—сказал Байард,—и сказать, что мы должны срочно идти на посадку. Этую женщину необходимо доставить в госпиталь. Машина «Скорой помощи» должна ждать на аэродроме.

— А что с ней, как вы думаете?

— В этих условиях я не могу поставить точный диагноз. Но это достаточно серьезно, чтобы приземлиться в ближайшем городе, где есть больница. Можете так и передать командиру.

— Хорошо, доктор. Вы не осмотрите другого пассажира, пока я буду у командира? Он жалуется на такие же боли и тошноту.

Байард пронзительно взглянул на нее.

— Такие же боли? Где он?

Джанет подвела его к креслу больного. Тот вздрогнул всем телом от приступов тошноты. Его товарищ поддерживал несчастного за плечи. Байард нагнулся, пытаясь взглянуть на лицо больного.

— Я врач. Не могли бы вы откинуть голову назад?

Он быстро осмотрел больного и затем спросил его:

— Что вы ели за последние 24 часа?
— Ничего особенного,—прощептал тот; казалось, вся былая сила, былой задор навсегда оставили его.—На завтрак яйцо с ветчиной. Салат на обед. Бутерброд в аэропорту... Потом ужин здесь.

Струйка слюны бесстыдно сбежала по его подбородку.

— Боже, эта боль, доктор! И глаза...

— А что с вашими глазами?—быстро спросил Байард.

— Все как-то не в фокусе, все двоится.

Его соседу показалось это забавным.

— Это виски иногда так ударит по мозгам, что ого-го!—воскликнул он.

— Потише,—сказал Байард, выпрямляясь. За его спиной уже стояли Джанет и командир.

— Его надо держать в тепле. Накиньте на него еще одеял,—приказал он Джанет.

Командир жестом пригласил его пройти с ним. Когда они оказались одни, Байард спросил:

— Через сколько мы сможем сесть?

— В том-то и дело, что сесть мы не можем,—коротко ответил Дан.

Байард оторопело посмотрел на него.

— Как?

— Из-за погоды. Я только что справлялся по радио. Над прериями сейчас низкие облака и туман. Калгари закрыт. Мы сможем сесть только по ту сторону гор. На побережье.

Байард на мгновение задумался.

— А если повернуть назад?—спросил он.

Дан покачал головой.

— Это тоже исключено. Виннипег закрыли из-за тумана вскоре после нашего вылета. Будет быстрее, если лететь вперед.

Байард поморщился.

— Когда же вы сможете посадить самолет?

— Примерно в пять утра по тихоокеанскому времени.

Дан непроизвольно взглянул на ручные часы доктора и добавил:

— Через три с половиной часа. Чarterные самолеты не самые быстрые в мире.

Байард понял, что теперь остается действовать только ему.

— Пока мы не приземлимся в Ванкувере, я постараюсь помочь этим людям, чем могу. Мне нужна моя сумка. Как вы думаете, до нее можно будет добраться? Я ее сдал в Торонто.

— Попытаемся,—сказал командир.—Я надеюсь, она не на самом дне. Дайте мне ваши багажные талоны.

Длинные пальцы Байарда скользнули в боковой карман брюк и извлекли бумажник. Он вынул оттуда талоны и отдал их Дану.

— Там две сумки, командир. Мне нужна та, которая поменьше. В ней не так много медикаментов—всего несколько самых необходимых вещей, которые я всегда вожу с собой. Но они могут пригодиться.

Не успел он договорить, как самолет вдруг сильно качнуло, и они оба отлетели к противоположной стене. Раздался громкий непрерывный сигнал. Командир первый вскочил на ноги и бросился к внутреннему телефону.

— Это командир!—резко выкрикнул он.—В чем дело, Пит?

Отозвавшийся голос звучал слабо:

— Мне плохо... Идите скорей...

— Прошу вас со мной,—обратился Дан к доктору, и они быстро вышли из буфета.

В салоне их встретили вопросительные и встревоженные взгляды пассажиров.

— Воздушная яма. Ничего не поделаешь. Извините,—спокойно пояснил Дан.

Как только они вошли в кабину пилотов, им тут же стало ясно, что второму пилоту очень плохо. Пот покрывал все лицо. Тяжело откинувшись на спинку кресла, он из последних сил сжал штурвал.

— Надо вынуть его из кресла,—приказал Дан.

Байард и Джанет, которая вошла следом за мужчинами, подхватили Пита и подняли его на руки. Дан уже сел в свое кресло, штурвал был в его руках.

— Там сзади есть кресло радиста,—сказал Дан.—Отнесите его туда.

Когда они уложили Пита, Байард расстегнул ему воротник и постарался устроить его как можно удобнее. Большого тряслось, каждые несколько секунд все тело сводили судороги рвоты.

— Доктор,—обратился к Байарду командир, голос его был напряжен.—Что это? Что происходит?

— Не могу сказать с уверенностью,—ответил тот мрачно,—но у всех этих случаев должен быть общий знаменатель. Скорее всего пища. Что было на обед?

— Горячее блюдо на выбор: мясо или рыба,—сказала Джанет.—Вот вы, доктор, вы брали...

— Мясо!—отрезал Байард.—Это было... Так... два-три часа назад. Что он брал?—Доктор показал на второго пилота.

На лице Джанет появилась тревога.

— Рыбу,—почти шепотом выговорила она.

— А что брали те двое пассажиров, вы помните?

— Нет. Но мне кажется...

— Пойдите, пожалуйста, и быстро проверьте.

Стоярдесса поспешно вышла.

Байард наклонился к второму пилоту. Глаза больного были закрыты.

— Постарайтесь расслабиться,—просил он мягко.—Через несколько минут я дам вам лекарство, которое снимет боль.

Пит приоткрыл глаза и облизал запекшиеся губы.

— Вы доктор?—спросил он.

Байард кивнул. С полуобморочным подобием улыбки Пит выговорил:

— Извините за эту суматоху. Я думал, что отдаю концы.

— Не разговаривайте. Вам надо беречь силы.

Вернулась Джанет.

— Доктор,—произнесла она тихо, запинаясь от волнения.—Я проверила. Оба эти пассажира ели рыбу. Теперь еще трое жалуются на боли. Пройдемте туда, пожалуйста.

— Конечно. Но мне все-таки нужна моя сумка. Дан обернулся к нему.

— Послушайте, доктор, я не могу сейчас выйти, но вам поможет Джанет. Вот ваши талоны. Джанет, попроси кого-нибудь из пассажиров помочь тебе и отыщи доктору его сумку, хорошо?

Джанет взяла талоны.

— Я хочу связаться с Ванкувером,—продолжил Дан.—Надо сообщить им, что происходит. Передать что-нибудь от вас, доктор?

— Прежде всего,—сказал Байард,—сообщите, что у нас три серьезных случая предполагаемого отравления пищей. По-видимому, будут и другие. Вы можете также сказать, что хотя мы не полностью уверены, но отравление могло быть вызвано рыбой, которую подали в самолете. Хорошо, если вы попросите их наложить запрет на все продукты, которые получены из того же источника, что и наши. По крайней мере до тех пор, пока мы точно не установим причину отравления.

— Я сейчас припоминаю,—воскликнул Дан,—из-за опоздания нашим агентам пришлось получить продукты не от постоянных поставщиков, а от кого-то еще.

— Обязательно передайте им это, командир,—сказал Байард.—Они должны знать.

— Доктор, пожалуйста,—умоляюще позвала его Джанет.—Надо срочно посмотреть миссис Чилдер. Она уже без сознания.

Байард направился к двери. Лицо его осунулось, но выражение глаз было спокойным и решительным.

— Позаботьтесь, чтобы среди пассажиров не поднялась паника,—наставлял он по дороге стюардессы.—Многое зависит от вас. Теперь, если вы хорошо

Рисунок Валерия СМИРНОВА

поищете и найдете, наконец, мою сумку, я смогу что-то сделать для миссис Чилдер.—Он распахнул перед ней дверь, затем внезапно остановился, как будто какая-то мысль пригвоздила его к месту.—Кстати, а что вы ели?

— Я—мясо,—ответила стюардесса.

— Тогда слава богу.

Джанет улыбнулась и хотела было идти, но доктор вдруг сильно сжал ее руку.

— Я надеюсь, что командир тоже ел мясо? — выговорил он.

Стюардесса посмотрела на него таким растерянным и тревожным взглядом, будто пыталась одновременно и вспомнить и понять, что стоит за этим вопросом. И когда до нее дошел смысл слов Байарда, глаза ее расширились от ужаса, и она, покачнувшись, едва не упала ему на руки.

ГЛАВА 3

— Срочно найдите мою сумку,—сказал Байард, когда стюардесса пришла в себя.—А мне пока надо сказать несколько слов командиру.

И он вернулся в кабину пилотов.

Силуэт командира вырисовывался на фоне холмов сверкающей картины лунной ночи, раскинувшейся среди бесконечных снежных перевалов облаков, причудливые очертания которых могут привидеться разве только во сне.

— Командир,— позвал его доктор. Дан обернулся. Лицо его было обесцвечено и искажено лунным сиянием.—Мне нужно быстро кое-что с вами выяснить. Меня ждут в салоне. Там еще несколько таких же случаев заболевания.

— Я вас слушаю, доктор.

— Вы, наверное, если последним, после второго пилота?

— Да.

— Насколько позднее, чем он?

— Около получаса, я думаю. А может быть, больше, но ненамного.—И тут до него дошел смысл вопроса. Он резко выпрямился и ударил ладонью по рукотячу штурвала.

— Черт те что! Я ведь тоже ел рыбу!

— А как вы себя чувствуете?

— Пока все в порядке. Нормально.

— Так!—В голосе Байарда почувствовалось облегчение.—Как только мне достанут мою сумку, я тут же дам вам рвотное.

— И это поможет?

— Зависит от того, сколько вы уже успели усвоить. Вопреки всякой логике вполне возможно, что не все, кто съел рыбу, заболевают. Может быть, вы один из них.

— Хорошо бы,—пробормотал Дан, уставившись в залитое лунным сиянием пространство.

— Теперь вот еще,—сказал Байард.—Можно как-нибудь перевести самолет на автоматическое управление?

— Конечно,—ответил Дан.—Для этого есть автопилот. Но с его помощью нельзя посадить самолет.

— Я бы вам советовал переключить управление на автопилот. На всякий случай. Если вдруг вам станет плохо, срочно вызовите меня. Правда, не думаю, чтобы в моих силах было многое. Но если вы все-таки отравились, то симптомы появятся очень скоро.

Дан сжал штурвал так, что костяшки пальцев побелели.

— Ну ладно,—проговорил он спокойно.—А как насчет мисс Бенсон, стюардессы?

— Все в порядке. Она ела мясо.

— Ну, тогда еще ничего. Послушайте, принесите, ради бога, скорее это свое рвотное.

— Бенсон ищет вовсю. Так, если не ошибаюсь, уже по крайней мере два человека находятся в глубоком шоке. И еще одно,—сказал Байард, глядя прямо в глаза командиру.—Вы абсолютно уверены, что нет другого, более короткого пути?

— Конечно,—ответил Дан.—Я уже несколько раз проверял. Сплошная облачность и наземный туман везде, вплоть до той стороны гор. Калгари, Эдмонтон, Летбридж—все закрыто. Это естественно, ведь наземная видимость равна нулю. В обычных условиях это бы нас нисколько не беспокоило.

— Но сейчас беспокоит, и даже очень.

Доктор был уже на пороге, когда Дан вдруг спросил его:

— Постойте. За этот полет отвечаю я, и потому я могу требовать прямого ответа. Говорите без обиняков: какие у меня шансы выбраться?

Байард сердито покачал головой. Самообладание на мгновение покинуло его.

— Этого я знать не могу,—сказал он резко.—В таких случаях не может быть никакой гарантии.

Когда он уже собирался выйти, его снова остановил голос Даны:

— Ох, доктор!

— В чем дело?

— Хорошо, что вы тут оказались.

Байард вышел, ничего не сказав. Дан тяжело

перевел дыхание. Нужно было решать, как действовать дальше.

В критических ситуациях, угрожавших пассажирам и самолету, Дан оказывался и раньше. Но на этот раз его обычную в таких случаях уверенность разъедало леденящее предчувствие катастрофы. И как это могло произойти, чтобы самолет после какого-то получаса нормального обычного полета, с веселой оравой болельщиков на борту, стал чем-то вроде кошмарного призрака, возникшего в четырех милях над землей, призрака, о котором в скором времени появятся кричащие заголовки газет.

Дану стало вдруг самому противно от этих мыслей, и он с презрением их отбросил.

Он щелкнул переключателями на панели автопилота, взглянул на указатель курса и затем снял руки со штурвала. Оставалось только еще раз тщательно проверить работу всех приборов. Теперь кабина пилотов могла бы показаться неопытному глазу чем-то фантастическим. Два одинаковых штурвала двигались то слегка вперед, то назад, то снова вперед, будто два невидимых человека сидели за каждым из них. По всему обширному пространству приборной панели десятки стрелок вели регистрацию только им ведомых процессов.

Закончив проверку, Дан подтянул ко рту микрофон, державшийся на пружинном шнуре у затылка, и натянул наушники. Головка микрофона, качнувшись на пружине, больно врезалась острым краем в щеку Даны. Он зло выругался. «Ну, ну,—приказал он себе,—спокойнее».

Дан начал говорить неторопливо и ровно:

— Алло, диспетчерский пункт Ванкувер? Говорит 714-й компании «Мэпп Лиф». Примите срочное сообщение. Примите срочное сообщение.

В наушниках Дана тотчас раздался далекий голос:

— 714-й, вас понял. Говорите.

— Диспетчерский пункт Ванкувер. Говорит 714-й. Передаю особо важное сообщение. У нас на борту три серьезных случая предполагаемого отравления. Среди пострадавших—второй пилот. Возможны также новые случаи. Когда мы приземлимся, нам потребуется немедленная врачебная помощь и санитарные машины. Сообщите об этом в близлежащие больницы. Мы не можем с полной уверенностью утверждать, но нам кажется, что отравление вызвано рыбой, которую подавали в самолете на ужин. Из-за нашего позднего прибытия в Виннипег продукты пришли получить не от постоянных поставщиков авиалиний. Было бы целесообразно наложить запрет на все продукты, которые поступили из того же источника, хотя бы до тех пор, пока причина отравления не будет выяснена окончательно. Пожалуйста, проверьте.

Диспетчерский пункт в Ванкувере отвечал с той же бесстрастностью и краткостью, как и всегда, но Дан догадывался, какой взрыв произвел его слова на далеком западном побережье и какая активная деятельность начнется после них. Совершенно обессиленный, он закончил передачу и откинулся на спинку кресла. И тут он почувствовал, как холодный пот выступил на лбу и все тело вдруг свело внезапной спазматической болью. Это было предательством: в такой критической ситуации организм подвел его. Ярость охватила Дану. Он собрал последние силы и еще раз все проверил: уточнил курс самолета, время прибытия, определил направление встречных ветров по ту сторону хребта, изучил план посадочных полос в Ванкувере. Затем он достал бортжурнал, открыл его и проверил время по своим ручным часам. Его одурманенный мозг с болезненной медлительностью пытался разрешить, казалось, в тот момент чудовищно трудную задачу: разметить по часам события этой ночи.

В это время доктор Байард был в салоне около миссис Чилдер. Она так и не приходила в себя.

Чилдер схватила доктора за руку и слегка притянула к себе:

— Скажите, ради бога, что происходит?—Его голос дрожал.—Ей ведь совсем плохо.

Байард взглянул на женщину. Ее дыхание было учащенным и неглубоким.

— Да, совсем плохо,—ответил он.

— Неужели мы ничем не можем помочь? Дайте ей что-нибудь.

Байард покачал головой:

— У нас нет необходимых лекарств. Ей нужны антибиотики. Единственное, что мы можем,—это держать ее в тепле.

— Может быть, дать ей воды?

— Ни в коем случае. Ей станет еще хуже. Ваша жена почти без сознания. Но не тревожитесь, она придет в себя. А ваша задача—присматривать за ней и держать ее в тепле. Ее даже в бессознательном состоянии может тошнить. Я скоро к вам подойду.

Байард прошел к следующему ряду кресел. Вдавившись всем телом в сиденье, там громко стонал мужчина средних лет. Воротничок его был расстегнут, лицо блестело от пота. Он водил головой из

стороны в сторону, и его губы растягивались при каждом приступе боли. Взглянув на доктора, он пробормотал:

— Это убийство. Так плохо мне никогда не было.

Байард вынул карандаш из кармана пиджака и поднес его к лицу больного.

— Пожалуйста,—сказал он.—Попробуйте взять этот карандаш.

Мужчина с трудом приподнял руку. Его пальцы неловко попытались схватить карандаш, но проскользнули мимо. Байард нахмурился. Он приподнял больного и, усадив поудобнее, подоткнул вокруг него одеяло.

— Я не могу контролировать свои движения,—проговорил мужчина.—И у меня такое ощущение, что голову зажали в тиски.

— Доктор!—раздался чей-то возглас.—Подойдите, пожалуйста.

— Минутку,—отклинулся Байард.—Я всех осмотрю по очереди.

В это время пришла Джанет. В руках у нее была кожаная сумка.

— Вот умница!—сказал Байард, беря сумку.—Та самая. Правда, от нее не так уж много толка...—Он задумался. Затем громко спросил:—Где внутренняя связь?

— Я покажу вам.—Стюардесса провела доктора в буфет и показала на маленький микрофон.

— Как там миссис Чилдер?—спросила она.

Байард сурово поджал губы и проговорил:

— Не будем играть в прятки—она очень плоха. Но думаю, не ошибусь, если скажу, что скоро и другие могут оказаться в таком же состоянии.

— Вы все еще считаете, что это отравление рыбой?

— Скорей всего. Страфлококки. Хотя по некоторым симптомам можно предположить и нечто худшее. Но кто же может сказать наверняка без надлежащих анализов!

— Вы хотите дать всем рвотное?

— Да. Конечно, за исключением тех, кому уже очень плохо. Вот и все, что я могу сделать. Нам бы сейчас помогли антибиотики, но что толку говорить, если их нет.

Подняв микрофон, Байард вдруг приостановился на секунду.

— Да, как только вы сможете,—сказал он стюардессе,—постарайтесь организовать уборку салона. Разбрьзгайте везде дезинфекцию, если, конечно, она у вас есть.

Байард нажал на включатель микрофона.

— Леди и джентльмены! Прошу внимания.—Он услышал неясный гул голосов в салоне, сливавшийся с ровным гудением двигателей.—Прежде всего я хочу вам представиться. Я доктор Байард. Думаю, всех вас интересует, что за недомогание случилось с некоторыми вашими попутчиками. Я хочу вас об этом проинформировать. Несколько в моих силах судить при данных обстоятельствах, у нас на борту несколько случаев отравления пищей. Предположительно причиной его является рыба, которую некоторые заказали себе на ужин.

За перегородкой раздались встревоженные голоса.

— Выслушайте меня, пожалуйста,—продолжил Байард,—нет причин для тревоги. Повторяю, тревожиться незачем. Те пассажиры, которые почувствовали недомогание, получили соответствующую помощь от стюардессы и от меня. Командир сообщил по радио в Ванкувер, чтобы в аэропорту по прибытии им немедленно оказали медицинскую помощь. Если вы ели рыбу, то это еще не значит, что вы заболеете. Бывают исключения. Может оказаться, что вы невосприимчивы к отравляющим бациллам. Однако мы собираемся принять некоторые меры предосторожности. Мы со стюардессой обойдем всех пассажиров, и вы должны нам сообщить, что ели на ужин. Тем, кто заказывал рыбу, мы расскажем, как они могут себе помочь.

Байард снял палец с кнопки микрофона и обратился к Джанет.

— Все, что мы можем сейчас сделать, это немедленно оказать первую помощь.

— Таблетки, да?

— Мы можем сделать две вещи. Точно неизвестно, чем было вызвано отравление, но ясно, что что-то принятим вовнутрь. Поэтому начнем с того, что каждому, кто ел рыбу, дадим выпить несколько стаканов воды. Конечно, тем, кто еще в состоянии пить. Это растворит яд и уменьшит токсикацию. После этого дадим рвотное. Если у меня в сумке не окажется достаточно таблеток, будем давать соль. У вас ее достаточно.

— У меня есть несколько пакетиков для завтрака. Можем их открыть.

— Хорошо. Но сначала посмотрим, что дадут нам таблетки. Я начну с конца салона. А вы давайте воду тем, кто уже почувствовал симптомы. Дайте и второму пилоту тоже. Правда, вам одной будет трудно справиться.

Продолжение следует.

МУЗЫКУ НАДО ПИСАТЬ СЕРДЦЕМ

Начало на 26-й стр.

речные куски, причем не обязательно подряд. Потом из этих «кирпичей» сложится целое произведение.

Впоследствии мне часто приходилось встречаться с Прохорьевым, показывать ему свои новые сочинения, беседовать о проблемах развития современной музыки. Чрезвычайно взыскательный по отношению к себе, он был очень требователен и к другим. От нас, молодых музыкантов, он требовал неустанных поиска новых форм, советовал избегать проторенных дорог, не повторять ни себя, ни других. Мудрые прохорьевские слова о назначении и смысле музыки должны помнить все молодые композиторы: «Сейчас не те времена, когда музыка писалась для крошечного кружка эстетов. Сейчас огромные массы народа стали лицом к лицу с серьезной музыкой и вопросительно ждут... Массы хотят большой музыки... Они понимают гораздо больше, чем думают некоторые композиторы, хотят совершенствоваться».

В те незабываемые годы я с огромным увлечением работал и над своими сочинениями, и над восполнением пробелов в общекультурном образовании. Жил я тогда в тесной комнатушке студенческого общежития на Арбате, заваленной книгами, журналами, нотами. Студенческий паек был скучен, да это меня не смущало: наскоро проглотив размоченный в подслащенном кипятке сухаря, бежал стремглав в консерваторию. Занятия под руководством известных педагогов сыграли решающую роль в моем идеино-художественном росте. Усваивая классику и современную музыку, я научился критически мыслить, сочиняя — логически развивать мысль, воплощать ее в образ. Мясковский, Прохорьев и другие профессора воспитывали строгость вкуса, приучали придирично отбирать и разрабатывать тематический материал, внушали необходимость постоянной внутренней самокритики, помогали избавиться от шелухи дилетантства и случайных, наносных влияний. За годы учебы в Московской консерватории я написал около пятидесяти сочинений в различных жанрах, а увенчались мои творческие искания и борения юности Первой симфонией — ею я завершил консерваторский курс.

Окончив в 1934 году консерваторию, я целиком отдался творческой и музикально-общественной деятельности — писал песни, романсы, концертные пьесы, камерно — инструментальные и симфонические произведения. Из крупных вещей, созданных в тридцатые годы, назову фортепианный концерт, симфоническую поэму, скрипичный концерт... Работая над фортепианным концертом — моим первенцем в этом жанре, — я мечтал услышать его в исполнении Льва Оборина. Летом 1937 года моя мечта осуществилась. Великолепное исполнение выдающегося пианиста принесло успех сочинению. Для меня это означало вступление в новую, очень дорогоую и близкую мне область творчества — область инструментального концерта. Горжусь, что этот фортепианный концерт вошел в репертуар многих пианистов и у нас в стране и за рубежом. Его играл один из крупнейших пианистов века, Артур Рубинштейн.

В 1937 году меня избрали заместите-

лем председателя Московского Союза композиторов, а в 1938 году, когда создавался Организационный комитет Союза композиторов СССР, назначили заместителем председателя этого всесоюзного творческого объединения. В те годы я работал бок о бок с известными советскими композиторами — С. Прохорьевым, Д. Шостаковичем, Р. Глиэром, Д. Кабалевским, встречался со многими деятелями литературы, театра, кино, живописи, участвовал в концертах, творческих смотрах, обсуждениях, дискуссиях... Словом, атмосфера подъема новой, социалистической культуры с головой поглотила меня. Я оказался в самом центре мощного движения за реализм и народность советского искусства.

Весну и лето 1939 года провел в Армении, собирая материал для балета «Счастье». Здесь-то и началось глубочайшее изучение мелодий родного края, народного творчества, фольклора Армении. Делал я это по совету А. М. Горького, который высказал его вот при каких обстоятельствах. Летом 1934 года приехавший в Советский Союз Ромен Роллан гостил у Горького на даче. Было очень жарко, даже душно. Но это не помешало многочисленным гостям приехать к Горькому, который решил познакомить Ромена Роллана с известными писателями, композиторами, художниками, артистами. Алексей Максимових всех сердечно встречал, представляя каждого Роллану. Меня, молоденького аспиранта, пригласили, видимо, для разнообразия.

Автор «Жана Кристофа» чувствовал себя неважно. Костюм его был застегнут на все пуговицы, он кутался в плед, пряча в нем бледные, чуть прозрачные руки.

— Вы армянин? — спросил он меня.
— Да, армянин...

— Меня давно интересует музыка Армении. Нет ли у вас ее образцов?

— С собой, к сожалению, нет. Но, если позволите, я пришлю их вам через 2—3 дня...

— Меня очень интересует народная музыка, — повторил Роллан, делая ударение на слове «народная».

Горький стоял в стороне, курил и вдруг бросил реплику:

— Композиторы, изучайте фольклор! Фольклор надо всерьез заниматься. Фольклор — начало началь!

У меня до сих пор в ушах звучит глуховатый голос Алексея Максимовича: «Композиторы, изучайте фольклор!»

За пять лет после окончания консерватории я успел написать музыку к четырем кинофильмам, к двум театральным постановкам, ряд инструментальных бесс. И вдруг... война.

Вспоминаю первые ее дни, когда с утра и до позднего вечера пропадал в Союзе композиторов. Из всех комнат и помещений доносились звуки песен, военных маршей: композиторы и поэты несли сюда свои новые произведения, посвященные патриотической теме борьбы против фашизма. Именно к песне, этому наиболее гибкому и «оперативному» жанру музыкального искусства, в первые же дни войны обратились советские композиторы. Мне запомнились некоторые данные, поступавшие в союз в виде своеобразных «фронтовых музыкальных сводок». За первые два дня войны только московские композиторы и поэты создали свыше сорока песен, к четвертому дню их было написано уже больше ста, и среди них «Священная война» А. Александрова, ставшая музыкальным выражением сути Великой Отечественной войны. Духом истинного патриотизма были проникнуты песни, созданные в порыве вдохновения В. Соловьевым-Седым, М. Блантером, А. Новиковым, И. Дунаевским, В. Захаровым. Ни на один день во время войны не прекращалась деятельность советских музыкальных театров, филармонических организаций, радио-

студий. Даже налеты фашистской авиации на Москву не могли нарушить обычную музыкальную жизнь столицы.

Осенью 1941 года, когда гитлеровские орды рвались к Москве, я вернулся к работе над балетом «Счастье», написанным еще в 1939 году. Сегодня может показаться странным, что в те дни суровых испытаний могла идти речь о балетном спектакле. Война и балет? Понятия действительно несовместимые. Но, как показала жизнь, в моем замысле отобразить в музыкально-хореографической форме тему великого всенародного подъема, единения людей перед лицом грозного нашествия не было ничего странного. Балет был задуман как патриотический спектакль, утверждающий тему любви и верности Родине. Исполнили его артисты Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова, находившегося в то время в Перми. 3 декабря 1942 года там же состоялась премьера моего балета «Гаянэ».

Конец войны застал меня за работой над Гимном Армянской ССР, симфоническими пьесами, музыкой к кинофильмам. К созданию музыки для кино я вообще отношуся неравнодушно. С удовольствием работал над фильмами «Салават Юлаев», «Русский вопрос», «У них есть Родина», «Секретная миссия», «Адмирал Ушаков», «Корабли штурмуют бастионы» и другими.

Послевоенные годы ознаменовались для меня многими важными событиями. Я стал профессором Московской консерватории по классу композиции, начав, таким образом, педагогическую работу, сочинил ряд больших произведений (в том числе балет «Спартак»), начал дирижерскую деятельность. Стать дирижером я мечтал еще в молодости. Найти контакт с артистами оркестра, повести их за собой, добиться того звучания музыки, которое живет в твоей душе, — что может быть привлекательнее для композитора! Я несколько раз принимался за изучение трудного дирижерского искусства, но постоянная занятость, многочисленные творческие и общественные обязанности не позволяли вести эти занятия с должным усердием. Я уже готов был отказаться от своей мечты встать за дирижерский пульт, но неожиданно помог случай. В феврале 1950 года ко мне обратились устроители вечера, посвященного встрече избирателей с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР академиком Сергеем Вавиловым, с просьбой прородирижировать отрывками из сюиты «Гаянэ» и финалом моего скрипичного концерта. Предложение было заманчивым. Я долго колебался, прежде чем сказал «да». Но, сказал это «да», я на несколько дней потерял покой и сон — уж очень ответственным представлялось появление перед публикой в роли дирижера. К счастью, концерт прошел как нельзя лучше, и академик Вавилов взял с меня слово, что отныне я буду выступать и в качестве дирижера. Слово это я сдержал. После ряда авторских концертов в Москве летом 1951 года я совершил большую концертную поездку в Армению и Грузию, где дирижировал филармоническими оркестрами. Не оставляю дирижерскую палочку и сейчас и всякий раз, становясь перед оркестром, вспоминаю разговор с одним моим другом-композитором. Он как-то спросил меня: «Скажи честно, ты дирижируешь или машешь?» Я ему с улыбкой отвечаю: «Что ты, машу, машу». А он все продолжает допытываться: «А как ты разговариваешь с музыкантами? Мне вспоминается, как один дирижер оставил оркестр и обратился к кларнетисту: «Дорогой друг, вы не так играете свое соло. Здесь, знаете ли, шелест леса, вокруг облака плавят, герой встречает героиню — такая вот идиллическая картина». И долго в таком духе рассказывал. А кларнетист смотрел на дирижера, вытаращив глаза, и, когда тот кончил, спросил: «Так, значит, маэстро, играть меццо форте?» «Скажи, — добавил мой друг, — ты тоже так разговариваешь с оркестрантами?» Я ответил: «Извини, но насчет того, машу я или дирижирую, это ладно. Но разговариваю с оркестром я на профессиональном языке: говорю, какой частью смычка играть, какими приемами и штрихами пользоваться, и даже показываю, какая аппликатура должна быть у медных духовых, потому что сам когда-то играл на многих инструментах».

Мое первое зарубежное выступление в качестве дирижера состоялось в Италии. Итальянская критика тепло приняла меня, назвав, очевидно, по неведению, «опытным маэстро». Этот весьма лестный эпитет придал смелости, и с тех пор все зарубежные поездки я стал совмещать с авторскими концертами.

Каждый прожитый день оставляет во мне разнообразные впечатления, ставит новые, подчас непростые задачи. И я благодарю судьбу за то, что характер моей профессии композитора и педагога создает широкие возможности для тесного общения с людьми. Много, очень много встреч с талантливыми людьми было на моем жизненном пути. Расскажу вкратце о некоторых из них, состоявшихся в последние десятилетия.

Летом 1965 года, во время пребывания в Швейцарии, я познакомился с Чарли Чаплином. В свои 76 лет он был молодым, необычайно подвижным, излучающим сердечное тепло человеком. Незабываема его добрая, чуть застенчивая улыбка. Как известно, Чаплин сам сочинял музыку к своим кинофильмам. Естественно, я попросил его сыграть что-нибудь из его сочинений. Хозяин не заставил себя долго просить, очень решительно подошел к роялю, поднял крышку, придинул стул, примерился... Этим дело и кончилось. Но сцена была разыграна изумительно.

Вспоминаю 90-летие Яна Сибелиуса. Патриарх финской музыки жил в деревушке Сироми, куда я и отправился тотчас по прибытии в Хельсинки. Конечно, я знал, что композитор был дружен с Римским-Корсаковым, Глазуновым, Лядовым, прекрасно знал русскую музыку и живо интересовалася ее современным развитием.

— Что нынче пишут ваши композиторы? — спросил меня Сибелиус, протягивая коробку с сигарами. Я тогда не курил и, естественно, отказался. А спустя несколько дней один из финских друзей выразил мне свое удивление: как я мог отказаться, если сам Сибелиус предлагал сигару. Я объяснил, что считаю Сибелиуса живым классиком, что семь его симфоний являются великолепным вкладом в скандинавскую школу, что все композиторы мира справедливо гордятся им. Я привел, кажется, самые серьезные доказательства моего уважения к Сибелиусу. И все равно меня так и не простили.

А разговор с Сибелиусом был очень интересным. «В современной музыке много хаотически странного, неприемлемого», — говорил он мне. — Кто сочиняет музыку головой, кто — ногами, а надо — сердцем».

Да, это так... Я побывал в десятках стран мира, наслышался досыта так называемой дodeкафонической музыки. Слушал и думал — вроде концерт, вроде все, как везде, а музыки нет. И вспоминал Сибелиуса: «Музыку надо писать сердцем».

И сегодня мне хочется пожелать читателям журнала «Смена», всем молодым людям моей страны: «Любите музыку, чаще встречайтесь с ней, не забывайте ее ни в горе, ни в радости, пусть она будет вашей спутницей на протяжении всего жизненного пути».

Записал Юрий БЕСПАЛОВ.

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Рисунки Владимира КАЗАНЕВСКОГО

Рисунок Юрия КОСОБУКИНА

©

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ДЕСЯТЫЙ ТУР

Белые начинают и делают ничью (4 балла).

Ход черных. Каковы шансы сторон в этой позиции? (4 балла).

III

Назовите имена чемпионок СССР по шахматам 1976 и 1977 годов? Сколько в нашей стране женщин-гроссмейстеров? (1 балл).

IV

Кто из советских шахматистов завоевал первый приз на международном турнире, организованном в 1977 году в Лондоне по английскому телевидению? (1 балл).

V

Заключительным заданием этой олимпиады, за которое может быть присуждено до 10 баллов, будет комментирование шахматной партии.

матной партии, текст ходов которой мы приводим ниже.

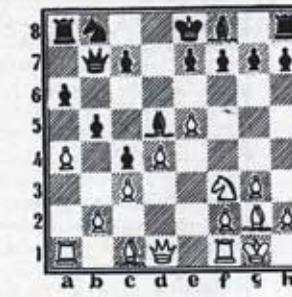
1. d2-d4 d7-d5 2. Kg1-f3 Kg8-f6 3. c2-c4 d5:c4 4. e2-e3 e7-e6 5. Cf1:c4 c7-c5 6. Kb1-c3 Kb8-c6 7. 0-0 Cf8-e7 8. Fd1-e2 0-0 9. Lf1-d1 Fd8-c7 10. a2-a3 a7-a6 11. d4:c5 Ce7:c5 12. a2-a4 Cc5-e7 13. Cc1-e2 Cc8-d7 14. La1-c1 La8-c8 15. Cc4-d3 Lf8-d8 16. Kc3-e4 Kf6-e4 17. Cd3:e4 Cd7-e8 18. Kf3-d4 Fc7-b6 19. Fe2-f3 Kc6-e5 20. Ce4:h7+ Kpg8-h7 21. Ff3-h5+ Kph7-g8 22. Fh5:e5 Ce7-f6 23. Fe5-h5 Ce8-a4 24. Ld1-e1 Fb6-d6 25. h2-h3 Ca4-c2 26. Fh5-f3 b7-b5 27. Ff3-e2 Cc2-a4 28. Fe2-f3 Lc8-c4 29. Cb2-a1 Ld8-c8 30. Lc1-b1 e6-e5 31. Kd4-e2 Ca4-c2 32. Lb1-c1 Cc2-e4 33. Ff3-g4 Ce4-b7 34. Lc1:c4 Lc8-c4 35. f2-f4 Fd6-d2 36. Fg4-g3 Lc4-e4 37. Ca1-c3 Fd2-d5 38. Cc3:e5 Le4:e3 39. Fg3-g4 Cd6:e5 40. f4:e5 Le3:e5 41. Kpg1-h2 Cd5-d2 42. Fg4-g3 f7-f6 43. h3-h4 Cb7-d5 44. Fg3-f2 Cd5-c4. Белые сдались.

Ходы, сделанные соперниками, нужно давать в полной шахматной нотации, а комментарии — в сокращенной нотации с красной строкой. В них следует называть дебют этой партии, указать планы сторон и критические моменты борьбы, остановиться на тактических ситуациях, вскрыть решающую ошибку, повлекшую поражение. Партия интересная, не сложная, и ее разбор вполне посильен для любителя шахмат среднего уровня. Требуются лишь внимание и аккуратность.

Письма на десятый, последний тур олимпиады отправляются в наш адрес — 101467, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Смена» не позднее 15 июля с. г. (по почтовому штемпелю). На конверте не забудьте сделать пометку «20-я шахматная олимпиада, десятый тур», а на первой странице письма справа вверху — поставить свой регистрационный олимпиадный номер.

НАГРАДА ЮРИЯ БАЛАШОВА

По установленвшейся доброй традиции на крупных шахматных турнирах вручаются специальные призы за творческие достижения. Такой награды — «За лучшую партию» на международном турнире в Югославии был удостоен молодой советский гроссмейстер Юрий Балашов. Играя с сильнейшим гроссмейстером Англии Энтони Майлсом, москвич создал шедевр шахматного искусства.

Перед вами позиция, возникшая у Балашова (он играл белыми) с Майлсом после 11-го хода черных. В начале игры белые в целях захвата инициативы пожертвовали пешку, однако сопернику, казалось бы, удалось построить крепкий оборонительный вал. Но после неожиданной, смелой и глубоко продуманной жертвы второй пешки мобилизация черных фигур притормаживается, атака же белых развивается чрезвычайно стремительно.

12. e5-e6! Cd5:e6 13. Kf3-g5 Ce6-d5 14. Cg2:d5 Fb7:d5 15. a4:b5 a4:b5 16. La1:a8 Fd5:a8 17. Fd1-g4!

Этот выпад белого ферзя и его тонкий маневр на следующем ходу сразу ставят противника в весьма затруднительное положение.

17. ... Kb8-c6 18. Fg4-f3! f7-f6 19. Kg5-e6 Fb8-b7 20. Ff3-d5 g7-g5 21. Cc1-f4!

Очень красиво, буквально на одном дыхании ведет Балашов наступление на неприятельского короля. Слона черные взять сейчас не могут из-за того, что теряют ферзя в результате комбинационной «вилки» (21. ... gf 22. Fh5+ Kpd7 23. Kc5+ Krc8 24. K:b7). Фигуры Майлса разъединены со своим королем и являются лишь печальными свидетелями развернувшейся драмы.

21. ... Cf8-h6 22. Lf1-e1 Fb7-b6 23. Kc6-c7+ Krc8-f8 24. Le1-e6! g5:f4 25. Lb6:c6 Fb6-b8 26. Kc7-e6+ Fpf8-e8 27. Lc6-c7 Krc8-f7 28. Ke6:f4+ Kpf7-f8 29. Fd5-c5!, и перед лицом неотразимых угроз черные сдались.

КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ

Песня — лауреат телевизионного конкурса «Песня-77»

Слова Николая ДОБРОНРАВОВА.
Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ.

Оглянись, незнакомый прохожий,
Мне твой взгляд неподкупный знаком.
Может, я это — только моложе,
Не всегда мы себя узнаем...

Припев:
Ничто на земле
Не проходит бесследно,
И юность ушедшая
Все же бессмертна.
Как молоды мы были,
Как молоды мы были!
Как искренне любили,
Как верили в себя!

Нас тогда без усмешек встречали
Все цветы на дорогах земли...

Мы друзей за ошибки прощали,
Лишь изменения простить не могли.

Припев.

Первый тайм мы уже отыграли
И одно лишь сумели понять:
Чтоб тебя на земле не теряли,
Постарайся себя не терять.

Припев.

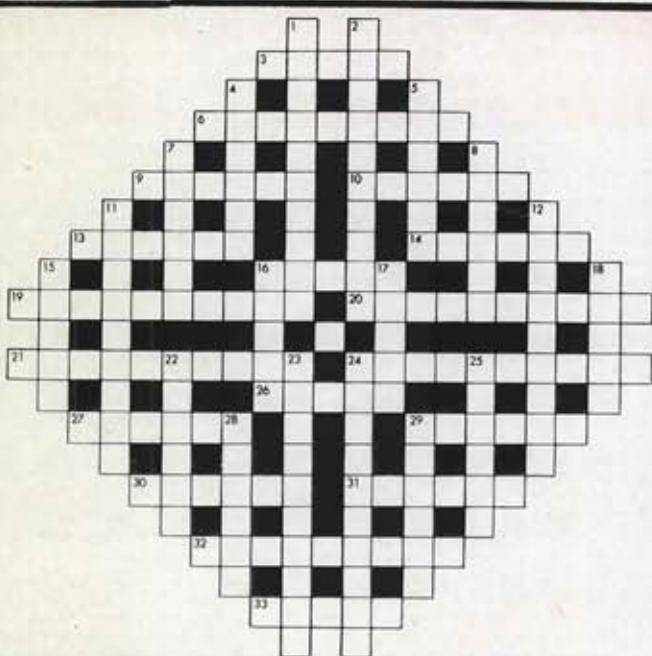
В небесах отгорели зарницы,
И в сердцах утихает гроза.
Не забыть нам любимые лица,
Не забыть нам родные глаза...

Припев.

КРОССВОРД

Составил В. НИКУЛИН,
Кустанак

По горизонтали:

3. Огородное растение, употребляемое как приправа. 6. Наука о законах развития природы, общества, мышления. 9. Текстильное изделие, ткань. 10. Союзная советская республика. 13. Одна из географических координат. 14. Композитор, Герой Социалистического Труда. 16. Наука о морали. 19. Транспортная машина. 20. Настольный счетный механизм. 21. Река на западе США. 24. Рабочий-новатор. 26. Горная система в Африке. 27. Соединение азота с водородом. 29. Песня А. Г. Новикова. 30. Старинное оружие. 31. Порт на Белом море. 32. Созвучие в стихосложении. 33. Лицевая сторона медали.

По вертикали:

1. Расположенность к определенным занятиям, одаренность. 2. Певчая птица. 4. Цветок. 5. Растение, цветущее ранней весной. 7. Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка. 8. Жаростойкий сплав. 11. Единица весы. 12. Часть математики. 15. Город в Азербайджане. 16. Лучшие растения, животные, отбираемые для выведения новых сортов. 17. Приток Куры. 18. Перелетная птица. 22. Персонаж трагедии А. С. Пушкина «Борис Godunov». 23. Повесть Л. Н. Толстого. 24. Хвостатое земноводное. 25. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством». 28. Кавалерист. 29. Действующее лицо оперы Д. Росси «Севильский цирюльник».

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 10

По горизонтали:

7. «Колобок». 8. Реометр. 11. Турчанинова. 12. Табло. 14. Ясень. 16. «Мизантроп». 19. Апухтин. 20. Литавра. 21. Гашек. 23. Качели. 24. «Метель». 25. Атмосфера. 26. Тайшет. 28. Луидор. 30. Рывок. 31. Вытегра. 33. Концерт. 34. Антверпен. 37. Желна. 39. Аванс. 40. Кабалевский. 41. Уланова. 42. Наровля.

По вертикали:

1. Плато. 2. Абердин. 3. Октава. 4. Артист. 5. «Колокол». 6. Белая. 9. Скарпия. 10. Генерал. 13. Лихтенштейн. 15. Счастливцев. 16. Миниатюра. 17. «Нашиштвие». 18. «Пигмалион». 21. Гомер. 22. Клерк. 27. Адыгеец. 29. Органка. 32. Анализ. 33. Керкира. 35. Валдай. 36. Ревень. 38. Аксай. 39. Айова.

«КАК ВОЛНА МОРСКАЯ В ПЕНЕ»

Он кажется осязаемым, этот синий неистовый ветер. Упруго выгнутые шеи, напряженные спины, дико косящие глаза, гривы, прижатые вихрем к прозрачной коже синих, фантастической масти коней,— всё в захватывающем, неукротимом движении!.. Но, плененный неистовым движением, созданным кистью живописца, невольно ищешь нечто, что должно было предшествовать пластическому выражению вихря. И действительно, он существует, этот первообраз,— в строках стихотворения Галактиона Табидзе «Синие кони»:

«Как волна морская в пене,
в грозном ржанье и храпенье
Кони синие лихие мчатся в смерть—
во весь опор!»

Эти строки классика грузинской поэзии послужили темой одноименной стихотворению картины Теймураза Гоцадзе, написанной им год спустя после окончания Тбилисской Академии художеств. Но, пожалуй, в поисках первообраза вернее будет сказать о вдохновении, которым молодой художник обязан поэту. Не потому только, что картина написана стремительно, как бы на одном дыхании, и в тех же эмоциональных ритмах, но главным образом потому, что здесь мы имеем дело не с неким конкретным, так сказать, событийным сюжетом, а именно

ФРЕСКА В ФОЙЕ.

КРАСНЫЙ ВИХРЬ.

с самим чувством движения, обретшим, как и у поэта, смысл символа.

Легко заметить пристрастие молодого художника к стремительному движению, к пластическому его выражению; поэтому не так-то просто избежать искушения обвинить художника в тяге к эффектной, хотя и отвлеченной символике. Но в том-то и дело, что другие, последовавшие за первой его работы отнюдь, впрочем, не лишенные подчеркнутого выражения движения, несут на себе яркую печать конкретности и событийно-сюжетной осмыслинности. Лучшее тому доказательство — картина Теймураза Гоцадзе «Красный вихрь». Даже название как бы подчеркивает художник свою индивидуальные привязанности. Но, конечно, смысл ее не исчерпывается называнием — он в самой художественной ткани произведения.

ГОЛУБЫЕ КОНИ.

Композиция картины предельно экспрессивна и выразительна, ритмы порывисты, колорит, построенный на столкновении локальных красных, оранжевых и зеленых тонов, эмоционально насыщен, как и требует того сюжет картины. Этот цельный, символически обобщенный образ в подчеркнутой поэтической приподнятости воссоздает конкретные, полные романтики и высокого драматизма события февраля 1921 года, когда стремительным наступлением Красной Армии в Грузии была установлена Советская власть.

К индивидуальным качествам художника, определяющим его гражданскую и творческую позицию, нужно отнести и другую особенность Теймураза Гоцадзе. Его привлекают события крупного масштаба, к которым никто из живущих ныне не может оставаться равнодушным. Выбираемые художником сюжеты всегда значительны и требуют размышления даже тогда, когда исторические отнесены от нашего поколения на десятилетия. Так, написанная к тридцатипятилетию Победы композиция «Конец фашизма» заставляет задуматься не столько о трагедии минувшей войны, сколько об ответственности поколения, которого огонь и смерть этой войны не коснулись. Не случайно, конечно, картина имеет второе, прозвищевое название — «Помни!».

Конечно, стремление к выбору значительных тем, приверженность к монументальности формы, к символической обобщенности образов и чисто живописному размаху движения не всегда укладывается в рамки хотя и большой, но станковой картины. Именно эти качества заставили художника попробовать свои силы в технике фрески. Такая работа оказалась по плечу молодому мастеру и украсила недавно интерьер телевизионного центра в Тбилиси. Не ограничивая свой замысел орнаментально-декоративными задачами, художник создал многофигурную полифоническую композицию, исполненную глубоко национальной изобразительности и воплотившую в философски обобщенных образах самый дух грузинской земли — ее историю и современность...

Награда за труд — всегда неожиданность, особенно такая высокая, как звание лауреата комсомола республики. Но, пожалуй, для тех, кто знаком с творчеством Теймураза Гоцадзе, она не была уж столь неожиданной, судя по тому, что успел сделать молодой мастер, он достоин этого звания.

Алексей ВЛАДИМИРОВ